Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 31 ОКТЯБРЯ 19—20

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 6

МОСКВА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ

«П Р А В Д А»

Главлит № 72063. Москва. Тираж 2.000 экз.
Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. № 23а.

Ем. Ярославский.

Завершенный круг.

(Итоги фракционной деятельности оппозиции за 1926 год).

Всем членам нашей партии необходимо отчетливо осознать не только отдельные моменты борьбы новой оппозиции с партией,—борьбы, которая закончилась жесточайшим поражением об'единенной оппозиции; необходимо видеть всю борьбу оппозиции за этот год: тогда еще более ясной станет сила этого поражения оппозиции и сила нашей партии, которая сумела справиться в течение нескольких месяцев с натиском об'единенной оппозиции. Многим казалось, особенно из оппозиционного лагеря, что силы оппозиции растут с каждым днем; некоторые из вождей оппозиции, вероятно, искренне думали, что «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством». Некоторые из них приурочивали этот момент к осени, к партконференции, к «XIV с половиной с'езду» или к XV с'езду; некоторые были убеждены в том, что на XV с'езде соотношение всей партии совершенно изменится и что докладчиками будут уже представители нынешнего меньшинства. События последних дней показали, какие ничтожные силы в нашей партии за об'единенной оппозицией.

Но вместе с тем, разлагающая работа, которая была проделана оппозицией за это время, оставила, несомненно, глубокие следы в отдельных, хотя и малочисленных группах членов партии. Бешеная кампания против партии, не брезговавшая никакими средствами, не останавливающаяся перед самыми крайними, раскольническими, фракционными мерами борьбы, отравила сознание части товарищей, и не так уже легко, может быть, будет отдельным товарищам освободиться от этой отравы, которая сделала их чуждыми партии, враждебными партии.

Задача настоящей статьи обрисовать работу новой оппозиции, чтобы еще более полно вскрыть несостоятельность оппозиции и тем помочь товарищам, сбившимся с пути, возможно скорее изжить остатки фракционности и (может быть, помочь даже самим руководителям оппозиции) избавиться от самообмана, который привел их к такой катастрофе.

1. Как складывался оппозиционный блок?

Я не буду здесь касаться «истории разногласий», которая была рассказана тов. Зиновьевым и другими на XIV с'езде партии. Вряд ли кто теперь станет спорить против совершенно неопровержимых данных, что перед XIV с'ездом тов. Зиновьевым и другими лидерами нынешней оппозиции велась определенная подготовка к XIV с'езду,

частью в отдельных секретных заседаниях руководящей головки ленинградской организации, частью на районных и на XXII губернской конференции в Ленинграде. Но следует отметить одну черту во всей этой подготовке. Подготовка велась таким образом, что маскировкой для нее служили нападки на троцкизм и на тов. Троцкого. Вся партия знает, как ленинградцы требовали исключения тов. Троцкого не только из состава Политбюро, но одновременно и из состава ЦК; вся партия знает, как соответствующим образом подготовлялась не только ленинградская организация комсомола, но и ЦК комсомола. Тов. Зиновьев и другие противопоставляли мнение ЦК комсомола мнению большинства ЦК, которое тогда противилось исключению тов. Троцкого из состава Политбюро. Вся партия теперь знает о письме тов. Леонова о том, как секретарь ленинградского губкома тов. Залуцкий обвинял большинство ЦК в покровительстве тов. Троцкому, в перерождении ЦК и в термидорьянстве. Пускались слушки и намеки, а иногда и прямые обвинения, что большинство ЦК состоит из «троцкистов» и «полутроцкистов»; одновременно велась атака на тов. Бухарина и специально создавалась «синяя папка» документов, направленных к тому, чтобы дискредитировать тов. Бухарина. В речах и произведениях целого ряда товарищей нынешней оппозиции излюбленной темой были нападки на тов. Троцкого и на троцкизм и обвинение большинства партии в том, что оно покровительствует троцкизму. Вот тов. Черный, секретарь одного из ленинградских районов, призывает к себе тов. Филиппа Иванова и об'ясняет ему: «О Троцком разногласия идут в такой плоскости: тт. Зиновьев, Каменев, Крупская и вся ленинградская организация стремятся к тому, чтобы окончательно добить троцкизм. Тт. Сталин, Молотов, Бухарин, Калинин и прочие хотят ввести Троцкого не только членом ЦК партии, но даже намечают его вновь в Политбюро ЦК. Печатаются все его речи и статьи, без всяких примечаний, помещаются различные его доклады, во-всю распространяются его книги и брошюры, одним словом, вновь при таком послаблении дают жить троцкизму» [1]).

Когда потом тов. Ланде разоблачает фракционную работу перед XXII ленинградской конференцией будущей оппозиции, одним из аргументов против Ланде в устах ленинградцев является то, что Ланде—бывший троцкист. Как можно верить бывшему троцкисту? На XXIII чрезвычайной конференции губернской организации ВКП(б) тов. Зайцев говорил об этой подготовке к XIV с'езду:

«Мы видели и чувствовали, в особенности делегация Выборгского района, что ряд товарищей, как Саркис, Александров и др. приготовляли идейный динамит для взрыва единства и подрыва авторитета ЦК партии» [2]). «Идейный динамит» оказался очень плохого качества и дал только вспышку, от которой остался не очень благоуханный запах.

Теперь совершенно точно установлено, что еще задолго до XIV с'езда оппозиция ставила в Ленинграде вопрос о расколе.

1) XIV с'езд ВКП (б). Стенографический отчет.
2) Стенографический отчет, бюллетень № 2.

об отколе. Тов Кузьмин из Балтийского завода на XXIII ленинградской конференции рассказал, как «еще до нашей районной конференции у нас на Балтийском заводе явился заведующий орготделом Василеостровского района тов. Абрамсон и предложил собрать десяток актива, где он поставил вопрос об опасности внутри нашей партии, о расколе в ЦК». Говорил о том, что «лучшая часть ЦК в лице четырех товарищей, Зиновьева, Сокольникова, Каменева и Крупской отделяется»... На деле договорился до того, что «необходимо дать бой на с'езде, что, может быть, мы останемся в меньшинстве, но что нужно вести подготовительную работу к XV с'езду партии». Тов. Чернов (завод имени Радищева) на той же конференции рассказал о подготовительной работе, которая началась в Василеостровском районе еще с момента 8-й Октябрьской годовщины, со знаменитого вечера «спайки оппозиции», где выступил с докладом тов. Зиновьев. «Оглядываясь теперь на это собрание актива,—говорил Чернов,—ясно, что многое там не договаривалось, вероятно, что Зиновьев не чувствовал там еще стопроцентной поддержки». «После этого начинаются секретные заседания в районных комитетах, где собираются оппозиционно настроенные организаторы коллективов, где определенно обсуждаются мнения о тех или других членах ЦК партии».

Если в своих речах и статьях тт. Саркис, Сафаров, Шелавин и др. тогда обвиняли по различным поводам большинство партии в сочувствии троцкизму, то эти ноты особенно заострил сам тов. Зиновьев в своей знаменитой речи 8 декабря 1925 г., где он призывал ленинградскую конференцию сплотиться, выступить, как один, на XIV с'езде, устранив из делегации всех, кто не был с ними согласен в вопросе о необходимости дать бой партии. Выступая против резолюции, принятой на московской губернской конференции, цитируя то место в резолюции московской конференции, где говорится о ликвидаторском безверии в силы пролетариата и о возможности социалистического строительства в СССР, тов. Зиновьев говорил: «В кого, вы думаете, здесь стреляют? В Троцкого? В меньшевиков? Ничего подобного». Прямой смысл этих вопросов, конечно, только тот, что если бы стреляли таким обвинением в Троцкого, в меньшевиков, то это было бы правильно. Тов. Зиновьев еще 8 декабря 1925 года ставил Троцкого на ряду с меньшевиками. Он считал, что по отношению к тов. Троцкому такие упреки были бы еще законны. По поводу слов резолюции москвичей «конференция считает необходимым дать решительный отпор ликвидаторским попыткам трактовки нашей социалистической промышленности, как промышленности государственно-капиталистической»—т. Зиновьев спрашивает: «Вы думаете, что все эти слова о безверии и прочее говорятся про Троцкого?» Опять-таки прямой смысл этого вопроса нельзя иначе истолковать, как то, что тов. Троцкий заслуживает, по мнению т. Зиновьева, таких упреков. По поводу заявления московской конференции, что «недооценка середняка, боязнь середняка, непонимание его общественно экономической и политической роли есть об'ективно не что иное, как срыв союза рабочих и крестьян, ослабление диктатуры пролетариата, величайший ущерб делу строительства социализма», тов. Зиновьев опять разражается грозной филип-

пикой: «Про кого это говорится? Вы опять думаете, что это про Троцкого?»

Троцкого и троцкистов оппозиционные лидеры готовы были обвинять во всем том, в чем их самих обвиняли. Троцкизм играл тогда—это теперь совершенно ясно—роль дымовой завесы, которую простирали перед ленинградскими партийными массами для того, чтобы легче было нападать на ЦК. Центр тяжести всей подготовительной агитации сводился к тому, что в течение последнего времени большинство партии будто бы мирволит троцкистам. Так как надо бороться, то т. Зиновьев дал лозунг об'единиться для борьбы на XIV с'езде: «Вы должны, говорю вам, ясно сознавать, как обстоит дело в московской конференции, имеющей большое значение, проведенной под лозунгом «бей ленинградцев!». «Мы должны выступить, как один человек, мы должны быть единодушны». Само собой разумеется, что для этого «единодушия», пришлось вывести из состава делегации, намеченных раньше тт. Сталина, Дзержинского, Комарова, Лобова и других.

Тов. Комаров рассказал на XIV с'езде, как это происходило, как тов. Зиновьев предлагал ему «срегулировать», как он говорил ему: «Выступите на конференции и заявите, что вы не только разделяете ее резолюцию, но что вы разделяете все настроение конференции и что со всеми нами будете, где угодно, защищать их. Если этого не сделаете, то товарищи, наверное, отведут вас из списков губкома и из списков на с'езд». (Стенографический отчет о XIV с'езде).

Как велась подготовка, об этом мы знаем также из письма т. Филиппа Иванова, оглашенного на XIV с'езде:

«Мы должны, говорил т. Черный т. Иванову, вести осторожно такую подготовительную работу к районным и губернским конференциям и к XIV с'езду, чтобы свою точку зрения перед партией и ЦК заявить в четверть голоса на районных конференциях, в полголоса на губернских партийных конференциях и полным голосом должны заявить эту точку зрения нашей делегации на XIV партийном с'езде».

* * *

Тов. Троцкий все это знал. На XIV с'езде он хранил глубокое молчание.

Что же заставило уже тогда т. Троцкого и троцкистов держать такую нейтральную позицию по отношению к тов. Зиновьеву и ко всей новой оппозиции? Надежда на соглашение с новой оппозицией. Несмотря на то, что первые предложения в этом смысле со стороны оппозиции по адресу всех прежних группировок были чрезвычайно еще робки и неопределенны; несмотря на то, что представители прежних оппозиционных группировок, тт. Шляпников, Радек и др. делали вид, что они совершенно не верят в серьезность таких предложений,—однако, надежды у них, несомненно, были, надежды на то, что теперь, когда вступают в оппозицию тт. Зиновьев, Каменев, Сокольников и другие, легче будет об'единенными силами свалить ЦК «положить его на обе лопатки». Когда т. Зиновьев предлагал «поручить ЦК привлечь к работе всех товарищей, все силы всех бывших групп в нашей партии», в зале заседания раздался шум. Тов. Моисеенко спросил т. Зиновьева: «С кем вы заигрываете?» Представители оппозиции других фракций и групп—троцкисты, шляпниковцы и другие говорили: «Кто ему поверит?» Но когда решался вопрос о назначении т. Степанова-Скворцова редактором «Ленинградской Правды», тов. Троцкий заявил, что он против такой меры по отношению к ленинградской организации, он фактически уже протягивал руку новой оппозиции, «пролезал в щель разногласий».

Для всех было очевидно, что на XIV с'езде со стороны новой оппозиции раздался призыв к созданию блока оппозиционных групп. Это выразил очень ярко т. Бухарин в заключительном слове, когда он говорил: «До сих пор у нас всегда считалось, что наша партия,—в этом одна из составных частей ленинизма,—есть единая монопольная организационная крепость, вырабатывающая совершенное единство воли, и т. д. Это мы доказали в полемике с троцкистами до хрипоты голосов, а вы что сделали? Вы не замечаете, как вы уже лежите на самом дне. Вы предложили блок всем фракциям и группировкам, с которыми Ленин боролся. Тов. Зиновьев вышел и кричал на с'езде: «Я тону, я тону, тов. Шляпников, тов. Сафаров, тов. Дробнис, спасайте и выручайте!». Вот, что было здесь на с'езде. Вы выдвинули лозунг группировок, лозунг фракций, лозунг свободы дискуссии, лозунг превращения нашей стальной партии в федерацию группочек. Я утверждаю, что на этот путь разрушения нашей партии мы не пойдем (аплодисменты)». (Стенограф. отчет о XIV с'езде).

Тогда еще кое-кто был так наивен, что склонен был отрицать возможность блока новой оппозиции с троцкистами, и даже сами рядовики-оппозиционеры искренно возмущались, когда им говорили о том, что складывается оппозиционный блок из всех групп, начиная от троцкистов и кончая «рабочей» оппозицией. Однако, события шли очень быстро, и мы получили:

К апрельскому пленуму блок еще не очень тесный и прочный. Троцкисты отдельно выработали свои «поправки», ленинградская оппозиция—отдельно свои «поправки». На апрельском пленуме были отдельные тезисы двух блокирующихся групп: троцкисты и зиновьевцы; при намечающемся уже сочувствии со стороны «рабочей» оппозиции и при достаточно дружной взаимной поддержке,—«кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку»,—тов. Каменев заявил, что он поддерживает «поправки» т. Троцкого, так же, как т. Троцкий поддерживал поправки т. Каменева.

К июльскому пленуму—тесный блок, блок «всерьез и надолго», по словам т. Зиновьева, с защитой Оссовского, с косвенной защитой платформы тт. Шляпникова и Медведева, как «левых», с об'единенными платформами, декларациями и резолюциями.

И многим казалось, что это, действительно «всерьез и надолго». Можно ли терпеть в партии такой блок долго? Не должна ли она была употребить все силы к тому, чтобы этому блоку нанести тягчайший удар? Не обязана ли она была вскрыть всю гниль этого блока, всю антипартийность его? Не должна ли она употребить все средства и силы к тому, чтобы «всерьез и надолго» его уничтожить, уничтожить «всерьез и надолго» всякую фракционность? Если оппозиционная группа собирается «всерьез и надолго» трепать нашу партию, то партия

обязана была употребить все силы на то, чтобы «всерьез и надолго» расколотить этот беспринципнейший из беспринципных блоков, и она этого добилась в значительной степени уже к настоящему дню.

II. Логика фракционной борьбы об'единенного блока.

Мы указывали на июльском пленуме ЦК и ЦКК, что этот беспринципнейший блок об'единенной оппозиции требует для своего существования: а) взаимной амнистии, б) взаимных теоретических уступок. И действительно, взаимная амнистия была первым результатом этого блока и возможно, что она была условием блокирования. Уже на июльском пленуме тт. Зиновьев и Каменев, которые были на самом крайнем крыле в вопросе о борьбе с т. Троцким и троцкистами до XIV с'езда, должны были заявить, что они считают, что оппозиция 1923 года в основном, в критике нашего внутрипартийного положения была права. Этим оправдывался и «новый курс» троцкистов, и все те бешеные нападки, которые имели место, не только, начиная с 1923 года, но и раньше со стороны троцкистской и др. оппозиционных группировок по отношению к большинству нашей партии, потому что в нападках на «партийный аппарат», в разговорах о «режиме» и «зажиме» в партии оригинального троцкисты ничего не придумали, кроме того, что говорили и другие оппозиционные группы нашей партии, начиная с «рабочей» оппозиции. Это открывало дорогу к блоку и другим фракционным группировкам. И хотя т. Троцкий нигде, ни одним словом не обмолвился о том, что он считает неправильными свои «Уроки Октября» и свою «несуразно-левую перманентную революцию» (Ленин), сторонники ленинградской оппозиции (зиновьевцы—то ж) усиленным образом распространяли версию о том, что не они пришли к Троцкому и троцкизму, но что Троцкий пришел к ним, отказавшись от «Уроков Октября» и «перманентной революции». Один из наиболее усердных трубадуров этой оппозиции—тов. Беленький направо и налево звонил об этом событии, которое, однако, остается тайной для партии, так как нигде, ни в одном документе, ни в одной из речей, т. Троцкий от этих своих ошибок не отмежевался. В одном из документов, который распространяла оппозиция,—«ответ тов. Троцкого на запрос тт. от оппозиции», тов. Троцкий пишет о том, что «всякая попытка пользоваться старыми статьями или тезисами представителей обоих течений с целью посеять внутри новой оппозиции взаимное недоверие, основанное на воспоминаниях о старой идейной борьбе, представляет собою покушение с негодными средствами...» «Об'единенная оппозиция показала в апреле и июле и покажет в октябре (подчеркнуто нами), что единство ее взглядов только укрепляется под влиянием грубой и нелойяльной травли, и партия поймет, что только на основании взглядов об'единенной оппозиции есть выход из нынешнего жестокого кризиса».

О том, что показала об'единенная оппозиция в октябре, речь будет впереди. Здесь же мы считаем необходимым отметить только этот факт,—факт взаимной амнистии.

Правда, здесь говорится только об «обоих течениях», т.-е. о троцкистах и зиновьевцах; однако, из ряда документов и фактов мы знаем, что «рабочая» оппозиция все время также блокировалась с этими двумя течениями и, как могла, помогала им. Так, например, в то время, как об'единенная оппозиция распространяла, вместе со своей подпольной литературой, произведения тт. Шляпникова и Медведева, группа, организованная из сторонников бывшей «рабочей» оппозиции (группа Шугаева и Михайлова), распространяла на ряду со шляпниковскими и медведевскими произведениями литературу новой оппозиции. Это ли не блокировка,—взаимная помощь в распространении подпольной литературы?

В то же самое время каждая группа старается представить дело так, что другие пришли к ним. Мы уже указывали на факт, что ленинградская оппозиция усиленно распространяла слухи об отказе т. Троцкого от своих теорий перманентной революции и «Уроков Октября». Это было особенно необходимо, так как только таким путем можно было удержать еще за собою некоторые группы сторонников, хотя и небольшие. Ведь заявляли же ультра-левые из германской коммунистической партии, в роде Вебера, что если бы им кто-нибудь доказал, что новая оппозиция скатилась к троцкизму, поддерживала троцкизм, они отказались бы от своей позиции и признали бы свою неправоту. Больше всего боялась «ленинградская» оппозиция, чтобы партия не поняла дела именно так, что—она капитулировала перед троцкизмом, пошла «на паек к г. Троцкому». Правда, когда в многочисленных речах и статьях на июльском пленуме и позже, мы вынуждены были, вопреки желанию т. Троцкого, «пользоваться старыми статьями и тезисами представителей обоих течений», отнюдь не «с целью посеять внутри новой оппозиции взаимное недоверие», основанное «на воспоминаниях о старой идейной борьбе»,—ни т. Зиновьев, ни т. Каменев, ни другие представители новой оппозиции не могли ничего сказать по поводу этих «старых воспоминаний», по поводу этих прежних своих взглядов. Или им надлежало открыто заявить, что они считают эти старые свои взгляды, старые оценки троцкизма неправильными, ошибочными, или капитулировать перед этими старыми взглядами. И, несмотря на кое-какие оговорки, которые были сделаны т. Каменевым относительно теории перманентной революции, оппозиция в основном, перед троцкизмом капитулировала. Троцкисты заставили их сделать такие заявления, которые шли вразрез со всем их прошлым. Вот почему новая оппозиция («ленинградская») теряла своих сторонников по мере того, как укреплялся об'единенный блок вверху, по мере того, как т. Шелавин и другие убеждались, что нападки на «троцкистов» и «полутроцкистов» перед XIV с'ездом со стороны т. Зиновьева и других были ничем иным, как маскировкой, как дымовой завесой в атаке на ЦК. Шляпниковцы изображали дело таким образом, что новая оппозиция пришла к ним. В деле группы Михайлова—Шугаева и др. имеется заявление члена партии т. Ерошенко, подтвержденное т. Донценко, что докладчик на квартире у т. Михайлова констатировал перед собранием, что оппозиция пришла к ним (т.-е. к «рабочей» оппозиции).

Правда, оставались и долго еще поддерживались элементы взаимного недоверия. Тов. Сталин правильно предсказал на апрельском пленуме ЦК и ЦКК, что блок означает союз таких групп, которые сохраняют еще свою внутреннюю самостоятельность, что блокирующиеся группы могут вести внутри блока взаимную борьбу. В тех же заявлениях тт. Ерошенко и Донценко имеются указания на нотки недоверия по отношению к товарищу Троцкому, которые сквозили в речах докладчика из «рабочей» оппозиции. А, с другой стороны, троцкисты старались, повидимому, также поддерживать среди «своих» линию, что Зиновьев и Каменев очень ненадежные союзники. Тов. Финашин, один из троцкистов, который организовал подпольные кружки и группы, пишет в своем заявлении ЦК: «Нужно сказать, что имелись директивы о недоверии к Каменеву и Зиновьеву, в особенности Сокольникову, который признал только часть программы оппозиции... С раз'яснением этого выступал всегда красный профессор на собраниях». Нет никакого сомнения в том, что в дальнейшей своей борьбе эта об'единенная оппозиция не могла бы избежать самых глубоких разногласий и борьбы именно потому, что она была склеена из самых разнородных элементов, которые, несмотря на величайшие теоретические и практические уступки друг другу, все же достаточно тянули в разные стороны.

Чтобы склеить не только «всерьез и надолго», но и на сколько-нибудь продолжительное время такой беспринципный блок, нужны были взаимные теоретические уступки,—без этого никакая взаимная амнистия была невозможна. Таких теоретических уступок сделано было не мало. Мы уже говорили о том, что ленинградцы-зиновьевцы для того, чтобы войти в блок с троцкистами, были вынуждены выбросить за борт все свои ленинские рассуждения о монолитности партии, о большевистской дисциплине, о недопустимости фракций и группировок и пр., и пр. Это они были вынуждены признать, наконец, в заявлении своем, напечатанном в «Правде» от 16 октября. Троцкисты, как более сильная сторона в этом деле, сделали меньше уступок зиновьевцам. «Рабочая» оппозиция прилаживалась к этим двум группам. «Рабочая» оппозиция должна была в статье Шляпникова, напечатанной в номере 17 «Большевика», сделать кое-какие отступления от своей прежней платформы с тем, однако, что об'единенная оппозиция берет, до известной тоже степени, под защиту взгляды Шляпникова и Медведева. Незачем было бы требовать теперь от об'единенной оппозиции, чтоб она отмежевывалась от взглядов тт. Шляпникова и Медведева, если бы не было фактов этой взаимной поддержки в период с XIV с'езда до настоящих дней. Когда на июльском пленуме ЦК и ЦКК было пред'явлено требование к новой оппозиции отмежеваться от взглядов тт. Шляпникова и Медведева, то представители новой оппозиции говорили, что они не делают этого потому, что когда есть правая опасность, они не хотят бороться с левыми течениями. (Об этом же пишет и Шляпников в своей статье «О демонстративной атаке»). И тогда уже было указано, что если т. Зиновьев и др. считают ликвидаторские взгляды тт. Шляпникова и Медведева левыми, то где же они сами находятся тогда,—на каком крыле?

Законно ли было сравнение этого об'единенного блока с августовским блоком? Эти сравнения были сделаны за последнее время не раз, и особенно определенно в речи т. Мологова на торжественном заседании курсов уездных партработников при ЦК ВКП(б). Несмотря на различие эпох и на совершенно иную обстановку, в которой складывался новый «августовский» блок, налицо сходство: а) в том, что все эти оппозиционные группы направлены были против Ленинской партии; б) в том, что налицо беспринципное об'единение самых разнообразных правых и левых группировок (фактически межеумочные буферщики и примиренцы, в роде т. Смилги, Шкловского и др., лили воду на мельницу об'единенного блока оппозиции); в) организатором этого нового «августовского» блока оказался тот же великий мастер в деле построения фракционных группировок, тов. Троцкий. Конечно, различие эпох, различие обстановки делают этот блок еще менее прочным, менее устойчивым. Уже сегодня всякий может видеть, что ВКП(б) достаточно сильна, чтобы разбить какие угодно блоки каких угодно об'единенных оппозиций, не дать им жить ни всерьез, ни надолго.

III. Апрельский и июльский пленумы ЦК и ЦКК.

На апрельском и июльском пленумах ЦК и ЦКК об'единенная оппозиция имела возможность развернуть во-всю сумму своих взглядов по вопросам организационным, по вопросам хозяйственным, по вопросам международной политики. По вопросам организационным для того, чтобы оправдать существование фракции, об'единенная оппозиция выдвинула еще на XIV с'езде предложение, которое Ленин охарактеризовал, как оппортунистическое требование «живи и жить давай другим». Над таким требованием оппозиции 1923—24 гг. т. Зиновьев достаточно издевался,— и справедливо издевался,—в свое время. Теперь это требование «живи и жить давай другим» было выдвинуто, как ленинское. Тов. Крупская выступала с такими аналогиями, с такими заявлениями по поводу Стокгольмского с'езда, которые весь с'езд и вся партия не могли понять иначе, как оправдание существования фракций, оправдание фракционной борьбы. И, несмотря на ее повторное об'яснение по этому поводу, что она не имела в виду в своей аналогии оправдание фракционной борьбы, это впечатление оправдания фракционной борьбы т. Крупской осталось у всех. На июльском пленуме ЦК и ЦКК т. Крупская и другие товарищи развивали теорию о том, что у нас партии нет, а есть фракция большинства и фракция меньшинства; фракция меньшинства выступает со своей платформой, а фракция большинства со своей платформой. Тут уже совершенно исчезло у оппозиции ленинское представление о партии. Конечно, при таком вольном толковании сущности нашего партийного строительства, об'единенная оппозиция считала, что у нее руки развязаны. Поэтому она позволяла себе третировать партию и ее ЦК, как «сталинскую фракцию». Надо ли доказывать, что эти взгляды об'единенной оппозиции ничего общего со взглядами Ленина на фракционность не имеют? В резолюции X с'езда ВКП(б) о единстве партии, Ленин предлагал с'езду принять, и с'езд принял, такое определение фракций: «Между тем,—читаем мы в

резолюции,—еще до общей партийной дискуссии о профсоюзах в партии обнаружились некоторые признаки фракционности, т.-е. возникновение групп с особыми платформами и со стремлением известным образом замкнуться и создать свою групповую дисциплину». Еще раньше Ленин об'яснял, что такое фракционность: «Фракционность,—писал он,—есть главная отличительная черта с.-д. партии одной определенной исторической эпохи. Какой именно? С 1903 по 1911 г. Чтобы выяснить наиболее наглядно, в чем была сущность фракционности, надо вспомнить конкретные условия хотя бы 1906—7 гг. Партия тогда была едина, не было раскола, но была фракционность, т.-е. на деле, существовали в данной партии две фракции, в виде фактически отдельных организаций. Рабочая организация внизу была едина, но по каждому серьезному вопросу две фракции вырабатывали две тактики».

Какая же «платформа» была у большинства ЦК? Этой платформой были решения XIV с'езда, решения пленумов ЦК, решения ЦК (его секретариата, Оргбюро и Политбюро). А разве может в каких-либо иных формах выражаться воля партии, как не в решениях ее с'ездов и конференций, не в решениях ее пленумов ЦК и ЦКК. Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять всю бессмысленность противопоставления новообразованного блока об'единенной оппозиции большинству партии, как другой фракции. Вся антиленинская сущность такого противопоставления бьет в глаза. У большинства не было и не могло быть никакой особой платформы, кроме решений с'езда и решений пленумов ЦК и ЦКК, т.-е. тех решений, которые приняты на основе устава нашей партии. Об'единенная оппозиция имела фракцию, со своей особой платформой или платформами, со своей внутренней групповой дисциплиной (об этой групповой дисциплине ниже).

Статья Оссовского только давала наиболее антипартийные, наиболее меньшевистские формулировки всем тем тенденциям, которые уже намечались во взглядах этой об'единенной оппозиции. Вот почему мы требовали от об'единенной оппозиции, чтобы она отмежевалась немедленно от таких антипартийных взглядов. Она этого не сделала. Выступление т. Троцкого на июльском пленуме ЦК и ЦКК против т. Молотова в этом вопросе необычайно характерно. Статья Оссовского появилась перед июльским пленумом ЦК. Тов. Молотов выступил с указанием на те опасности, которые таятся во взглядах Оссовского. Что же на это ответил т. Троцкий? Он признал, что у Оссовского есть ошибки, «даже серьезные ошибки», что формулировка Оссовского, что «у нас рабоче-крестьянское государство»—формулировка безусловно неправильная, но вместе с тем, т. Троцкий считал необходимым заявить: «Да, против молотовских обвинений я Оссовского всегда буду защищать». (Голоса: «Хорошо очень хорошо! Стыдно!». Шум.). Троцкий: «Везде и повсюду, на каждом партийном собрании я скажу: где-то жмет башмак у рабочего, и Оссовский неправильно и неумело выражает этот зажим, надо Оссовского выправить...» «Оссовский дает совершенно ошибочные формулировки, но в этих грубо ошибочных формулировках, хотя и беспомощно, но находят свое выражение известные потребности классового движения»... Статья Оссовского напечатана теперь целиком вместе с его добавлениями. Она разобрана достаточно и в «Правде» и в «Большевике». Вся партия имела возможность ознакомиться уже со взглядами Оссовского и имеет возможность судить о том, можно ли было так выступать по поводу антипартийных самых право-меньшевистских, ликвидаторских взглядов Оссовского, как выступал т. Троцкий. А он выступал с их защитой именно потому, что, хотя и «в грубо ошибочных формулировках», Оссовский выражал, по сути дела, тенденции, которые таились во взглядах об'единенной оппозиции. Он только их более последовательно развил в сторону меньшевистско-ликвидаторского идеала. Взгляды Оссовского, это—в перспективе и потенции—взгляды об'единенной оппозиции. Статья Оссовского как будто говорит: друзья мои, если вы думаете, что я выражаю «известную потребность классового движения», то посмотрите, куда приводит это «классовое движение» и чье это классовое движение. Тт. Каменев и Троцкий голосовали против исключения Оссовского из партии, опять-таки потому, что они считали, что у Оссовского только грубо ошибочные формулировки и что Оссовского можно исправить. Никакой попытки решительно, серьезно, принципиально отмежеваться от взглядов Оссовского у об'единенной оппозиции не было до их заявления от 16 октября. Но и то хорошо, что хоть 16 октября отмежевались,—лучше поздно, чем никогда.

Оппозиция не отмежевалась раньше от тт. Шляпникова и Медведева. Если бы даже верно было то, что пишет т. Шляпников в своей возмутительной статье в № 17 «Большевика»—«О демонстративной атаке»,—если бы верно было, что письмо т. Медведева в том виде, в каком оно было прислано из Баку, заключает в себе некоторые искажения, которые могли возникнуть при переписке, то ведь сам же т. Медведев, при поддержке тов. Шляпникова, рассылал всем членам Политбюро, в том числе тт. Троцкому, Каменеву и Зиновьеву экземпляры, им самим исправленные, им самим подписанные. Именно этот экземпляр подвергнут разбору в № 17 «Большевика» в статье В. Л.—«Еще раз о правой опасности в нашей партии». Тт. Троцкий. Зиновьев и Каменев могли убедиться, что эти взгляды совершенно недопустимы в нашей партии, совершенно антипартийны, что от них надо отмежеваться во что бы то ни стало. Ведь это жалкая отговорка, что статья относится к 1924 г.; ведь нигде, ни разу тт. Шляпников и Медведев не отмежевывались от нее в 1926 г., хотя они должны были это сделать, если они не разделяют изложенных в письме взглядов и если они не хотят, чтобы о них судили ложно. Наоборот, они защищают эти взгляды. Статья т. Шляпникова в № 17 «Большевика» содержит возмутительное сравнение нашего советского правительства с правительством Керенского, говорит об «июльских угрозах». Если бы не было этого беспринципнейшего блока, который обязывал группы, входящие в блок, ко взаимной амнистии и к прикрыванию взаимных ошибок, то, конечно и тов. Троцкий, и тов. Зиновьев, и тов. Каменев отгородились бы от этих антипартийных взглядов.

Ко времени июльского пленума ЦК и ЦКК мы имели «лесное собрание» на 39 версте, организованное тт. Беленьким, Лашевичем и др., с докладом т. Лашевича. Об'единенная оппозиция пыталась об'яснить все дело внутрипартийным зажимом, доказать, что так плохо стало, так тяжело стало, что никакого другого выхода не осталось, как бежать в лес и устраивать лесные собрания. «От хорошей жизни в лес не побежишь»,—тяжело «шутили» оппозиционеры. Тов. Лашевич забыл, как он на XIII партийной конференции высмеивал тт. Преображенского, Серебрякова и Сапронова, когда они об'явили, что «ЦК таких бедняжек, как Преображенский, Серебряков и Сапронов, загнал в группировку». «Они не хотели группировок, а ЦК—все эти Сталины, Зиновьевы и Каменевы—силою загнал их туда. Кого хотите вы удивить такими пустячками?—спрашивал тогда тов. Лашевич. «Они распределяли роли, назначали выступления, намечали кандидатуры в ЦК, т.-е. делали все то, что полагается хорошей фракции. Тов. Преображенский приходит сюда и изображает дело так, что они не хотели фракции, что их силком туда загнали. Тов. Преображенский, это сущие пустяки!» Тов. Лашевич тогда возмущался, что фракция Сапронова и Преображенского пыталась представить сам ЦК в виде фракции. «Выходит,—говорил он,—что это не ЦК партии, а какая-то фракция, фракция, в которую входят ЦК и ЦКК, а, с другой стороны, другая—тов. Преображенский, Беленький и прочие «угодники». На что это, товарищи, похоже?» Да, в самом деле, на что это похоже, тов. Лашевич? На июльском пленуме очень много говорилось и очень много писалось потом в разных подпольных изданиях, будто мы **запугали** партию, создавая в ней режим молчания,—но то же самое ведь говорили и в 1923 г. Что отвечал на это т. Лашевич? «Вы говорите,—отвечал он оппозиции,—что партия превращается в партию запуганных людей. Бросим на партконференции так говорить. Неужели вы думаете, что партию в 400.000 можно запугать, превратить в молчальников? Бросьте пустяками заниматься и не клевещите на партию! Партия умеет говорить соответствующим языком, когда это требуется, а не тогда, когда вам хочется, товарищи из оппозиции. Я утверждаю, что это не достойно ни конференции, ни ЦК, ни даже вас, товарищи из оппозиции, когда вы говорите о запугивании целой партии, в которой имеется слой, прошедший огромный стаж политической борьбы в течение десятков лет и которая умеет защищать свои взгляды, когда это требуется и никогда молчальником не была» (XIII конференция ВКП(б). Протоколы стр. 137—40. Речь Лашевича).

В 1926 г. все это забылось, и т. Лашевич буквально в тех же самых выражениях стал повторять «пустяки и глупости», которыми оперировала оппозиция в 1923 г. Также говорил о запугивании, о молчании, которое воцарилось в партии, хотя сейчас в партии не 400.000, а больше миллиона членов и кандидатов, и партия выросла. Партия показала Лашевичам и другим, что она умеет говорить тоже настоящим языком,—и не тогда, когда хочется этого оппозиции, а когда это нужно партии,—и она недвусмысленно сказала свое слово в **октябре** 1926 г., когда оппозиция была уверена, что она положит «на обе лопатки» Центральный Комитет.

Надо отметить, что на июльском пленуме ЦК мы имели еще одно довольно серьезное предостережение—это похвалу по отношению к новой оппозиции, в частности, по отношению к тов. Зиновьеву со стороны Г. **Мясникова**, который прислал письмо, выражающее надежду на то, что т. Зиновьев, который начал жить по Гегелю, в конце концов придет к взглядам Мясникова. Мы думаем, что этого **никогда** не случится, но что в поведении об'единенной оппозиции были такие ноты, которые позволяли и позволяют Мясниковым их похлопывать по плечу, которые позволяли и позволяют злейшим врагам пролетарской диктатуры на них рассчитывать,—этого теперь не станет отрицать никто.

На апрельском и июльском пленумах ЦК мы развернули принципиальную дискуссию решительно по всем вопросам нашей международной и внутренней политики. Мы показали всю несостоятельность взглядов об'единенной оппозиции. На июльском пленуме ЦК об'единенная оппозиция уже не скрывала совершенно того, что у нее есть блок. Тов. Зиновьев подчеркнул, что это—блок всерьез и надолго. Мы здесь не останавливаемся подробно на изложении этой дискуссии потому, что результаты этой дискуссии зафиксированы в резолюции июльского пленума ЦК и ЦКК. Оппозиция была осуждена всей партией. Вся партия **по существу этих решений** высказала решительную поддержку ЦК, **одобрила курс** нашей партии. **Оппозиция не пошла бы так далеко, если бы она умела во-время прислушаться к этому языку партии, если бы** она не питалась самообманом, будто партия на ее стороне, будто стоит ей только выступить со своими речами, как партия повернется от большинства ЦК и «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством», как уверяли себя и других некоторые лидеры оппозиции. Июльский пленум ЦК и ЦКК по делу тов. Лашевича и др. вынес решение, которое должно было предупредить оппозицию от дальнейшего продолжения фракционной борьбы, от дальнейшей подпольной работы. Но именно этот самообман, именно эти расчеты на осень, на **октябрь** подвели оппозицию.

IV. Углубление подпольной фракционной работы после июльского пленума ЦК и ЦКК.

После июльского пленума ЦК и ЦКК, несмотря на резолюцию, предупреждавшую членов оппозиционного блока, что партия будет бороться самыми решительными мерами против фракционной работы, несмотря на заявление некоторых лидеров оппозиции, что они подчинятся решениям партии, что они будут «держать руки по швам», фракционная работа не только не прекратилась,—она пошла вширь и вглубь. Прежде всего, широко стали распространяться такие произведения, как «платформа» или «декларация» новой оппозиции, затем перепечатывались и широко распространялись такие произведения, как статья профессора Устрялова «Собор XX века» (О XIV с'езде ВКП(б), книга Макса Истмэна, полная клеветы на партию, речи, документы, заявления в протоколах апрельского и июльского пленумов ЦК и ЦКК, заявления членов оппозиции в ЦК и ЦКК ВКП(б) и другие произведения, подобранные исключительно однобоко. Кроме того, появлялись анонимные статьи, в роде статьи «Рабочий вопрос»,

где этот рабочий вопрос ставился так, что подчеркивалось существующее будто у нас «самодержавие» красных диктаторов, доказывалась необходимость добиться права чаще устраивать стачки на государственных предприятиях, говорилось, что заработная плата будто у нас все еще ниже, чем довоенная и т. п. Распространялись также заявления тт. Шляпникова и Медведева, статья т. Шляпникова «О демонстративной атаке» (позднее напечатанная в № 17 «Большевика»). Конечно, печатание и распространение шло подпольно. Печатали на машинках, на шапирографах, гектографах, пользовались беспартийными сотрудниками и сотрудницами в государственных учреждениях и предприятиях. (Иногда оплачивали работу из сумм этих учреждений—особый вид «режима экономии»). Наконец, перешли к печатанию на конспиративных квартирах, где в дело втянуты были беспартийные комсомольцы, их родственники и даже пионеры (дело Резцова, Резцовой и др.). Беспартийная комсомолка Резцова перепечатывает список ячеек района с точными указаниями и секретнейшие партийные документы с помощью пионерки. В Выксе комсомолец-студент Токмаков дает читать полученную им от оппозиционеров в Москве книгу Истмэна,—это после всего того, что товарищи Н. Крупская и Троцкий писали об этой книге в печати, называя эту книгу клеветнической, вредной, антипартийной, направленной против рабочего класса (см. № 16 «Большевика» за 1925 г.). Такое двурушничество свидетельствовало о глубоком моральном разложении (в партийном смысле) оппозиции, свидетельствовало о том, что оппозиция не останавливается перед распространением таких документов, которые она сама называет клеветническими. Кроме этой работы по распространению литературы, которая раздавалась направо и налево, шла обработка партийцев (а кое-где и беспартийных) в духе недоверия к ЦК, к его решениям, в духе борьбы с его решениями. Организовались кружки, на которых эти товарищи «обрабатывались» по антипартийным материалам в роде «Рабочего вопроса», и из этих товарищей подготовлялся таким образом «актив», который должен был выступить осенью, или, как это сказано в уже цитированном документе т. Троцкого, в октябре. Одновременно шла организационная работа групп «активистов», бюро, комитетов. В Ленинграде пытались создать даже военное бюро для работы среди партийцев Красной армии. Существовали, как об этом свидетельствует целый ряд заявлений по Москве, членские взносы на организационные расходы, на печатание литературы и на помощь исключенным из партии. При этом, вербовка шла в некоторых местах таким образом, что составлялись списки бывших оппозиционеров (бывших троцкистов и др.) и из них составлялось основное ядро.

Работа велась по всем правилам конспирации, в особенности после первых «провалов», когда ЦКК и местным КК стали известны факты подпольной фракционной работы. Как происходили собрания, об этом рассказывает рабочий, т. Копытов, Г. С., участвовавший в одном из таких собраний, и т. Рыжов, привлекший его на это собрание. Рыжов рассказывает, как у него «оформилось настроение» после того, как он встретился с неким Захаровым (кличка), «настоящую фамилию которого я не знаю, но знаю, что он член ВКП(б)». Познакомился он с этим Захаровым на трамвайной площадке, а через несколько дней он пришел уже к нему на квартиру с какой-то женщиной, фамилии которой Рыжов также не знает. На вопрос контрольной комиссии: «Как же, не зная фамилии, адресов и что политически собою представляют люди, ты приглашаешь их к себе на квартиру и устраиваешь подпольное собрание?» тов. Рыжов отвечает: «Фамилии собравшихся у меня на квартире для собрания гг. я не знаю так же, как не знаю источника секретных документов. Да я этим и не интересовался. Плохие они были бы конспираторы, если бы правильно назвали свои фамилии». «Прежде, чем принять сына т. Копытова на собрание, я посоветовался с Захаровым и женщиной, несмотря на то, что он член партии ВКП(б), и когда отец за него поручился, дал слово, что он не выдаст, только тогда мы разрешили ему притти, а, он, мерзавец, все-таки выдал. А ведь я его не сразу ввел в дом свой. Сначала, я его поводил по Мясницкой и переулкам, чтобы он не запомнил дома и улицы, а потом уже ввел в квартиру с Мясницкой, а выпустил с собрания в Уланский переулок. Только одну я сделал оплошность, я при знакомстве с сыном Копытова, сказал ему точно свою фамилию, а то, может быть, и не попался бы. Ведь когда сын Копытова приходил с райкомщиками нас накрыть, он не нашел дома, вот я как его запутал».

Копытов рассказывает об этом собрании: «Выходили из квартиры по очереди и в разные выходы, а перед выходом смотрели, нет ли кого, не следит ли кто».

Эта картинка дает представление о том, как далеко зашла оппозиция в деле создания подпольной организации, в деле выработки подпольной психологии и подпольных навыков работы. Здесь налицо все элементы конспирации против партии («плохие были бы конспираторы»).

Так как работа велась подпольно, то, конечно, нужно было соблюдать большую осторожность, чтобы «не выдать себя», «не выдать своих «единомышленников». Отсюда вырабатывается определенная тактика, каким образом не обнаружить себя до открытых выступлений. Тактика эта заключается в том, чтобы не выступать до поры до времени открыто на собраниях, покуда не даны «директивы» из подпольного фракционного центра. Надо, присутствуя на собраниях, подавать ядовитые записки, вызывать докладчика на ответы по вопросам разногласий с оппозицией, ставить почаще вопрос о необходимости повысить заработную плату, о засилии кулака, о завещании и прочее; перед голосованием либо уходить, чтобы не принимать участия в голосовании и чтобы получилось впечатление, что члены партии не желают принимать участия в голосовании, либо воздерживаться при голосовании. Впрочем, давались и такие советы: «голосуй за ЦК до поры до времени, рука у тебя не отсохнет, и в то же время веди подготовительную работу по накоплению оппозиционного актива» (заявление Боярского в МКК и др.).

Вырабатывалась соответствующая тактика «как держать себя на допросах в КК», в случае «провала», при вызовах в контрольную комиссию рекомендовалось никого не выдавать, все начисто отрицать, в крайнем случае вину брать на себя и никаких имен не открывать. В случае исключения товарищам обещали, что осенью удастся положить на обе лопатки

ЦК, что осенью ударят в бой, что осенью все исключенные из партии будут после победы над «сталинской фракцией»—нынешним ЦК, восстановлены с прежним стажем. Соответственно этой тактике, каждого товарища, который считал необходимым сообщить партии об этой фракционной подпольной работе, называли провокатором, доносчиком, относились к нему, именно, как к провокатору, доносчику. Так шельмует Беленький рабочего Васильева, так шельмует В. М. Смирнов т. Скользнева, так шельмует Гинзбург т. Маслова. Это тоже часть тактики.

На подпольных собраниях, где нет, конечно, никакой критики со стороны партии, а есть фракционные подпольные кружки, которые связываются, в силу конспирации, особой групповой дисциплиной, не может быть и речи, конечно, о сколько-нибудь серьезном обсуждении вопроса, о какой-нибудь серьезной проверке той или иной фальши в подобранных фактах и цифрах. Зато люди сколачиваются на таких подпольных собраниях фракционной дисциплиной, они становятся «единомышленниками» и противопоставляют себя партии. Даже член КК в Одессе, тов. Б. Гуревич считает возможным говорить и в ЦКК КП(б)У и в Одесской окружной КК, среди своих товарищей, что она не может выдать своих единомышленников, как последние не выдавались жандармам. Уже одно такое сравнение, одно такое сопоставление показывает, как далеко пошла раскольническая деятельность оппозиции. Единомышленники для оппозиционера—члена ВКП(б), не партия, а тот подпольный кружок, по отношению к которому они обязались «не выдавать». Так это было в кружке Михайлова и Шугаева, так это было на целом ряде других собраний, конспираторы договорились до возможности столкновения с советской властью и поговаривали о том, какую тактику выработать в таких случаях. При этом они приходили к такой мысли, что, т. к. здесь налицо классовая борьба, то, конечно, она может принять самые острые формы. Отдельные докладчики допускали даже, что дело может дойти до того, что придется обратиться с призывом к демонстрациям и стачкам протеста против репрессий по отношению к оппозиции. Так, фактически события вели к тому,—хотели этого, или не хотели лидеры оппозиции,—что в недрах ВКП(б) организационно и идейно сколачивалась группа товарищей, стоявшая на почве борьбы с партией, на почве откола, раскола, на почве создания другой партии. Таковы были тенденции объединенного блока оппозиционных групп в 1926 г.

V. Фракция выходит из подполья. Она считает, что момент настал.

Близость конференции, наличие демагогической программы, накопление «актива», торопливость некоторых заговорщиков, нетерпение, а, главное,—самообман, самоуверенность, что стоит только оппозиции выйти на широкие рабочие собрания, собрать вузовцев, как «сегодняшнее меньшинство завтра станет большинством», как лидеров оппозиции «понесут на руках» люди, стосковавшиеся по «живому» слову. Эту иллюзию до некоторой степени подкрепляла еще курортная деятельность оппозиции. Эта курортная деятельность внушала некоторым товарищам мысль, что в партии все подготовлено к принятию линии оппозиции, что нужно только «смелое слово», смелые выступления. И вот эти смелые выступления начались. В Москве дело началось с Коммунистической Академии, где в присутствии беспартийных т. Радек заявил, будто наша партия докатилась до мысли построить социализм «в одном уезде». Выступление т. Радека было не одиноким. Так как лидеры оппозиции не принимали никакого участия в деловой работе партии, они не представляли себе, какая огромная работа проделана партией в смысле воспитания рядовых членов, и первые же крошечные успехи, первые аплодисменты вскружили голову лидерам оппозиции. После соответствующей обработки части членов партии в ячейке службы тяги Рязано-Уральской железной дороги там появляется т. Сапронов. В этой ячейке велась довольно долго подготовительная работа посредством самых провокационных приемов со стороны бывшего секретаря ячейки Ткачева. Этот Ткачев, будучи членом райкома, выдавал себя на сто процентов сторонником линии ЦК и в то же самое время вел подпольную работу по вербовке сторонников оппозиции. Чтобы замаскировать эту свою двурушническую работу, он постоянно сообщал в райком свои подозрения относительно некоторых товарищей, что они являются оппозиционерами, что они ведут оппозиционную работу. Эти подозрения он высказывал относительно людей, не имевших никакого отношения к оппозиции; а затем, в «нужный» момент, он сбросил маску. Когда эта его деятельность стала известной районной КК, она исключила его из партии. Выступление т. Сапронова сопровождалось такими обвинениями по адресу части собрания, которая не желала дискуссии (Сапронов назвал собрание хулиганским), что собрание пришлось закрыть, а на другой день оппозиция снова собрала собрание и выдвинула председателем собрания уже исключенного из партии Ткачева. И несмотря на то, что прибывшие на собрание тт. Троцкий и Сапронов были предупреждены членом райкома о том, что здесь происходит собрание незаконное, что на нем председательствует исключенный из партии, т. Троцкий остался на этом собрании и выступил на нем с речью, после которой была принята соответствующая резолюция в оппозиционном духе. Для чего это понадобилось? Оппозиции нужно было во что бы то ни стало иметь в руках хотя бы одну резолюцию от рабочих. Лидеры оппозиции все время убеждали товарищей, что им сейчас, во что бы то ни стало, нужно завоевать хоть часть рабочих. Сейчас же принятая на этом непартийном собрании резолюция была размножена и распространена не только в Москве, но и по другим городам—смотрите, дескать, рабочие—за оппозицию! Окрыленные этим успехом, товарищи направились в другие ячейки, но здесь они встретили такой решительный отпор, которого они не ждали. Рядовая масса рабочих не пожелала слушать оппозиционных лидеров, она прямо им заявила, что партия не позволит навязать ей дискуссию. Несмотря на демагогические речи, в которых обещалось и повышение заработной платы и обещалось очень легко достать дополнительный миллиард на индустриализацию, несмотря на колоссальный авторитет, какой был у лидеров оппозиции, несмотря на то, что против них не выступал ни один член Политбюро,—рядовые рабочие своими силами дали сокрушительный отпор оппозиции.

Конечно, нелепо ставить так вопрос, как ставит оппозиция, будто перед партийными массами была дилемма: или внутрипар-

тийная демократия, которую будто бы предлагала провести в жизнь оппозиция своим требованием открыть дискуссию, или партийная дисциплина. Это чудовищное противопоставление отнюдь не ленинское, а чисто меньшевистское. Последний № «Социалистического Вестника» буквально так ставит вопрос. В передовой статье «Умирающий лозунг» «С. В.» пишет: ...«Либо формально отказаться от двусмысленного лозунга «внутрипартийная демократия», ...либо на деле послать эту «демократию» ко всем чертям, запретив всякие «дискуссии» и рассуждения»... («С. В.» № 19 (137), 2/X 1926 г.). Разве по-большевистски партийную дисциплину можно противопоставлять внутрипартийной демократии? Разве внутрипартийная демократия не предполагает строжайшей партийной дисциплины? Разве не ясно, что здесь внутрипартийная демократия превращается у оппозиции в средство борьбы против партийной дисциплины?! Нет, рядовая партийная масса дала отпор оппозиции, не только по вопросу о том, надо ли вести дискуссию или не надо, а она дала в своих резолюциях по всем основным вопросам ответ положительный, который заключает в себе поддержку ЦК партии.

«Резко-отрицательное отношение к «принципиальной» платформе оппозиции, протест против навязываемой дискуссии, которая неизбежно отвлечет силы от хозяйственного строительства, тревога за единство партии и отсюда требование решительных мер в отношении нарушителей этого единства,—вот основной характер выступлений по вопросу о внутрипартийном положении». Таков вывод обзора московских резолюций, принятых 20 тысячами членов партии («Правда» № 239, 16/X 1926 г.).

Никогда еще, быть может, ЦК нашей партии не пользовался таким колоссальным доверием всей нашей партии, как в настоящее время, и это надо сказать потому, что в течение вот уже нескольких лет ведется борьба против руководителей ЦК, в частности против ее генерального секретаря т. Сталина. Тов. Каменев на XIV с'езде прямо ставил вопрос о т. Сталине. Партия неоднократно давала ответ на этот вопрос, и она дала на этот раз еще более ясный ответ всем тем, кто выступал против этого руководства.

С чем же выступала оппозиция? Смехотворный, дутый «миллиард» т. Зиновьева фигурировал и в Москве и в Ленинграде и ни в ком не мог вызвать ни малейшего сочувствия, потому что никогда еще политические вожди не подходили с такой несерьезностью, так поверхностно к вопросу, как в этом случае, и рабочий класс, выросший колоссально за это время, почувствовал это. Когда ему, в качестве рецепта предлагалось ввести тайное голосование, он законно увидел в этом только угрозу организационным и политическим основам нашей партии и нашего советского государства. Не мешайте нам строить социалистическое хозяйство,—вот каков был общий ответ рядового рабочего класса,—и этот ответ оппозиция заслужила. Если еще после XIV с'езда и на XIV с'езде оппозиция возмущалась тем, что мы упрекаем ее в безверии, то как же можно иначе назвать, как отступничеством, как безверием—речь о том, что мы хотим «строить социализм в одном уезде» (Радек), или речь т. Минина

в Гомеле, в которой он договорился до таких вещей: «Вы все говорите строим, строим социализм. Что толку? Мы еще собираемся построить социализм, когда у нас нет культурных сортиров». Поразительное открытие: социализм, оказывается, ввести легче всего в такой стране, где лучше всего устроены уборные. А еще говорят, что у оппозиции нет оригинальных мыслей!.. Выступали с планом «демократического с'езда». Мы знаем о сотнях таких разговоров еще со времени «курортных совещаний» оппозиции, где выработались планы насчет того, как устроить с'езд. Мы заверяем оппозицию, что XV с'езд будет созван (на основе устава ВКП(б)], и никакие разработанные на конспиративных собраниях директивы оппозиции в жизнь проведены не будут.

Вся «популярность» вождей оппозиции разбилась о несокрушимую стену партийного общественного мнения, партийной дисциплины, огромно выросшей сознательности членов партии. Презрительные разговоры об аппарате, об аппаратчиках, презрительные мнения об этом аппарате привели к тому, что оппозиция просто не поняла, какую силу собою представляет сейчас ленинская партия, воспитанная на разрешении величайших трудностей нашей эпохи. Они не знали партии и принимали мнения незначительных кружков своих сторонников и информацию Беленького и Сапронова о мифических десятках ячеек, которые за ними, целиком за истину, принимали свои собственные мечты за действительность. Но «мечты и иллюзии гибнут, а факты остаются».

После жесточайшего поражения в Москве и по некоторым другим городам, оппозиция сделала шаг к тому, чтобы найти какой-нибудь выход на пути примирения с партией, на пути примирения с ЦК. 4 октября, за подписью тт. Троцкого, Зиновьева, Сокольникова, Пятакова, Евдокимова в ЦК поступило заявление о необходимости ликвидации тяжелого периода внутрипартийной распри, о необходимости наладить совместную дружную работу. В «Извещении ЦК ВКП(б) о внутрипартийном положении» от 16 октября 1926 г. члены партии найдут изложение хода событий после этого заявления. В тот самый момент, когда подписавшие заявление товарищи протягивали руку мира, они делали еще одну попытку положить на чашку партийных весов мнение массы ленинградского пролетариата. Тов. Зиновьев не раз говорил о том, что стоит ему появиться в Ленинграде на Путиловском заводе, как рабочие понесут его на руках. Такую же мысль высказывали и другие более или менее видные лидеры оппозиции. И вот целая компания лидеров оппозиции, собранная даже из других городов, двинулась в Ленинград. Удар, урок, который получила оппозиция в Ленинграде, окончательно выбил почву из под ног фантазеров и показал в истинном свете авантюристический смысл расчетов оппозиции на ленинградский пролетариат. Ленинградский пролетариат ответил так же единодушно, как и московский, на попытку оппозиции. Ленинградский пролетариат показал, что он настроен в высшей степени партийно,—за ЦК, за партию. Никакие речи самых доселе популярнейших вождей (председателя исполкома Коминтерна!) никакие обещания (даже немедленно и значительно поднять заработную плату!) не разбили стальной стены. Такого поражения еще не знала оппозиция.

Оппозиция должна была капитулировать, и она капитулировала 16 октября 1926 г. Надолго ли, всерьез ли? Это покажут ближайшие события.

VI. Литература об'единенной оппозиции.

Стоит еще раз бегло остановиться на литературе, которой пользовалась об'единенная оппозиция. Трудность положения ее заключалась в том, что многим ее лидерам пришлось отказаться от своих самых боевых литературных произведений последнего времени. Если еще недавно т. Троцкий мог действовать против части ЦК своими «Уроками Октября», то сейчас надо было запрятать «Уроки Октября» подальше. Если еще недавно речи, статьи и книги тт. Зиновьева, Каменева, Сафарова, Евдокимова, Сокольникова, Залуцкого и др. были ходкой литературой против т. Троцкого, то сейчас самое благоразумное было ее спрятать вплоть до «евангелия ленинизма»—книги т. Зиновьева о ленинизме. Никакие оговорки в роде того, «кто старое помянет, тому глаз вон», конечно, не были обязательны для членов партии, которые обязаны были вспомнить об этих литературных произведениях. Что же осталось оппозиции? Пускали в ход такие произведения, как статью Устрялова (никогда сменовеховец-профессор Устрялов не думал, что он удостоится такой чести, что его статья будет перепечатываться и распространяться широко сторонниками тт. Троцкого, Зиновьева и др.), перепечатывалась и распространялась книга Макса Истмэна, после того, как она получила характеристику от самих лидеров оппозиции в свое время, как книга недостойная, клеветническая,—книга, рассчитанная на поддержку классового врага. Главная же масса литературы, которая перепечатывалась за последнее время, это были произведения, которые рисовали разгром ленинградской организации (письмо Кострицкого, доклад т. Евдокимова и др. в Политбюро). Дальше шли бесчисленные заявления лидеров оппозиции в ЦК, их речи на пленумах и Политбюро; копии различных неопубликованных, секретных документов; составленные оппозицией платформы; анонимная статья «Рабочий вопрос», «Крестьянский вопрос», «Ответ т. Бухарину», «Вопросы и ответы». Дальше шли произведения товарищей Шляпникова и Медведева. Подумывали о периодической печати. Намечались «информационные бюллетени» и другие периодические издания. Если какой-нибудь историк займется анализом этих произведений, он поразится невероятной идейной бедностью, невероятно низким теоретическим уровнем всего того, что вышло за это время из-под пера оппозиции в качестве материала для идейного воздействия на массу членов партии. Нет никакого сомнения в том, что если бы дело пошло дальше в этом направлении, мы получили бы через некоторое время более систематически организованную самостоятельную печать оппозиции. Нужно еще иметь в виду, что за границей оппозиция имела к своим услугам ультра-левую и ультра-правую в различных коммунистических партиях. Никогда еще ни одна оппозиционная группа не пользовалась такой поддержкой всей враждебной коммунистической партии печати, как на этот раз,—начиная от белогвардейской и меньшевистской печати и кончая печатью ультра-левых германской коммунистической партии, все об'единились для борьбы против ВКП(б) за оппозицию.

VII. Борьба партии с оппозицией.

Одним из козырей оппозиции служила все время сказка насчет разгрома ленинградской организации. В чем выразился этот разгром? Оппозиция рисовала дело таким образом, что 6—7—8 тысяч ленинградцев из оппозиции сняты с постов и разбросаны по самым глухим углам. Мы утверждаем со всей ответственностью что цифра эта преувеличена по крайней мере в 30—40 раз, что во время перевыборов коллективов очень многие вожди и «вожди» были сняты с руководящих постов самой массой: члены комитетов, бюро ячеек, секретари и т. д. Но это ведь и есть демократический способ решения вопроса, против которого не имеет права возражать ни один оппозиционер. Каким образом это могло быть сделано в Ленинграде? Путем упорной активной раз'яснительной кампании. Мы утверждаем, что никогда еще партия так жадно не изучала решений партийного с'езда, никогда так не интересовалась решениями пленумов ЦК и ЦКК, как теперь, и никогда партия так много не сделала, чтобы сделать понятными, близкими, известными всем членам партии эти решения, как теперь. Колоссальная работа, которая проделана в совпартшколах, в вузах, в школах политграмоты, в кружках, через сотни тысяч, миллионы листовок, брошюр, через многочисленные статьи в повседневной партийной периодической печати, через «Правду» и «Большевик», «Коммунистическую Революцию» и др. органы печати, дала свои результаты. Решения XIV с'езда, апрельского и июльского пленумов ЦК и ЦКК распространялись на всех партийных собраниях. Лидеры оппозиции как-то отмечали, что их «прорабатывали» целых десять месяцев. Да, действительно, мы прорабатывали все их взгляды, так что партия в состоянии к ним отнестись сознательно.

Нередко можно услышать от оппозиционеров жалобы на репрессивную деятельность КК. Но ведь это уже чистейшие пустяки! КК исключили по всему Союзу несколько десятков (вряд ли более 40—50 чел.) товарищей, которые в своей фракционной подпольной работе зашли так далеко, что стали чуждыми партии, враждебными партии, стали, например, заявлять прямо, что они не доверяют партии. Как же может партия оставить в своих рядах товарища, который ей не доверяет? КК ни одного товарища не исключили и не подвергли другим партийным репрессиям за оппозиционные взгляды. Но, само собой разумеется, что репрессивная деятельность КК должна была иметь место при таком напоре на принципиальные основы нашего организационного строительства, при таких грубейших нарушениях решений партии. КК сделали все, что могли для того, чтобы помочь привлекаемым членам партии отказаться от своего антипартийного пути. Тот факт, что, несмотря на величайшую конспирацию, подпольная деятельность оппозиции вскрыта в основном перед партией почти до мелочей, является, с одной стороны, результатом умелого товарищеского подхода КК к привлекаемым членам партии, а, с другой стороны, результатом того, что члены партии, соприка-

сающиеся с оппозицией, разоблачают сами раскольническую деятельность оппозиционеров. Нам нет надобности следить за оппозиционерами. За ними следит вся партия. Укрыться от этого глаза партии, от этого контроля партии оппозиция может только, уйдя из нашей партии, только уйдя из наших рядов. Покуда она действует в наших рядах, КК обязаны знать, что она делает и в праве требовать от привлекаемых членов партии, чтобы они открыли подробности своей оппозиционной работы. И при нашем строении партии, никакие самые широкие попытки создания конспиративной организации внутри нашей партии не могут иметь длительного успеха. Однако, следует признать, что не КК дали в основном отпор оппозиции; в основном отпор оппозиции дали рядовые члены партии, рядовая партийная масса. Это заставило оппозицию капитулировать, когда оппозиция убедилась в невозможности скрыть свою подпольную деятельность от партии, это заставило ее признать хотя бы часть своих ошибок.

VIII. Итоги и перспективы.

1. Оппозиция в процессе борьбы встала на путь создания внутри ВКП(б) другой партии (фракции) с особой программой (платформой) со своей внутренней фракционной дисциплиной, со своими организационными об'единениями — кружками, комитетами, членскими взносами, своей, пока еще подпольной, печатью. На примере этой оппозиции, во главе которой стояли крупнейшие лидеры с мировой известностью, с большими ораторскими и писательскими талантами, каждый должен убедиться в том, что ВКП(б) достаточно сильна для того, чтобы справиться со всеми попытками расколоть ее.

2. Оппозиция встретила поддержку в антипартийных кругах (меньшевики, эсэры, белогвардейцы). Мы не станем приводить здесь отзывы этой эсэровской, белогвардейской и меньшевистской печати, хвалебных гимнов оппозиции. В белогвардейских кругах строились всякие планы на то, что оппозиция сумеет подорвать основы диктатуры пролетариата. Оппозиция стала рупором чужих, враждебных партий, настроений. Ее работа приветствовалась, как удар по диктатуре пролетариата и поэтому «благодарственно» воспринималась. На этом примере всякая оппозиционная группа может видеть, в чьих интересах она об'ективно работает, хочет она этого или не хочет. Мы ни в малейшей степени не сомневаемся в том, что ни один из лидеров оппозиции не хотел этой поддержки. Но теперь всякому ясно, где больше сочувствия встретила оппозиция, в партийных или антипартийных кругах, в пролетарских или антипролетарских.

3. Оппозиция не встретила поддержки в массах не только партийных, но и беспартийных рабочих. Она вызвала к себе враждебное отношение в рабочих массах, которые говорят: не мешайте нам строить социализм, не сбивайте нас с толку, мы сами знаем трудности и видим их. Вернитесь на работу и помогайте, а не стойте в стороне и не критикуйте нас, как когда-то критиковали коммунистическую партию враждебные ей группы и партии. Оппозиция оказалась изолированной, и рабочий класс этим, конечно, подтвердил худшую характеристику, которая давалась троцкистам и другим оппозиционным группам в свое время тт. Каменевым, Зиновьевым, Капатчиковым и др., когда эти тт. боролись против троцкистской оппозиции. Не только партия рабочего класса оказалась против оппозиции, весь рабочий класс оказался против оппозиции. Оппозиция оказалась вне массы и против массы. Если т. Троцкий на XIII с'езде партии говорил, что нельзя быть правым против партии и без партии, то он в этом теперь должен был окончательно убедиться, что против партии и без партии нельзя быть правым.

4. Партия колоссально выросла, выросла рядовая партийная масса, и она дает отпор. Потерявшие ленинскую дорогу вожди наталкиваются не только на аппарат, они наталкиваются на всю партийную массу, и не только на ее рабочую часть.

И вузовец не тот уже, что был при оппозиции 1923—24 гг. Вузовец против оппозиции, вузовец вырос политически, и партиец изменил свой социальный состав. Многочисленные и многолюдные собрания и резолюции вузовцев, давших оппозиции отпор, красноречиво говорят об этом. Красноармеец не тот, политработник не тот,—он уже воспитан не в духе троцкистских традиций. Это партиец, который дает отпор оппозиционному блоку, который политически вырос за это время так же, как и вся партия.

Оппозиция не знала партии, она встретила не ту партию, о которой она имела ложное представление, о которой «мечтала».

5. Не по вопросу «внутрипартийная демократия или дисциплина» ответила партийная масса оппозиции. Такое меньшевистское противопоставление—или внутрипартийная демократия, или дисциплина—чуждо нашей партии. Массы дали отпор оппозиции по существу выдвинутых вопросов. Массы разобрались в значительной степени в хозяйственных вопросах, в международной политике. Партийная масса одобряет хозяйственную политику, внутреннюю и международную политику нашей партии,—вот в чем смысл того поражения, которое потерпела оппозиция.

* * *

Что же дальше? Заявление оппозиции от 16 октября 1926 года является, по мнению ЦК, тем «минимумом, который необходим для обеспечения единства партии». «Задача, по мнению ЦК, состоит в том, чтобы, продолжая идейную борьбу с принципиальными ошибками оппозиции, от которых она не отказывается, принять все меры к тому, чтобы достигнутый минимум для обеспечения единства партии был действительно проведен в жизнь». Поскольку оппозиция заявила, что она стоит на почве взглядов, которые изложены в официальных документах и речах, произнесенных на с'езде, на пленумах ЦК, Политбюро, партии предстоит упорнейшая борьба с этими принципиальными ошибками, нагроможденными об'-

единенной оппозицией за последнее время в этих своих речах и заявлениях на XIV с'езде, на пленумах и в ЦК. Если оппозиция считает, что она от этих взглядов не отступила, то, тем более, партия не может отступить от взглядов, которые выражены в решениях с'ездов, решениях пленумов и ЦК, ибо это есть решения партии, а решения оппозиции есть решения фракции, которая ныне должна быть распущена, согласно заявлению лидеров оппозиции. Мы должны со всей строгостью проследить за тем, чтобы, действительно, фракционные группы были распущены и, само собой разумеется, за попытку сохранить где-нибудь такие фракционные группы мы вынуждены будем применять еще более суровые партийные репрессии. Однако, центр тяжести и сейчас у нас и раньше был не в партийных репрессиях, а в огромной раз'яснительной пропагандистской работе, в ясной, доступной форме, в коротких брошюрах, популярных статьях, докладах на собраниях, работе в кружках, проработке вопросов во всех наших партшколах, в вузах. Мы должны добиться того, чтобы камня на камне не осталось от неверных теоретических построений оппозиции по всем вопросам. Вся наша партийная масса должна знать, к чему ведет политика цен, выдвигаемая оппозицией; вся партийная масса должна видеть, куда ведет линия оппозиции в крестьянском вопросе; вся партийная масса должна знать, в чем неправа оппозиция в отношении между народной политики. Многое в этом отношении сделано. Сознательное отношение партии в значительной степени по всем этим вопросам уже достигнуто. Но надо всю эту работу углубить. Пусть оппозиция питает еще надежды на то, что «партия примет в ходе дальнейшей ее работы то, что правильно было во взглядах оппозиции». Мы никогда не отказывались принимать правильные предложения оппозиции. Мы их принимали. Но это не наша вина, а беда оппозиции, что в ее платформах нет правильных предложений. Чем скорее возьмутся искренне за деловую работу оппозиционеры, чем скорее они перестанут противопоставлять себя партии, чем внимательнее они отнесутся к той огромной работе, которую проделывает партия, чем больше они сами возьмутся за кропотливую повседневную работу партийных, советских, профессиональных органов, с искренним желанием помогать партии, а не пребывать в положении безответственной оппозиции, тем скорее изживутся те обостренные отношения, которые сложились между сторонниками оппозиции и большинством партии во многих местах, тем скорее исчезнет трагическое положение потерпевших кораблекрушение оппозиционеров, тем плодотворнее станет их собственная работа и работа всей партии.

Мы знаем, что не все одинаково легко могут встать на этот путь, но преданность пролетарскому делу, (а в ней мы не сомневаемся) поможет, мы надеемся на это, товарищам увидеть свои ошибки и исправить их. Чем скорее они это сделают, чем основательнее они разделаются с остатками оппозиционных настроений и взглядов, тем лучше для пролетариата, для ВКП(б), для дела мировой пролетарской революции.

Работа оппозиции по части принципиальной ревизии ленинизма уже дала свои горькие плоды. Мы имеем такие заявления сбитых с толку оппозиционерами партийцев, как заявление одного из «стойких» оппозиционеров в Сормове: «Слишком верить учению Ленина не нужно, он тоже ошибался много, но исправился на практике, так как Ленин больше практик, чем теоретик» («Правда», 16/X 1926 г., корреспондент из Сормова). Или заявление одного из оппозиционеров на Подольских полях орошения: «Раньше был марксизм, теперь ленинизм и дальше должно быть что-нибудь выше ленинизма. Учение Ленина должно пасть. Партия на одном месте стоять не может»... (Сводка о собр. ячеек об итогах VII плен. МК от 8/X—26 г.). Или заявление некоего т. Перэ в ЦКК, где этот пылкий троцкист пишет: «Фанатики ленинизма!.. Можно ли шутить с именем такого гениального человека, как Троцкий?!... Скорее, друзья, вы откажетесь от всего и раньше всего от ленинизма, чем Троцкий от троцкизма!» «Вы, как фанатики, поклоняющиеся и придерживающиеся жизненного прогресса по евангелию, поклоняетесь ленинизму... Почему не пересмотреть ленинизма? А ведь то, что писал Ленин, ведь многие пункты ленинизма, пожалуй (!!!) устарели для текущего момента. Почему бы не пересмотреть их в тесной среде верных нашей партии товарищей, почему бы не заменить их новыми, в текущем моменте более целесообразными?»...

Оппозиция «попробовала» сделать такой пересмотр ленинских взглядов. Что из этого получилось—видит вся партия. Оппозиция заявляет, что остается на своих принципиальных позициях. Самая глубокая самовлюбленность не может итти так далеко, чтобы надолго эти товарищи остались сидеть в печальной позиции барона Гринвальдуса.

Чем скорее и основательнее сама оппозиция возьмется за самокритику—а эта самокритика теперь неизбежна для всякого мало-мальски добросовестного партийца-оппозиционера (как она обязательна для всякого партийца вообще),—тем больше у партии будет надежды на то, что обещания лидеров оппозиции не останутся пустыми обещаниями, тем больше будет гарантии, что завершенный ныне новой оппозицией круг не начнет снова свой порочный и опасный бег.

Н. Бухарин.

О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР.

1. Возникновение проблемы. 2. Вопрос о зрелости мирового капитализма. Различная критика большевизма: с точки зрения общей незрелости капитализма, с точки зрения военных разрушений, с точки зрения незрелости пролетариата. 3. Вопрос о предпосылках социализма в России: международная социал-демократия, российский меньшевизм, Богданов—Базаров, Троцкий, октябрьская позиция правого крыла большевиков. 4. Вопрос о построении социализма в СССР, как вопрос о характере нашей революции. 5. Гарантия от внешних опасностей и внутренние силы нашего развития. 6. Итоги.

В настоящее время ряд кардинальнейших, основных вопросов нашей революции снова поставлен во всей широте, поставлен, можно сказать, ребром. Подробно разбирать причины этого здесь не представляется возможным, но нельзя не указать, что коренная причина этого состоит в том, что мы сейчас переживаем период перехода от так называемого восстановительного процесса к процессу реконструктивному. Такая терминология кажется нам, впрочем, не совсем точной и не совсем правильной. Ведь, обозначение предыдущей фазы развития нашего хозяйства, как восстановительного процесса, предполагает—если брать это слово в строгом его значении—что у нас под'ем промышленности и под'ем всего народного хозяйства идет по той же самой колее, по какой он шел и в дореволюционный период. Только при таком условии можно было бы говорить о восстановительном процессе в строгом смысле этого слова. На самом же деле у нас после Октябрьской революции под'ем хозяйства и, в первую очередь, его государственного сектора, шел таким образом, что на ряду с восстановлением хозяйства происходила и непрерывная переделка производственных отношений. Наше развитие шло на другой основе, чем та, на которой развивалось хозяйство страны до октябрьской победы рабочего класса. Поэтому, когда мы говорим о восстановительном процессе, то нужно помнить, что это выражение берется условно. Этим мы хотим сказать, что наша продукция достигла довоенного уровня, что материальный остов производства восстановлен в размерах довоенного периода. Только в этом смысле слова и можно говорить о восстановительном процессе. И только при таком понимании можно говорить о переходе от периода восстановительного к периоду реконструктивному.

Итак, является совершенно несомненным, что сейчас перед нами встает во весь рост задача переустройства хозяйства, задача перевода его на новую техническую основу.

Эта задача упирается, прежде всего, в задачу изыскания и приложения капитальных средств, средств, идущих на расширение производственного базиса, на постройку или закладку новых предприятий, в значительной мере на новой технической основе. Не трудно сообразить, что это—задача величайшей трудности, при чем трудность ее не исчерпывается лишь сферой практики. Нет, даже взятая в теоретическом разрезе, она представляет, как говорят немцы, ein harter Nuss (крепкий орех). Эта трудность и порождает целый ряд колебаний, шаганий в наших рядах. Она же заставляет нас восходить к коренным вопросам революции.

Нелишне отметить, что вопрос об основном капитале ставился сравнительно давно (ср. вопрос об электрификации у Ленина); ставился он и некоторыми из наших противников. Между прочим, в этой связи можно упомянуть об одной работе П. П. Маслова, именно о выпущенной им в 1918 г. книге «Итоги войны и революции» [1]). Маслов тогда стоял целиком на меньшевистской позиции и в указанной книге проводил меньшевистскую точку зрения. Само собой разумеется, он отрицал возможность социалистической революции у нас, и отрицание это, в значительной мере, обосновывал невозможностью решения проблемы новой техники при отсталости технико-экономического базиса нашей страны вообще. Вот что писал он тогда:

«Стоит только познакомиться с преобладающим типом предприятий в земледелии и в кустарном производстве, занимающем наибольшее число рук в индустрии, чтобы притти к заключению, что революция не может ввести социалистического строя, пока капиталистическое производство не создаст для него материальные условия. Великая русская революция в первые годы только отколет индустрию от земледелия в деревне, отколет посредством капитализма, а социализм лишь «в более или менее отдаленном будущем» снова соединит их в гармоническое целое. Не отколовшись от земледелия в мелких хозяйствах, индустрия не может технически сформироваться в общественное производство, так как первобытная техника кустаря не может сохраниться, а изменение техники расколет полуземледельческое хозяйство. Творить же новые предприятия на новых технических началах из ничего даже и революция не в состоянии, хотя она и обладает огромными творческими силами» [2]).

В этой цитате наиболее характерной и любопытной является последняя фраза, где автор мысль относительно невозможности социалистической революции у нас связывает с мыслью о том, что нам неоткуда будет взять сил и средств для подведения под свое хозяйство новой технической базы.

На какие средства можно подвести эту новую техническую базу—вот проблема. Эта, выражаясь современным языком, «проблема основного капитала» как раз и выдвигалась П. Масловым на первый план. А так как—по мнению Маслова-меньшевика—ни о какой новой технике нечего и думать, то именно это для него и являлось решающим аргументом, чтобы вообще отрицать социалистический характер нашей революции.

[1]) Маслов, П. «Итоги войны и революции», М., 1918.
[2]) П. П. Маслов, l. c., стр. 151. Курсив наш.

Отсюда следует, что вопрос о переводе нашего хозяйства на новые технические рельсы, проблема основного капитала, вплотную подводит к вопросу о характере нашей революции, к вопросу о возможности строительства социализма в одной стране,—словом, к ряду тех вопросов, которые сейчас являются предметом спора в нашей партии. Вот почему сейчас полезно будет оглянуться назад, вспомнить, что говорилось раньше относительно социалистической революции вообще, что говорилось о возможности социалистической революции в нашей стране. Такая историческая справка вытащит на свет божий целый ряд аргументов, которые помогут уяснить теперешние споры, обеспечивая возможность проследить идейные истоки взглядов той или иной спорящей стороны.

Здесь необходимо хотя бы и очень коротко, остановиться на вопросе о «зрелости» современного и, прежде всего, мирового капитализма в той постановке этой проблемы, как она давалась большевиками. Общеизвестна истина, что исторический прогноз и тактика большевиков всегда покоятся на определенном, совершенно об'ективном, анализе положения вещей. Три рода явлений, которые связаны между собою и обусловливают друг друга, брались большевиками в расчет при решении вопроса о зрелости мирового капитализма. Это, во-первых, его технико-экономический базис и его организационные формы. Во-вторых, соотношение классов, соотношение сил между рабочим классом, мелкой буржуазией и капиталистической крупной буржуазией. В-третьих, культурно-идеологическая зрелость пролетариата. Само собой понятно, что вопрос о культурно-идеологической зрелости пролетариата ортодоксальные марксисты ставили не с той точки зрения, что пролетариат может захватить власть лишь тогда, когда выработает свою собственную культуру, выдвинет кадр необходимых административных сил, нужных для управления государством и т. д. Так ставил вопрос А. А. Богданов. Это по его теории пролетариат не может завоевать власть, пока не усвоит принципов «всеобщей организационной науки», не проникнется взглядами всеоб'емлющего учения о пролетарской культуре. Само собой разумеется, что при таком подходе, как у Богданова, вопрос о зрелости капитализма едва ли когда-нибудь получил бы положительное решение. Но у большевиков подход был иной, и с точки зрения этого подхода общая зрелость капиталистических отношений для перехода их в социалистические не подлежала никакому сомнению. Большевики выдвигали здесь положение о последней империалистической фазе капитализма, о достаточной степени централизации и концентрации капитала, об особых организационных формах капитализма (финансовый капитал, капиталистические монополии, банковые консорциумы и т. д.), рассматривая самый факт мировой империалистической войны как доказательство зрелости капиталистических отношений, потому что сама империалистическая война есть не что иное, как выражением громаднейшего конфликта между ростом производительных сил и их капиталистической оболочкой, ставшей уже тесной для более или менее нормального развития этих производительных сил в дальнейшем.

Само собой разумеется, что при оценке мирового капитализма большевики вовсе не исходили из признания, если так можно выразиться, сплошной зрелости капитализма и вовсе не предполагали, что в каждом географическом пункте земного шара степень централизации и концентрации капитала, степень концентрации рабочего класса и т. д. и т. д. всюду одинаковы и достаточны для перехода к социализму. Наоборот, в лице Ленина большевики выдвинули положение о так называемом «законе неравномерности капиталистического развития». Этот закон имеет своей базой разнородность структур капитализма по странам. Этот закон выдвигает и то обстоятельство, что есть строгое различие между центрами капиталистической экономики и колониальной периферией этой же экономики, что зрелость капитализма в целом, как капитализма мирового, вовсе не предполагает совершенно одинаковой высоты капиталистического развития в разных странах, одинакового темпа развития и т. д. Этот ленинский закон неравномерности капиталистического развития и был теоретическим обоснованием подхода большевиков к вопросу о зрелости мирового капиталистического хозяйства, о степени его подготовленности к переходу в хозяйство социалистическое, о мировой революции, как сложном и длительном процессе, который может начаться даже в одной стране.

Так ставили вопрос большевики. Иначе подходили к нему противники большевизма. При этом должно быть отмечено, что их (противников) аргументация в «доказательство» незрелости капиталистических отношений имела целый ряд вариантов. Имеется целый ряд критических позиций, направленных против большевиков и долженствующих опровергнуть большевистский тезис относительно зрелости капиталистических отношений в современном мировом хозяйстве. Одни говорят, что экономически капитализм еще не созрел; другие говорят, что он экономически созрел, но в результате мировой войны и в результате того обнищания, которое наступило за время войны, он перестал служить достаточной базой для перехода на рельсы социалистической революции. Наконец, третьи выдвигают ряд особо «оригинальных» соображений, указывая на культурную незрелость пролетариата, который не может в силу этого решить задачу мировой революции.

Первый тип критики большевизма, критики с точки зрения экономической незрелости капиталистических отношений, наиболее ярко представлен в работах Генриха Кунова. В одной из своих брошюр, написанной в оправдание голосования 4-го августа 1914 года в германском рейхстаге, он развивал, примерно, такую концепцию. Он говорил, что думать о переходе к социалистическому строю сейчас значит заниматься пустыми иллюзиями и утопией. Маркс сказал, что ни одна хозяйственная форма не перестает жить, прежде чем она целиком и полностью не осуществит всех своих возможностей, пока она не исчерпает всю себя до конца. Возьмите те страны, говорил Кунов, где недостаточно еще развит капитализм; возьмите рынки, которые не целиком еще наполнены капиталистическим товарным содержанием; возьмите некоторые страны, где капитализм стоит еще в начале своего развития,—и вам станет совершенно ясно, что капитализму предстоит развиваться еще огромное количество времени. А после войны,—так утверждал Кунов,—благодаря частичному уничтожению производительных сил, получается еще возможность добавочного развития капиталистических отношений, потому что, поскольку производительные силы капитализма

во время войны подверглись определенному разрушению, постольку даже та сеть рынков, которая и без того была велика, будет по отношению к разрушенным производительным силам еще более велика; поэтому нелепой, утопичной, антимарксистской является мысль относительно перехода общества в ближайший период на социалистические рельсы.

Здесь все так недвусмысленно и ярко, что нет нужды привлекать других критиков, идущих по той же линии; достаточно будет лишь упомянуть о другом, на этот раз русском, марксистском, или полумарксистском, литераторе, А. А. Богданове. В одной из своих работ, именно в брошюре «Вопросы социализма» он писал: «В подтверждение (необходимости и возможности перехода к социализму. *Н. Б.*) указывают на гигантский рост именно тех отраслей, которые производят средства производства. И вот, если взять мировое производство тех же двух основных материалов во всей промышленности—чугуна и угля, и основываясь на их цене, оплате рабочей силы и приблизительной норме ее эксплоатации, вычислить, какая доля всей трудовой энергии, находящейся в распоряжении человечества, кристаллизуется в огромной годовой массе этих продуктов, то окажется около 2—2½ и отнюдь не более 3%. Результат, в котором как будто нет ничего подавляющего» [1]).

Приведя эти свои 2—2½% в производстве чугуна и угля, А. А. Богданов тем самым считает доказанным положение о такой фазе развития капиталистических отношений, при которой нечего и думать о том, чтобы ставить себе какие-то задачи перехода на рельсы социалистической революции и на рельсы непосредственного социалистического строительства.

Едва ли такая критика может всерьез быть принятой за критику марксистскую: это не больше, как карикатура на марксизм [2]). Ибо «критики» исходят здесь из крайне упрощенного, отнюдь не диалектического, представления о предпосылках гибели капитализма. По их мнению, капиталистическая форма производства погибнет только тогда, когда она целиком вытеснит (или почти целиком вытеснит) другие формы производства. Между тем, в действительности капиталистический способ производства гибнет гораздо раньше, ибо он гораздо раньше развивает свои внутренние противоречия, делающие нестерпимым и об'ективно невозможным его дальнейшее существование (ср., например, мировые войны, «эпоху войн и революций»). Равным образом, «критики» исходят из такого положения, что материальная зрелость капитализма должна быть такова, чтобы после захвата власти налицо был почти готовенький социализм, охватывающий целиком и сразу все общество. Между тем, в действительности речь идет лишь об отправных пунктах движения, о возможности дальнейшего строительства. У «критиков» исчезает почти весь переходный период, который есть период развития социалистических хозяйственных форм среди форм несоциалистических. Их («критиков») кажущийся радикализм есть оборотная сторона их глубочайшего оппортунизма. Едва ли есть нужда дольше задерживаться на этой породе критиков: приведенного достаточно, чтобы перейти к другой группе возражений.

[1]) А. Богданов, «Вопросы социализма». М. 1918 г., стр. 48.

[2]) Как на курьез, здесь можно указать на тоже «марксистскую» критику большевиков со стороны некоего Рудольфа Шнейдера, секретаря «Имперского Союза немецкой индустрии», побивающего в своей брошюре: «Советский строй, социализация и принудительное хозяйство» не только большевиков, но и социалистов вообще, самим Марксом: «Уже 50 лет тому назад,—пишет сей ученый защитник немецких промышленников,—великий теоретик социализма К. Маркс, блестяще опроверг всех таких утопистов и реформаторов мира одним единственным замечанием» (20 стр.). Когда говорят о практической реализации социализма, впадают в утопию; «Социализм совершил обратный путь от науки к утопии»... (20). (Rudolf Schneider: Geschäftsführer des Reichsverbandes der deutschen Industrie: «Rätesystem, Sozialisierung und Zwangswirtschaft». Dresden, 1919).

Эта последняя в общем виде, примерно, может быть изображена таким образом: социализм, конечно, созрел, капитализм уже создал внутри себя производительные силы, которые могут поставить в порядок дня вопрос о социалистическом перевороте, но война все разрушила, и теперь приходится брать уже иной тон, теперь нельзя ставить перед собой задачу социалистического переворота. Так ставит вопрос, между прочим, не кто иной, как Каутский, который говорил относительно огромных разрушений войны и относительно того, что на базисе разрушенного войной капитализма строить социализм невозможно. Но были и русские социал-демократы, которые точно так же ставили вопрос,—например, так ставил его очень известный русский меньшевик Либер. В предисловии к своей брошюре, изданной в Харькове в 1919 г. под названием «Социальная революция или социальный распад», он, не преминув сообщить, что «к сожалению» им потеряны прежние рукописи в то время, когда ему пришлось скрываться от «коммунистических охранников», выдвигает такие рассуждения: «Основные, «пессимистические» положения, развитые в настоящей лекции, защищались мною в еще «медовые» месяцы нашей революции. Уже с первых дней русской революции для меня были ясны черты гнилостного ее распада, вызванного войной, и перебегающие болотные огоньки ни на один момент не казались мне революционными маяками» [1]). Это, долженствующее быть поэтическим, описание содержит такую политическую мысль: что вы, большевики, говорите о каком-то социализме, о международной революции и проч. вещах? Что вы ставите это в порядок дня? На самом деле то, что происходит, есть не процесс революционного движения общества вперед, а есть процесс гнилостного распада, вызванного войной.

В третьей главе этой своей брошюры, расписывая «анархию», появившуюся в результате войны, в главе, названной «Грядущие перспективы и задачи», автор прямо заявляет, что его точка зрения приложима не только к России, но ее «чохом», так сказать, можно применить и ко всему миру: «Из всего, что я сказал, ясно, что социализма теперь нельзя осуществить» [2]).

Не трудно увидеть, что эта аргументация исходит из оппортунистической предпосылки о «безболезненном» переходе от капитализма к социализму. В полном противоречии с революционной теорией Маркса, который предсказывал рождение социализма среди катастроф («Zusammenbruchstheorie»), неизбежно связанных с разрушением производительных сил, «критики» исходят из возможности поистине идиллического хода событий. С дру-

[1]) М. И. Либер, «Соц. рев. или соц. распад», Харьков, 1919, предисловие. Курсив наш.

[2]) Ibidem, стр. 57.

той стороны, разбираемая аргументация связана также с арифметическим представлением о предпосылках социалистического строительства: она предполагает, что отступление от определенной грани в развитии материального остова производства уже тем самым делает сразу невозможным переход к социализму. Изменяющееся соотношение классовых сил, воспитание и самовоспитание пролетариата в его боях и т. д.,—все это не принимается во внимание. Нечего и говорить о том, что эмпирическая проверка этого положения, т.-е. весь последующий ход событий, целиком опровергли рассуждения оппортунистов, которые просто-напросто убегали от решения задачи, как убегали от революции вообще.

Третья группа возражений, в форме самого ходового товара, была представлена в виде теории, которая должна была доказать, что пролетариат вообще не может взять власть, поскольку он является арифметическим меньшинством населения. Взятие власти, диктатура пролетариата, захват власти политической партией рабочего класса, строительство социализма, переход от капиталистического общества к социалистическому, предполагает обязательно, по мнению этих критиков—социал-демократов, большинство, принадлежащее пролетариату. Этот вопрос очень подробно обсуждался в большевистской литературе и останавливаться на нем здесь едва ли есть необходимость. В частности широко известны аргументы, которые в этом вопросе направлял против Каутского тов. Ленин.

«...Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала,—писал Ленин,—состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и мелкобуржуазных партий»[1]). Вполне возможно такое конкретное сочетание общественных сил, когда пролетарское меньшинство населения может руководить массой мелкой буржуазии. С другой стороны, возможно и такое аристократическое перерождение известных слоев пролетариата, имеющего большинство в стране, когда пролетарская революция крайне затруднена [2]). Таким образом, только шаблонное, вульгарное, неконкретное, недиалектическое отношение к вопросу может привести к социал-демократическому взгляду на невозможность переворота при пролетарском меньшинстве.

Оригинальный вариант теории о незрелости самого пролетариата представляет точка зрения А. Богданова. У Богданова имеется, как известно, особая теория вызревания социалистических элементов в недрах капиталистического общества. Согласно этой теории дело обстоит так, что только тогда рабочий класс может поставить перед собой задачу завоевания власти для социалистического строительства, когда он будет уже иметь в своем распоряжении подготовленный кадр людей, могущих решать самые сложные задачи социалистического строительства. Аргументация Богданова довольно проста. Он берет, скажем, такой вопрос, как вопрос плана, и говорит: построить план социалистического хозяйства есть задача колоссально сложная. А если поставить задачу мировой организации социалистического общества, то трудность возрастет неизмеримо. Преодолеть эту трудность без соответствующих культурно-организационных предпосылок невозможно. А так как этих предпосылок еще нет налицо, то, само собой разумеется, невозможна и постановка на очередь дня самой задачи социалистического строительства.

[1]) Ленин, «Выборы в Учр. собрание и диктатура пролетариата». Собр. соч., том XVI, стр. 447.

[2]) См. по этому поводу замечательно интересные соображения у Ленина,—«Ленинск. Сборник», III, 493—494.

В виду особой оригинальности позиции А. А. Богданова, приведем наиболее характерные места полностью. На стр. 38 своей брошюры «Вопросы социализма» автор пишет:

«Планомерная организация человечества предполагает обобщение и обобществление организационного опыта, его кристаллизацию в научной форме. Если этого нет, значит—еще не назрели исторические условия для решения задачи. Оно невозможно, как невозможна была бы система машинного производства без естественных и технических наук, обобщающих и обобществляющих технический опыт».

И далее, на стр. 68:

«Культурная несамостоятельность пролетариата в настоящее время есть факт основной и несомненный, который надо честно признать, и из которого следует исходить в программе ближайшего будущего. Культура класса—это вся совокупность его организационных форм и методов. Если так, то какой злой иронией или каким детским неразумием представляются проекты немедленно навязать пролетариату дело самого радикального, невиданно-сложного и трудного во всей истории организационного переустройства в мировом масштабе! И это тогда, когда так часто на наших глазах распадаются и рассыпаются—нередко даже не от внешних ударов—его собственные организации».

В известном смысле не менее интересную точку зрения и очень близко стоящую к позиции А. Богданова развивал в те годы В. Базаров. Базаров исходит, примерно, из тех же предпосылок, что и Богданов, но более конкретно и отчетливо формулирует свои выводы. На этих выводах, минуя их аргументацию, общий характер которой только-что отмечен, и следует остановиться. Вот как они формулированы автором. Анализируя западно-европейские формы государственного капитализма, В. Базаров умозаключает:

«В виду всего сказанного выше, нам представляется совершенно невероятным, чтобы рабочая партия в сколько-нибудь близком будущем смогла использовать эту новую форму буржуазного строя, как орудие для создания подлинно-социалистического, свободно-планомерного хозяйства. Единственно доступной для нее в данных условиях задачей является задача, формулированная германскими оппортунистами: превращения хозяйства, основанного на извлечении прибыли, «в государственную хозяйственную организацию, рассчитанную на обслуживание потребления», в «Bedarfsdeckungswirtschaft», как гласит неуклюжий термин новейшего изобретения» [1]).

[1]) Базаров, В. (Руднев), «На пути к социализму». Харьков, изд. 1-ое, 1919 г., стр. 21—22.

Сделав поправку против оппортунистов в смысле необходимости международного характера этой организации—госкапитализма, автор приходит к такому итоговому выводу:

...«Дело идет здесь об очень обширной и сложной организации. Но так как она нисколько не порывает с основами принудительной, буржуазно-демократической государственности, так как, с другой стороны, общие контуры этой организации уже начинают вырисовываться в стихийных процессах переживаемого нами времени,—то здесь перед современной демократией встает проблема, которую нельзя признать принципиально для нее непосильной. От того, сумеет ли пролетариат проявить надлежащую инициативу и сплотить вокруг себя прочие демократические элементы, заинтересованные в успешном разрешении указанной задачи, зависит ход всемирной истории в течение ряда ближайших 10-летий, а может быть, и столетий» [1]).

Словом, этот базаровский аргумент от некультурности рабочего гласит: дай бог нам, по следам германских оппортунистов, поддерживать государственно-капиталистические организации, заправилами которых является буржуазия; где уж там социализм строить! На десятилетия, а то и на целые столетия, пролетариату придется удовольствоваться весьма остроумным занятием: поддерживать капиталистический строй в его самом концентрированном виде [2]).

Богдановско-базаровская «теория» культурно-организационного вызревания пролетариата в лоне капиталистических отношений насквозь неверна, противоречит основным фактам развития рабочего класса, насквозь идеалистична. Она неверна потому, что предполагает возможность для пролетариата, класса эксплоатируемого, угнетенного экономически, политически и культурно, «созреть» в рамках капитализма настолько, чтобы сразу оказаться готовым управлять всем обществом и иметь в своих рядах силы, решающие самые сложные задачи строительного периода. Богданов и Базаров не понимают всей принципиальной разницы между пролетарской и буржуазной революцией, между вызреванием капитализма в рамках феодального строя и вызреванием социализма в рамках строя капиталистического. По этому поводу мы в свое время писали:

«В рамках капиталистического строя пролетариат создает гениальнейшие намеки грядущей культуры, замечательные возможности дальнейшего культурного развития человечества; но в этих рамках он, культурно угнетенный класс, не может развить их настолько, чтобы подготовить себя к организации всего общества.

Он успевает подготовить себя к «разрушению старого мира». «Переделывает свою природу» и вызревает он, как организатор общества, лишь в период своей диктатуры» [3]).

Теория Богданова—Базарова неверна, следовательно, и потому, что она пред'являет слишком большие требования для

[1]) Ibid., 22.

[2]) Считаем нужным напомнить читателю, что такая характеристика базаровской точки зрения имеет в виду только соответствующий период времени.

[3]) См. Н. Бухарин: «Буржуазная революция и революция пролетарская». Сборник «Атака», стр. 232, 1-го издания.

захвата власти, и потому, что она не понимает значения переходного периода, как периода культурного вызревания пролетариата. Если бы основания богдановской теории были верны, то задача пролетарской революции была бы так же неразрешима вообще, как задача квадратуры круга или perpetuum mobile.

В таких формах выражалась критика большевизма по вопросу относительно зрелости международного капитализма, относительно зрелости мирового хозяйства. Что же касается самого большевизма, то в этом отношении он был един и монолитен: внутри нашей партии по этому вопросу, по вопросу о зрелости капиталистических отношений мирового хозяйства, никогда никаких разногласий не было. Все оттенки, все течения, все направления внутри нашей партии по отношению к этому вопросу не высказывали скептицизма, ни одно выступление из среды большевиков не оспаривало положения о зрелости капитализма для социалистического переворота в международном масштабе, в первую очередь, в так называемых передовых странах Европы.

Но совсем иначе обстоит дело, если мы возьмем другой вопрос, именно вопрос о зрелости капиталистических отношений в России: ответ на этот вопрос уже звучит разноречиво не только тогда, когда мы берем различие между большевиками и социал-демократами, эсерами и др. соглашательскими партиями; этот вопрос ставился по-разному и по-разному решался и внутри нашей собственной партии. И теперь он ставится тоже по-разному. Ибо вопрос о возможности построения социализма в нашей стране, есть не что иное, как вопрос о характере нашей революции. В такой формулировке он поднимался уже не однажды.

Здесь точно так же будет не безынтересно и совсем не бесполезно предварительно выслушать и мнения противников из социал-демократического лагеря.

Застрельщиком в борьбе против большевиков вокруг вопроса о характере нашей революции выступил, сперва очень мягко, потом по-ренегатски, и, наконец, совершенно, как контрреволюционер, известный папа социал-демократии, Карл Каутский. В ранних своих брошюрах он выступал сравнительно умеренно. Например, даже в брошюре, против которой полемизировал т. Ленин, Каутский еще был на грани приличия, но и тогда он служил об'ективно роль лакейского идеологического поднеавалы буржуазии [1]). В своих работах Каутский ставил вопрос о харак-

[1]) В этом отношении крайне интересен один отзыв, данный небезызвестным доктором Паулем Шиманом в брошюре, которая была издана «Генеральным секретариатом лиги для изучения и борьбы с большевизмом» и которая носит совершенно специфическое название: «Азиатизация Европы». Этот Пауль Шиман пишет по поводу выступления Каутского буквально следующее: «Самым лучшим (по-немецки сказано еще сильнее: «das weitaus Beste») и самым убедительным, что с социально-политической точки зрения было написано о большевизме, является брошюра Каутского «О диктатуре пролетариата» (8). А почему это «самое лучшее и убедительное», Шиман подкрепляет своей оценкой большевизма. Он пишет по поводу большевизма: «Духовная смерть, внутреннее окостенение человечества, которое было свойственно народам Азии в течение тысячелетий, стоит теперь призраком перед воротами Европы, закутанное в мантию клочков европейских идей. Эти клочки обманывают сделавшийся слепым культурный мир. Большевизм приносит с собою азиатизацию Европы». (Paul Schiemann: Die Asiatisierung Europas, 1919, s. s. 8, 9.).

тере нашей революции довольно точно, ясно и определенно. В об'емистой книге, носящей название «Пролетарская революция и ее программа», он прямо заявляет, что наша революция имеет в себе типичные черты революции буржуазной. С ней, собственно говоря, иначе и быть не может, так как эта революция происходит в стране, капиталистическая незрелость которой—факт общепризнанный. Еще у Маркса сказано,—повествует старый начетчик,—что никакое новое общество не может родиться раньше, чем старое не разовьет всех своих производительных возможностей. А, стало быть, и социализм невозможен, раз предыдущая стадия общественного развития не закончена, раз старое общество еще не исчерпало себя до конца. Вооружившись так, он лихо начинает прямую атаку против большевиков, которые, с его точки зрения, очень увлеклись ролью повивальной бабки, но выполняют ее крайне неуклюже, ибо понукают родильницу разрешиться от бремени гораздо раньше, чем это ей полагается по законам природы. В сущности, большевики вовсе не акушеры, а просто шарлатаны-знахари, которые только рекламируют себя, как прошедших курс обучения в школе революционного акушерства, в школе Маркса. В действительности они к ней (школе Маркса) никакого касательства не имеют. У матушки-Руси вовсе не роды социализма: она просто об'ект экспериментов со стороны большевистских мошенников.

Словом, капитализм в России отсталый, недозрелый, а потому не здесь и социализм нужно строить,—так наставительно заключает одна из энциклик социал-соглашательского папы [1]).

На ряду с папой-Каутским необходимо рассмотреть точку зрения, занимаемую по данному вопросу Отто Бауэром, который по справедливости, может быть почтен за прелата социал-соглашательства. Нужно сказать, что прелат оказался куда обделистее и изворотливее папы: точка зрения О. Бауэра и хитрее, и остроумнее позиции Каутского.

Его постановка вопроса такова. Он ни капли не отрицает, что в России—диктатура рабочего класса. Он ни капли не отрицает, что наша партия взяла власть, как партия городского рабочего класса. Он говорит, что диктатура пролетариата у нас, правда, в других формах, чем в Западной Европе, но она необходима и она есть. В Западной Европе она была бы в форме демократии, а в России она приобрела совершенно особую форму, форму «пролетарского деспотизма». У нас «деспотизм», но все же пролетарский. Но долго он не может удержаться. Его историческая задача заключается в том, чтобы всеми правдами и неправдами пробудить к культурной жизни большинство населения нашей страны; а большинство населения—это и есть мужик. Пробуждая к культурной жизни крестьянские миллионы, «пролетарский деспотизм» (диктатура пролетариата) своими собственными руками растит ту политическую силу, которая его столкнет. Как только этого крестьянина достаточно взрастит диктатура пролетарского меньшинства, так сейчас же он скажет: «Убирайся!» Тем самым будет выполнена историческая миссия «пролетарского деспотизма», и тогда наш народ дозреет до настоящей демократии.

[1]) См. Karl Kautsky: «Die proletarische Revolution und ihr Programm». Verl. Dietz. 2 Aufl. s. s. 78, 90.

Две следующие цитаты достаточно характеризуют позицию Бауэра. Он пишет: «В России, где пролетариат составляет только незначительное меньшинство нации, он может утвердить свое господство только временно. Он должен неизбежно (muss) вновь потерять его, как только крестьянская масса нации сделается достаточно зрелой в культурном отношении для того, чтобы самой взять власть в свои руки» [1]). «Временное господство индустриального социализма в аграрной России есть только пламя, которое призывает пролетариат индустриального Запада к борьбе. Только завоеванием политической власти со стороны пролетариата индустриального Запада можно обеспечить длительное господство индустриального социализма» [2]).

За исключением Каутского и Бауэра некоторый интерес представляет еще позиция Парвуса и Штрёбеля. Брошюра первого («Рабочий социализм и мировая революция—письма к немецким рабочим») содержит столько клеветы на нашу революцию, что более подлое произведение едва ли можно встретить: перлы лжи Каутского ничто в сравнении с махинациями обделистого Парвуса. Даже свою позицию 1905 года он излагает так, как будто он вовсе не говорил о социалистической революции, а говорил лишь о рабочей демократии в стиле демократии... австралийской! Разумеется, всякому понятно, что здесь налицо желание вымолить у буржуазного общественного мнения Европы извинение за грешки далекой юности,—для этого и понадобился г. Парвусу австралийский плащ.

Наша революция с точки зрения этого подлейшего из ренегатов не больше, не меньше как оккупация страны дезертировавшей солдатской чернью.

«Для осуществления социализма нужна определенная степень развития индустрии и зрелость рабочего класса» [3]). Ни того, ни другого в России нет и в помине, а потому нет для нее и возможности осуществления социалистической революции, возможности строительства социализма. Историческая миссия большевиков—послужить мостом, по которому к власти придет какой-нибудь цезарь, бонапарт или кто-нибудь другой, но в том же роде. Таков клеветнический «итог», который подводит нашей революции разудалый купчик-Парвус, не раз пытавший счастье сбыть подмоченный товаришко на нашем политическом базаре.

Что касается последнего упоминаемого нами автора, Штрёбеля, то он попытался свои взгляды на нашу революцию развить в целую теоретическую «систему».

В брошюре, носящей характерное название «Не насилие, а организация», Штрёбель, рассуждая о «сущности русской революции», заявляет, что было бы совершенным вздором говорить о коммунистической пролетарской революции, ибо основным фактом нашей революции является укрепление частной собственности крестьянина, а укрепление частной собственности крестьянина и есть то, что все решает, что определяет характер этой революции. Кто этого не понимает, тот не марксист, тот «ком-

[1]) Otto Bauer, «Bolschewismus oder Sozialdemokratie». 3 Aufl. Wien. 1921, s. 7.

[2]) Ibidem. Здесь не трудно подметить удивительное сходство позиции Бауэра со взглядами тов. Троцкого. Но об этом ниже.

[3]) Parvus, «Der Arbeitersozialismus und die Weltrevolution. Brife an die deutschen Arbeiter». Berlin. 1919, s. 15.

народник»,—выражаясь современным языком и т. д. В итоге Штрёбель и сводит большевизм к бакунизму.

«Если большевики и воображали,—пишет Г. Штрёбель,—что русских крестьян можно пропагандой (Zureden) и принуждением завоевать на сторону действительного коммунизма и коммунистического способа производства, то они доказывали лишь [illegible], что они обретаются в плену типичных представлений старого русского революционаризма, которые составляют специфическую сущность бакунизма [1]).

Крестьяне... представляют, по крайней мере, семь восьмых всего населения Советской России. Вес их числа и их хозяйственного значения решает в конце концов судьбу революции вообще! Сколько фантастики и сколько фанатической веры в чудеса нужно в таких условиях иметь, чтобы считать русскую революцию за революцию коммунистическую по ее внутреннему характеру и по ее конечному результату!» [2]).

Не социализм строят русские большевики, а унавоживают почву для расцвета нового капиталистического строя,—таков итог анализа нашей революции, данного международной социал-демократией. В России—незрелые капиталистические отношения, это—полуазиатская страна, соответствующие классовые отношения которой находят свое выражение в колоссальном числовом перевесе крестьянства; пролетариат плавает, как муха, в крестьянском молоке, и этот пролетариат-муха, поставленный перед слоном-крестьянином, не может проделать никакой коммунистической революции. Гиря крестьянства тянет все сильнее, эта гиря и решает вопрос о характере русской революции. И какие бы маскарадные костюмы ни надевали на себя активные деятели русской революции, какие бы лозунги ни выдвигали, что бы ни придумывали—все равно: в конце концов, так или этак, вопрос будет решать крестьянство. Единственный смысл всей революции есть укрепление частной собственности крестьянства. Об'ективный смысл крестьянской революции есть не что иное, как раскрепощение крестьянства от феодальных пут. Это и определяет буржуазный характер русской революции. Таков «отзыв» международной социал-демократии.

Теперь не лишне будет взглянуть на наших соотечественников, русских меньшевиков. Они рассуждали тоже, примерно, так, как рассуждали их западно-европейские коллеги. Возьмем такого классика русского меньшевизма, как Георгий Валентинович Плеханов, который теоретически был наиболее последовательным. В свойственном ему стиле, с «книжной простотой» оценивая характер нашей революции, он писал: «Маркс прямо говорит, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил. Теперь спрашивается, как же обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, т.-е., что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему. Россия страдает не только от

[1]) Heinrich Ströbel, «Nicht Gewalt, sondern Organisation». Berlin. 1921. Verl. „Der Firn“, s. 12.
[2]) Ibidem, s. 13.

того, что в ней есть капитализм, но также от того, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из [illegible] людей, называющих себя марксистами» [1]). А в открытом письме петроградским рабочим от 28 октября 1917 г. Г. В. Плеханов приводил и другие аргументы. Он писал: «В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в том случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист» [2]).

Или вот мнение по этому же вопросу уже упоминавшегося П. П. Маслова, бывшего в то время ортодоксальным меньшевиком: «Рабочий класс в России не может взять на себя организацию производства, потому что он представляет собою меньшинство населения страны. Другие классы даже численно значительно преобладают» [3]). Или, в другом месте: «Происходящая революция, будучи буржуазной революцией, т.-е. сохраняющей все основы капиталистического строя, может вместе с тем быть—и неизбежно будет—социальной революцией, которая повлечет значительный сдвиг экономических отношений не в сфере организации производства, а в сфере распределения национальных доходов между разными классами» (т.-е. рабочие будут немножко больше получать, а крестьяне будут немножко меньше облагаться налогами и т. д.) [4]).

Так писали столпы меньшевизма, лучшие меньшевистские идеологи, еще в начале революции, давая характеристику этой революции, как революции необходимо и неизбежно буржуазной.

Отсюда понятно, что по мере того, как все дальше и дальше шла развязка событий, как все прочнее и прочнее становилась власть большевиков, как все тверже и тверже чувствовал себя авангард пролетарской диктатуры, в конце концов должна была зазвучать—и, действительно, все настойчивее и настойчивее стала звучать—нотка о неизбежности большевистского перерождения.

Если сначала резче и громче звучала нота о неизбежной неудаче, о гибели большевиков, то во второй период, поскольку большевики уже закрепились у власти, все громче и громче зазвучало другое: большевики удерживаются, но большевики уже не те; большевики укрепляются, но они перерождаются под влиянием крестьянской стихии. Иначе и быть не могло: кто признает буржуазный характер за нашей революцией, тот, естественно, **до** укрепления советов, должен был вопить о неизбежной неудаче пролетарского переворота, а **после** укрепления неизбежно должен был заговорить о перерождении.

Эту нотку необыкновенно хорошо выразил Далин, один из видных меньшевиков вообще, один из теоретиков вымирающего меньшевизма—в частности. В своей книге «После войн и революций» он пишет: «Нужно понять смысл событий, нужно

[1]) Г. В. Плеханов. «Год на родине». Полное собрание статей и речей 1917—1918 гг. в двух томах. Изд. Поволоцкого и К°. Париж. 1921. Т. I, стр. 26
[2]) Ibidem, т. II, стр. 246.
[3]) П. Маслов, l. c., стр. 143.
[4]) Ibidem, 142

сорвать маскарадные одежды. Нужно смыть краски и белила: судить не по словам, а по делам; не по намерениям, а по итогам. Нужно понять об'ективный смысл революции» [1]). А этот «об'ективный» смысл революции вот в чем: «Та революция, которую переживает Россия вот уже пятый год (писано в 1922 году. *Н. Б.*), с самого начала была и остается до самого конца буржуазной революцией [2]). Ставится вопрос: «Почему таков итог коммунистической революции?» И дается ответ: «Потому, что интересы крестьянства решали судьбу всей политики» [3]).

В этом же отношении интересна позиция уже цитировавшегося нами Либера, этого махрового правого меньшевика. Вот что писал Либер в той же своей брошюре, обобщая свои мысли о невозможности социализма в России: «...Для нас, «не переучившихся» социалистов, не подлежит сомнению то, что социализм, прежде всего, может быть осуществлен в тех странах, которые стоят на наиболее высокой ступени экономического развития—Германия, Англия и Америка—вот те страны, в которых прежде всего есть основание для очень крупных победных социалистических движений (это в Америке-то «прежде всего» «есть основания для очень крупных победных социалистических движений»! *Н. Б.*). Между тем, с некоторого времени у нас развилась теория прямо противоположного характера. Эта теория не представляет для нас, старых русских социал-демократов, чего-либо нового; эта теория развивалась русскими народниками в борьбе против первых марксистов» [4]). Значит, большевизм это есть народническая теория, в борьбе с которой развивался русский марксизм. (Как тут не вспомнить «новейшие» упреки в «комнародничестве»!). Но и этого недостаточно нашему «мыслителю». Нужна еще более компрометирующая марка для представителей большевизма. Народников г. Либеру маловато. Поэтому он «углубляет» постановку вопроса и пишет: «Эта теория (большевистская теория. *Н. Б.*) очень старая; корни ее—в славянофильстве» [5]).

Своеобразно, но в том же основном стиле решал вопрос о характере нашей революции А. Богданов. Большевики захватили власть, использовав слабость буржуазии после войны, которая (буржуазия) обанкротилась. Захват власти, осуществленный

[1]) Д. Далин, «После войн и революций». Изд. «Грани». Берлин. 1922 г. Стр. 10.

[2]) Ibidem, стр. 7.

[3]) Ibidem, стр. 13.

[4]) М. И. Либер, l. c., стр. 16.

[5]) М. И. Либер, l. c., стр. 17. Читатель видит, что г. Либер искажает большевистскую постановку вопроса, смешивая вопрос о том, кто раньше „начал", с вопросом о высоте типа революции. Империалистический фронт был прорван у нас раньше, и пролетариат захватил власть раньше, что в значительной мере обусловливалось слабостью российской буржуазии. С другой стороны, строить нам труднее из-за технико-экономической отсталости страны. Все это не раз раз'яснялось в большевистской литературе. Отметим также, что „новейшие" рассуждения о „национальной ограниченности" имели своих славных предшественников в рассуждениях Штрёбеля, Либера и К⁰. „Славянофильство" большевиков—это даже будет покрепче! Если г. Либер зачисляет большевиков в лоно славянофилов, то г. Чернов обвиняет нас в плагиировании идей т. н. „максималистов". „Русские народники-максималисты пророчески предвосхитили в своих фантазиях едвали не все крупнейшие большевистские эксперименты" (В. Чернов, «Конструктивный социализм». Т. I. Прага, стр. 162).

при помощи солдатчины, ни в какой мере не является началом социалистической революции: пролетариат еще не дозрел до социализма, а крестьян—большинство. Поэтому-то государство, которое создают большевики, отнюдь не есть государство пролетариата. Это государство техническо-организаторского слоя, интеллигенции, которая сложилась теперь, как класс. Если даже в суб'ективные намерения большевиков и не входило создание такой власти, то об'ективно их роль сводится к строительству оригинального государства, во главе которого стоит новый класс, окончательно сконсолидировавшийся в огне революции. Подвергаясь чиновничьему, бюрократическому перерождению, выходцы из пролетариата сами превращаются в составные части этого нового класса. Об'ективная невозможность социализма и здесь сказала свое решающее слово, вопреки суб'ективным иллюзиям самих агентов революционного процесса.

Заслуживает быть отмеченным, что и Базаров, который не раз выступал литературным близнецом Богданова, не мог согласиться на признание социалистического характера нашей революции. В качестве социалистической наша революция выступает, по его словам, лишь в большевистских декларациях, в действительности же целая пропасть разделяет эти декларации и действительность, пропасть, на заваливание которой у пролетариата уйдет не одна сотенка лет [1]).

Такова в общем оценка нашей революции в том виде, как она дается русским оппортунистическим социализмом, в первую очередь, меньшевиками. Она сводится к тому, что у нас не созрели капиталистические отношения; что в стране соотношение сил в высшей степени неблагоприятно для пролетариата; что характер русской революции определяется крестьянством; что тем или иным путем, через партию большевиков, или помимо этой партии, по ее инициативе или против ее воли, с сохранением ее у власти и перерождением, или с ниспровержением ее,—прокладывает себе дорогу новый капитализм, опирающийся на крестьянское большинство нашего населения. Такова социал-демократическая теория по вопросу о характере нашей революции, или, что то же самое, о возможности построения социализма в нашей стране.

Этим исчерпана критика большевизма по данному вопросу, исходящая из небольшевистских рядов. Очередь за критикой, идущей из тех групп и направлений, которые находятся внутри нашей партии.

Просмотр критиков этой последней категории целесообразнее всего начать с г. Троцкого, тем более, что критика Троцкого столь назойлива и криклива, что буквально у всех в зубах навязла. Здесь достаточно лишь напомнить два места, неоднократно приводившиеся в литературе, привести их с тем, чтобы сделать кое-какие сопоставления с критиками, только что разбиравшимися. Вот эти места из работ Троцкого: «Для обеспечения своей победы пролетарскому авангарду придется на первых же порах своего господства совершать глубочайшие вторжения не только в феодальную, но и в буржуазную собственность. При этом он придет во враждебное столкновение не только

[1]) См. Базаров, l. c.

со всеми группировками буржуазии... но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти. Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата. Взорвав в силу исторической необходимости ограниченные буржуазно-демократические рамки русской революции, победоносный пролетариат вынужден будет взорвать ее национально-государственные рамки, т.-е. должен будет сознательно стремиться к тому, чтобы русская революция стала прологом революции мировой»[1]).

Это первое место из работ Троцкого, относящихся к 1922 г. (!). А вот второе место: «Без прямой государственной поддержки (курсив наш. *Н. Б.*) европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру. В этом нельзя сомневаться ни минуты»[2]). Если дать себе труд сравнить то, что говорит здесь т. Троцкий, с тем, что говорил социал-демократ О. Бауэр,—то невольно отмечается необычайная близость, если не сказать полное совпадение этих точек зрения. Если т. Троцкий в 1922 г. не отрицал в России наличия пролетарской диктатуры, то и для хитрого Бауэра эта диктатура—тоже факт. Но с другой стороны, если хитрый прелат социал-демократического папского престола осторожненько вводит маленькое ограничение: диктатура-то пролетарская, но весьма и весьма недолговечная, и прочность ее стоит в прямой зависимости от государственной помощи западного пролетариата,—то и трибун революции Троцкий ни на йоту не отступает от Бауэра: он тоже (очевидно из боязни впасть в грех национальной ограниченности) не допускает и мысли, что без прямой государственной поддержки российский пролетариат обеспечит переход своего временного господства в длительную социалистическую диктатуру.

Как ни хитри, как ни верти, а сходство, скромно выражаясь, бьет в нос. Позиция Троцкого в вопросе о возможности построения социализма в нашей стране (или—что то же самое—в вопросе о характере нашей революции) есть не больше, не меньше, как русский перевод бауэровского социал-демократического варианта. Вот почему и оказался возможным тот факт, что в борьбе с ленинским ЦК русских большевиков т. Троцкий очутился в одной компании с приобретшим ныне печальную известность ренегатом Коршем и его друзьями. Ведь сей почтенный муж проповедью крестового похода на русскую революцию искупляющий свои грехи коммунистического падения, тоже узрел, осененный благодатью Каутского, буржуазно-крестьянский характер нашей революции и теперь вещает, что русские большевики взращивают ростки нового, американского типа, капитализма. Что же тут удивительного? Раз нет пролетарской государственной помощи с Запада, немудрено, что пролетарская диктатура начинает превращаться в «далеко не пролетарскую»; немудрено,

---

1) Предисловие к книге „1905 г.". 1922 г.
2) Л. Троцкий, «Наша революция», цит. по кн. Бухарина «К вопросу о троцкизме». ГИЗ, 1925, стр. 114.

что она «сползает» с классовых рельс. Это ведь элементарно-простой вывод из бауэровско-троцкистских посылок...

Покончив на этом с Троцким, мы должны разобрать весьма своеобразный вариант «дружественной» критики ленинской точки зрения на характер нашей революции: мы имеем в виду критику Ленина со стороны тт. Зиновьева, Каменева и др. в период Октябрьской революции; своеобразие этой критики сказалось в том, что указанные товарищи противопоставляли Ленину не только свою теоретическую «линию», но выставили «по-дружески» и политическую контрплатформу. Но предварительно необходимо остановиться на критике ленинской точки зрения, которую (критику) давал Каменев на апрельской конференции 1917 г. Это сделать совершенно необходимо, ибо апрельская позиция Каменева, выявленная особенно четко в его содокладе на Всероссийской конференции, является идейным истоком и теоретическим обоснованием всей дезертирской октябрьской линии названных товарищей.

На апрельской конференции в докладе Ленина и содокладе Каменева ставился вопрос о характере начавшейся революции, о тех классах, которые могут быть и являются ее движущими силами. Конференция, намечавшая линию поведения партии на ближайший период,—а период этот был периодом развертывания революции,—не могла не ответить на вопрос, какая же революция развертывается, только буржуазная или же перерастающая в социалистическую. И докладчик (Ленин) и содокладчик (Каменев) этот вопрос ставят и на него отвечают. При этом Ленин задачу будущего, и будущего ближайшего, будущего ближайших месяцев, видит в том, чтобы «сделать первые конкретные шаги к этому переходу» (т.-е. переходу на рельсы социалистической революции). Для Каменева же думать, подобно Ленину, что «эта революция не буржуазно-демократическая, что она приближается к социалистической»,—думать так—значит впадать в «величайшее заблуждение». «Если бы буржуазно-демократическая революция закончилась, то этот блок (между рабочим классом и мелкой буржуазией. *Н. Б.*) не мог бы существовать, и перед ним никаких определенных задач не было бы, а пролетариат вел бы революционную борьбу против мелко-буржуазного блока. Совместная работа в этот момент была бы совершенно невозможна. И, однако, мы признаем... советы, как центры организации сил, следовательно, признаем, что есть задачи, которые могут быть выполнены союзом рабочих и крестьян. Значит буржуазная революция еще не закончилась, еще не изжила себя, и я думаю, что все вы должны признать, что при полном окончании этой революции власть действительно перешла бы в руки пролетариата. Вот тогда бы наступил момент разрыва блока пролетариата с мелкой буржуазией и самостоятельное осуществление самим пролетариатом своих пролетарских целей. Я думаю, что должна быть одна из двух тактик: или перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может,—и тогда мы разрываем блок и идем на осуществление тех идей, которые должны быть выполнены пролетариатом; или мы считаем, по условиям текущего момента, блок жизненным, имеющим будущее,—и тогда мы в этом блоке участвуем и строим нашу так-

тику так, чтобы этот блок не разорвать. Поэтому я говорю, что пролетарская партия должна выделиться в этом блоке и наметить ясно и точно свои собственные, чисто-социалистически-интернациональные цели. Мы идем с блоком и еще можем сделать совместно с ним несколько шагов. Я хочу, чтобы пролетарская партия действительно поступила так» [1]).

Здесь попутно разрешается и другой вопрос (вернее другая сторона той же проблемы), вопрос о роли крестьянства в пролетарской революции, вопрос о том, может ли еще крестьянство быть использовано в качестве силы, способной помогать революции. Точка зрения Каменева здесь тоже ясна: ни о какой пролетарской диктатуре, которая бы шла вместе с крестьянством, не может быть и речи; ни о какой диктатуре рабочего класса, где пролетариат занялся бы строительством социализма вместе с крестьянством, руководя этим последним, не может быть и речи. Каменеву, наоборот, момент взятия власти пролетариатом, момент, с которого пролетариат может приступить к фактическому строительству социализма, представляется именно моментом разрыва блока с крестьянством. Не союз с крестьянством, а только борьба, и борьба непримиримая—вот что мерещилось Каменеву в начале революции.

Само собой понятно, что этот теоретический анализ нашей революции, эта оценка ее движущих сил и соотношений между рабочим классом и крестьянством, это утверждение невозможности рабоче-крестьянского блока при пролетарской диктатуре и т. д.—целиком и полностью определили позицию т. Каменева и его соратников в октябрьские дни. Каменев, оказавшись в оппозиции Ленину и большинству ЦК в октябрьские дни, в качестве последовательного человека, делал практические выводы из своей теории, развивавшейся им, в противовес теории Ленина, на апрельской конференции. Другие, шедшие с ним, с последовательностью или без оной, тоже ничего иного не делали, как выводили следствия из первой «дружеской» попытки теоретической ревизии ленинизма. Ведь в самом же деле, если взятие власти пролетариатом означает обязательное столкновение с крестьянством, то нельзя принимать участие в правительстве диктатуры пролетариата, нельзя звать пролетариат на восстание, ибо разгром его предусмотреть можно с астрономической точностью. Отсюда и письма против восстания, отсюда и выходы из ЦК, и СНК.

Действительно, посмотрите, что составляет лейт-мотив всех и всяческих документов, «обосновывавших» и «об'яснявших» эти безобразные выходы и уходы, этот срыв партийной дисциплины, это бегство с поля битвы. Вот документ, подписанный, между прочим, и тов. Шляпниковым: «Мы стоим,—говорится в нем,—на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий» (тогда под советскими партиями разумелись не те, которые стоят на «советской платформе», а те, которые тогда входили в состав советов, т.-е., большевики, меньшевики и с.-р. *Н. Б.*). «Мы считаем, что только образование такого правительства дало бы возможность закрепить плоды героической борьбы рабочего класса и революционной армии в октябрьско-ноябрьские дни. Мы полагаем, что вне этого есть только один путь: сохранение чисто-большевистского правительства средствами политического террора. На этот путь вступил Совет Народных Комиссаров. Мы на него не можем и не хотим вступать. Мы видим, что это ведет к отстранению массовых пролетарских организаций от руководства политической жизнью, установлению безответственного режима и к разгрому революции и страны. Нести ответственность за эту политику мы не можем и потому слагаем с себя перед ЦИК'ом звание народных комиссаров» [1]).

[1]) Петроградская общегородская и всероссийск. конференция Р.С.-Д.Р.П. (б) в апреле 1917 г. ГИЗ, 1925, стр. 53.

Вот коротенькая, но красноречивая цитата из длинного письма Зиновьева, Каменева и других: «Мы уходим из Центрального Комитета,—пишут они,—в момент победы, в момент господства нашей партии, уходим, потому что мы не можем спокойно смотреть, как политика руководящей группы ЦК ведет к потере рабочей партией плодов этой победы, к разгрому пролетариата» [2]).

Само собой разумеется, что эти политические выводы взяты не с потолка; нет, они совершенно «правильно» сделаны, как следствия определенной точки зрения, характеризующей нашу революцию. В самом деле, раз у нас буржуазная революция еще далеко не закончена и еще не перерастает в социалистическую (а это потому, что пролетариат у нас слаб, а большинство населения страны—крестьянство—не может быть использовано в качестве силы, хотя бы только содействующей пролетарской революции), то, стало быть, и диктатура пролетариата—в данных условиях—задача неосуществимая, затея несбыточная и опасная. Конечно, можно заставить партию, очертя голову, броситься в эту авантюру, но путного из этого, как и из всякой авантюры, ничего не выйдет: партию ждет или немедленный разгром, или неминуемая гибель по истечении короткого срока ее господства. Иначе и быть не может: ведь, даже и закрепившись у власти, она это положение сможет обеспечить не иначе, как голым насилием, штыком диктатуры, а позиция на штыке и непрочная и малоудобная. Партия в таком положении не сможет предотвратить свой собственный отрыв от пролетариата, благодаря этому отрыву сузит круг революционных сил до своих собственных пределов, и, выявив, вопреки своим собственным желаниям, неразумность, бессмыслицу, недействительность своего шага, отдаст революцию на поток и разграбление.

Тут не лишне будет отметить, что среди этих первых выводов из теории неверия в возможность у нас социалистической революции, теории недоверия к силам нашего пролетариата и недооценки крестьянства, уже звучат нотки, которые потом из раза в раз будут повторяться при каждой вспышке оппозиционных настроений. Пролетариат слаб, помощи ждать неоткуда—не со стороны же деревни!—куда же думать о построении социализма?! Попытки этого построения обречены на неудачу,—они обязательно будут вырождаться в свою противоположность; упорство в их проведении приведет лишь к вырождению нового ре-

[1]) Архив Революции 1917 г. Октябрьский переворот. Факты и документы. Состав. Попов, под ред. Н. Рожкова. Петроград, 1918, изд. „Новая Эпоха", стр. 408.

[2]) Архив Революции 1917, стр. 409.

жима в безответственный режим бюрократического, аппаратного нажима, политического террора, к отрыву масс и в конце концов к вырождению самой партии. Словом, доброго из попыток большевиков строить социализм «в одной стране» ничего не выйдет, а другого сколько хочешь: пожалуй, и до «азиатского окостенения», о котором говорил упоминавшийся немецкий буржуа, Шиман, дело может дойти!..

Теперь позволительно сделать кое-какие выводы.

Прежде всего, сопоставление всех изложенных и разобранных выше точек зрения европейской социал-демократии, Богданова—Базарова, русских меньшевиков, Троцкого и Каменева—Зиновьева устанавливает их полное совпадение в основном: в вопросе о характере русской революции, в вопросе о соотношении внутренних сил русской революции, в вопросе о зрелости экономической структуры России с точки зрения возможности определенных социалистических достижений. В пределах этих вопросов можно говорить, нисколько не преувеличивая действительного сходства, о тождестве в основном всех этих перечисленных позиций. Само собой разумеется, что, указав на общность исходной позиции, мы не хотим тем самым указать и на одинаковость выводов, к которым приходили, отправляясь от нее, все перечисленные группировки. Нет, выводы делались разные: одни стали героями революции, другие—бились против революции, третьи болтались позорно в ногах. Справедливость требует отметить, что выводы не совпадали даже в пределах одной и той же группировки. Так, например, Плеханов отходил от своих друзей, отказываясь, как теперь уже известно, от попыток расправы с пролетарской, хотя и «преждевременной», но все же пролетарской, революцией. Выводы были различны и в пределах другой группировки: Троцкий в октябрьские дни делал одни выводы, идя в передовых шеренгах бойцов, Каменев—Зиновьев—другие. Троцкий рассчитывал: хотя в силу внутренних причин гибель и неизбежна, но, может быть, вывезет государственная помощь западного пролетариата. Поэтому: вперед! Каменев—Зиновьев соображали: именно потому, что гибель неизбежна по внутреннему сочетанию сил, нечего итти так быстро вперед: осади назад.

Выводы, повторяем, различны, а теоретическая подоснова (в смысле оценки движущих сил революции, в смысле подхода к оценке рабоче-крестьянского блока, в смысле решения вопроса о сочетании сил и о возможности для маленького рабочего класса вести за собой громадную крестьянскую махину; в смысле решения вопроса о неизбежности конфликта между этими силами; в смысле решения вопроса о характере русской революции, т.-е., о возможности социализма в нашей стране)—подоснова всего этого у них одна и та же. И эта «подоснова» настолько далека от ленинской постановки вопроса, что если и напоминает эту последнюю, то только по противоположности, но ни в коей мере не по сходству. Ленинская постановка вопроса о зрелости капитализма в России не так упрощенно-дубовата, как представляется многим умникам, критиковавшим Ленина. Ленин никогда не оспаривал утверждения, что материальных предпосылок для строительства социализма в России много, много меньше, чем в Западной Европе или в Сев. Америке. Но, с

другой стороны, по его мнению, ни в одной стране нет такого положения, что после захвата власти коммунистами социализм сразу рождается готовым со всех решительно сторон. В каждой стране, даже в самой развитой, даже в С.-А. С. Ш., будет такое положение вещей, что пройдет довольно большой исторический этап до тех пор, пока организация хозяйства охватит целиком весь народно-хозяйственный комплекс. Однако, Ленин считал, что и в отсталом хозяйстве России существует островок, который может послужить для начала социалистических операций. Это тем более, что внутри страны мы имеем особое сочетание «пролетарской революции с крестьянской войной», сочетание, которое Марксом считалось за наиболее благоприятное условие пролетарской победы. Особые условия рождения революции из империалистской войны, особое сочетание сил внутри страны, наличность известной материальной базы, как отправного пункта движения,— все это по совокупности дает почву для систематического продвижения вперед на рельсах социалистической революции. Нужно лишь тщательно укреплять социалистический сектор хозяйства, превратив его в базу для своих операций, и тогда, пользуясь им, как командной высотой, планомерно и без излишней поспешности, вести захват всей стихии хозяйства под социалистическое влияние.

После всего вышеизложенного не лишне будет поставить вопрос, какие должны быть сделаны выводы при последовательном применении этой точки зрения неверия в возможность построения социализма в наших условиях, точки зрения, общей и европейским социал-демократам, и Богданову — Базарову, и Троцкому, и Каменеву—Зиновьеву. Мимоходом мы уже касались этого; теперь необходимо подчеркнуть это еще более резко. Оказывается, что, будучи последовательно применяема, эта точка зрения неверия приводит к одному из двух возможных следующих положений: если нет победоносной международной рабочей революции, то большевики гибнут либо в результате их низвержения, либо они гибнут в результате своего собственного перерождения. Ничего другого быть не может. Потому что, если нет об'ективных предпосылок для социалистической революции, если пролетарская диктатура, как пролетарская диктатура, не может длительно существовать, то она может сохранить, в лучшем случае, свою форму, меняя свое содержание, т.-е. пролетарское государство должно становиться «далеко не пролетарским государством». Если в области социально-классовой у нас есть огромный перевес крестьянства, и если столкновение с ним неизбежно, то тогда неизбежно должно получиться перерождение (если мы «сохраняемся») нашего государства, которое делает все больше и больше, под давлением крестьянства, уступок этому крестьянству, идущему на поводу зажиточных слоев. Таким образом будет развиваться конкретная форма перерождения нашего государства, его «окулачивание». Другими словами: в тех оппортунистических предпосылках, которые были заложены еще летом 1917 г., целиком заключается идеология теперешней оппозиции, которая, исходя из факта нашего существования, толкует о тенденциях нашего перерождения. Теоретическая установка оппозиции неизбежно

влечет за собою такие выводы. Правда, эти выводы раньше оппозиционных коммунистов сделали социал-демократы, — в этом отношении можно было бы произведения Каутского назвать vade mecum всесоюзной коммунистической оппозиции, т.-е. спутником оппозиционного коммуниста. Но это обстоятельство лишь подчеркивает идейное отклонение нашей оппозиции от ленинизма. Если она говорит об «окулачивании», то Бауэр говорил то же самое гораздо раньше. Он и сейчас говорит, что в нашем хозяйстве есть много социалистических элементов; он считает и сейчас, что мы не совсем нерабочая партия; он «только» полагает, что мы начинаем пахнуть крестьянским духом, и такова, повидимому, наша неизбежная судьба. Пауль Леви в предисловии к одной антиленинской брошюре тов. Розы Люксембург (брошюре, которую он издал вопреки воле покойной революционерки) пишет то же самое. Далин пишет в своей книге, которую мы уже цитировали, что «суб'ективно» у нас была пролетарская революция, об'ективно же она есть не что иное, как буржуазная революция, ибо это революция—неизбежно крестьянская и т. д., и т. п. А другая теоретическая струя—Богданов и Базаров,—разве это не теория нашего неизбежного бюрократического перерождения, теория, с которой так носится теперь об'единенная оппозиция? Если социал-демократы подчеркивают в первую очередь крестьянскую сторону, то Богданов со всей решительностью подчеркивает вторую половинку процесса нашего «перерождения», а именно наше бюрократическое (техническо-интеллигентская бюрократия, каста «организаторов») вырождение. В речах некоторых оппозиционеров в Коммунистической Академии прозвучали нотки насчет «Кавеньяков». Но и эта глупость не оригинальна: она была давным давно «открыта» и Парвусом, и Каутским, и другими джентльменами, потому что эта компания не верит, что у нас возможна победоносная революция. А так как «проклятые большевики» не уходят со сцены, то остается одна возможность, одна надежда, одна светлая звезда: перерождение, бонапартизм, цезаризм и прочие «термидоры». Теория перерождения стоит целиком на плечах социал-демократических, богдановских, троцкистских и каменево-зиновьево-октябрьских предпосылок...

После этого исторического введения можно заняться тем же вопросом, но в той его особой постановке, какую он получил в литературной дискуссии с оппозицией. Мы переходим к вопросу о «строительстве социализма в одной стране». Целесообразнее всего взять ту формулировку, которая дана т. Зиновьевым, так как эта формулировка может быть рассматриваема, как своего рода официоз нашей оппозиции.

Тов. Зиновьев ставит вопрос таким образом. Он говорит, что нужно различать две вещи, а именно: «1) обеспеченную возможность строить социализм—такая возможность строить социализм вполне, разумеется, может (!) мыслиться (!!) и в рамках одной страны и 2) окончательное построение и упрочение социализма...» [1]).

Вот какова постановка вопроса. Тов. Зиновьев в первую очередь ссылается на цитату из Ленина. На X с'езде Ленин говорил, что об окончательном успехе социалистической революции в России речь может итти «лишь при двух условиях»: 1) при условии поддержки со стороны революции в передовых странах и 2) при соглашении с большинством крестьянства.

[1]) Г. Зиновьев. «Ленинизм». ГИЗ. Ленинград. 1926, стр. 265.

Тов. Зиновьев приводит далее целый ряд цитат из Ленина, цитат, где Ленин утверждает, что «окончательная победа социализма в одной стране невозможна».

Нет никакого сомнения в том, что у Ленина можно найти чрезвычайно много цитат, которые следует обобщенно формулировать, как положение о невозможности окончательной победы социализма в одной и, именно, нашей стране; эта формулировка, в том ее понимании, которое противопоставляется нами зиновьевскому пониманию (о чем ниже), абсолютно правильна.

Прежде, чем перейти к ее толкованию, нужно, однако, сказать, что цитатам, приводимым Зиновьевым, можно противопоставить ряд других цитат, в том числе и таких, которые приводятся точно так же и в книге т. Зиновьева. Мы приведем три следующих цитаты, которые, формально-логически рассуждая, как будто бы противоречат тому тезису, на который в первую очередь опирается т. Зиновьев. А именно, у самого же т. Зиновьева, на странице 269 его книги, в связи с цитатой из Ленина о законе неравномерности капиталистического развития, приведено следующее рассуждение:

«Победивший пролетариат этой (вступившей на путь революции. *Н. Б.*) страны, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, встал бы против остального капиталистического мира, привлекая к себе угнетенные классы других стран, поднимая в них восстание против капиталистов, выступая в случае необходимости даже с военной силой против эксплоататорских классов и их государств».

Самое интересное в этой цитате, это мысль Ленина, что пролетариат не только победит, но и организует у себя социалистическое производство. Значит, здесь т. Ленин говорит о возможности организации социалистического производства, т.-е., если перевести это с иностранного на русский язык— о возможности построения социализма в одной стране.

Приведем другую цитату из статьи «О кооперации». Здесь т. Ленин пишет, что у нас есть «все необходимое для построения полного социалистического общества» [1]). И дальше: «это еще не построение социалистического общества, но это все необходимое и достаточное для этого построения» [2]). Итак, не подлежит сомнению, что т. Ленин безусловно считает возможным построение полного социалистического общества, т.-е. он считает возможным не только попытки строительства но и построение социализма. Мы строим социализм и можем его достроить, потому что мы имеем «все необходимое и достаточное» для этого. Теперь попробуем сопоставить все, что говорится в этих цитатах. Итак, с одной стороны, говорится, что окончательная победа социализма в одной нашей стране невозможна, с другой—что мы можем организовать социалистическое производство и что мы имеем все необходимые

[1]) Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 140.
[2]) Ibidem.

условия для достижения полностью нового социалистического общественного строя. Как же примирить эти, повидимому, противоречивые утверждения? И есть ли здесь противоречие у самого Ленина? Не стоял ли он в одном случае на одной точке зрения, в другом—на другой? Или здесь скрывается нечто, чего как раз и не понимает наша оппозиция? Если посмотреть на все выступления товарищей из оппозиции, всюду увидишь стремление опереться на первый ряд цитат,—они якобы подтверждают «теорию» оппозиции. Но те же самые оппозиционеры скрывают, не подвергая анализу, другую серию цитат, которую выдвигают против них сторонники Центрального Комитета. Где же найти ключ для разрешения всего этого? Этот ключ нужно искать у самого Ленина, и его можно найти чрезвычайно легко, если внимательно присмотреться к высказываниям Ленина, особенно к высказываниям, содержащимся в последних работах Ленина. Нам думается, этот ключ для решения задачи можно найти в следующей цитате, взятой из той же статьи «О кооперации».

Ленин пишет здесь: «Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе» [1]).

Эта самая цитата и говорит о том, как нужно толковать ряд положений Ленина относительно того, что окончательная победа социализма в одной стране (в нашей стране. *Н. Б.*) невозможна. Его мысль сводится к следующему. Если мы будем исходить из сочетания сил внутри нашей страны, то, несмотря на отсталость нашей страны, несмотря на огромные трудности, определяемые этой отсталостью, мы имеем все необходимое и все достаточное для построения социализма, мы можем строить и можем построить социалистическое общество. Эта ленинская позиция есть позиция, совершенно противоположная позиции социал-демократов; это есть позиция, совершенно отличная от позиции т. Троцкого; это есть позиция, в корне иная, чем позиция тех «оттенков», «течений» и «групп», которые считают, что (так как у нас огромное большинство населения составляет крестьянство) при таком сочетании общественных сил мы неизбежно осуждены на гибель или вырождение. Это есть отрицание такой позиции по всему фронту. Тезис Владимира Ильича относительно возможности построить полный социализм есть в то же время ответ на вопрос о характере русской революции. Это есть ответ на вопрос о том, можно ли, или нельзя, по внутренним причинам, строить и построить социализм, и ответ этот есть ответ положительный. Но этот ответ еще не весь ответ: рядом с этим Владимир Ильич говорит: но ведь мы не живем одни на белом свете; кроме внутреннего сочетания сил в нашей стране, есть еще международная обстановка; эта обстановка чревата разными опасностями; она грозит целым рядом этих опасностей: войн, интервенций, блокад и т. д.; она связана с международным нашим долгом развивать международную революцию дальше. У нас нет поэтому в кармане гарантии, что в действительности мы достроим без помощи западно-европейского пролетариата социализм, что мы доведем революцию до конца, т. е. дойдем до полного социалистического общества. Итак, когда Ленин говорит о том, что окончательная победа социализма невозможна в одной стране, он этим хочет сказать: не позабывайте, что у вас есть еще международное окружение; не скулите по поводу того, что не можете строить социализма благодаря нашей технико-экономической отсталости, ибо все же у нас есть все для построения социализма; но не позабывайте, что вы не живете одни на свете, не позабывайте, что вы находитесь в международном окружении, что с этой стороны против вас расположены огромные силы международного капитализма. Именно эта мысль и выражена в той цитате, которую мы привели, мысль, которую приводит бесконечное количество раз т. Зиновьев в разных вариантах. Если просмотреть все выдержки из Ленина (в том числе и приводимые тов. Зиновьевым в его «Ленинизме») против «окончательной победы социализма в одной стране», то можно без труда увидеть, что речь идет именно о внешних опасностях. Между тем тов. Зиновьев запутывает вопрос, смешивая в одну кучу внутренние и внешние опасности. В этом отношении чрезвычайно любопытно следующее. На стр. 278 своей работы тов. Зиновьев пишет:

«Никто, надеемся, не упрекнет в пессимизме такую книгу, как «Азбука Коммунизма». Эта книга писалась тогда, когда революция наша шла триумфальным шагом от победы к победе. В ней мы читаем:

«Коммунистическая революция может победить только, как мировая революция... При таком положении, когда рабочие победили только в одной стране, очень затруднено экономическое (везде курсив подлинника) строительство, организация хозяйства... Если для победы коммунизма необходима победа мировой революции и взаимная поддержка рабочими друг друга, то это значит, что необходимым условием победы является интернациональная (международная) солидарность рабочего класса».

Это не «пессимизм», это—просто—азбука коммунизма (без кавычек).

Таким образом, тов. Зиновьев в простоте душевной полагает, что он может прикрыться азбукой коммунизма. Увы! В действительности эта азбука (равно как и «Азбука») говорят целиком против него.

Прежде всего посмотрим, где тов. Зиновьев поставил многоточие. Он его поставил два раза. Заглянем, что же стоит в «Азбуке» на этих местах? А вот что. Вслед за положением, что коммунистическая революция может победить, лишь как мировая революция, идет следующее выпущенное тов. Зиновьевым место:

«Если бы получилось так, что в одной какой-нибудь стране рабочий класс стал у власти, а в других странах он был не за страх, а за совесть предан капиталу, то в конце концов эту страну крупные разбойничьи государства задушили бы. В 1917, 1918 и 1919 гг. все державы душили Советскую Россию; в 1919 г. они задушили советскую Венгрию. Но задушить Советскую Россию они не могли потому, что внутреннее положение у самих великих держав было такое, что приходилось думать, как бы не слететь самим под напором собственных рабочих, которые требо-

[1]) Ленин, Собр. соч. т. XVIII, ч. 2, стр. 144—145, курсив наш.

вали вывода войск из России. Значит во-первых, самое существование пролетарской диктатуры в одной стране поставлено под угрозу, если нет поддержки от рабочих других стран. Во-вторых (далее следует приведенное Зиновьевым место о затруднительности—а не о невозможности, т. Зиновьев!—экономического строительства).

За сим второй пропуск у Зиновьева. Восстанавливаем и это место. Оно об'ясняет причину затруднений: «Такая страна,—читаем мы в «Азбуке»,—ничего или почти ничего не получает из-за границы: ее блокируют со всех сторон».

Недурно цитирует т. Зиновьев! Удачно ставит многоточия, как раз там, где это ему нужно, где это идет на потребу оппозиции! Дополним азбучные цитаты еще одной. В § 45 «Азбуки» идет речь о мелкобуржуазном характере страны, о собственнических инстинктах крестьянства, об остатках этих инстинктов даже у части рабочих. Какой вывод делает «Азбука»? 1) Дело строительства коммунизма в России «есть дело величайшей трудности»; 2) различные помехи внутреннего характера «затрудняют осуществление наших задач, отнюдь, однако, не делая невозможным такое осуществление». Это совсем, совсем не по Зиновьеву. Это—по Ленину.

Итак, т. Зиновьев превратно толкует Ленина, и уж совершенно зря ссылается на азбуку коммунизма. Напрасно т. Зиновьев запутывает вопрос. Было бы бессмысленным вести спор о том, есть ли у нас гарантия построения социализма при любом возможном международном положении, при наличии, скажем, интервенции со стороны капиталистических стран. Ясно, что единственной гарантией от внешних опасностей является международная революция.

По этому вопросу у нас нет никакого спора. Не об этом идет спор, не здесь пролегает та линия, которая отграничивает систему взглядов нашего Центрального Комитета от той системы взглядов, которую защищает оппозиция. Спор идет о том, сможем ли мы строить социализм и построить его, если мы отвлекаемся от международных дел, т.-е. спор идет о характере нашей революции. Можем ли мы сказать вместе с Лениным, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не наши международные обязанности и т. д.? Или наша отсталость обязательно должна потянуть нас на дно? Так стоит вопрос. Что дело обстоит именно так, об этом свидетельствует история расхождений с теперешней оппозицией. Впервые разногласия наметились у нас по этому вопросу на одном из заседаний Политбюро, где т. Каменев, а отчасти и т. Зиновьев, сказали, что нам не одолеть задачи строительства социализма, потому что у нас технико-экономическая база отсталая [1]). Об этом мы говорили и на XIV с'езде. Следовательно, вопрос не стоит так просто, как это представляется

[1]) Теперь и тов. Смилга петушком бежит за т. Каменевым, считая за „центральный пункт марксизма и ленинизма" положение, что „в одной технически отсталой стране социализм построить невозможно". Тов. Смилга делает ударение именно на отсталости и из этой отсталости заключает к невозможности построения социализма. Речь идет не о трудности, а именно о невозможности. Воистину—„ленинизм"! (см стеногр. отчеты о прениях в Комакадемии; см. также статью тов. Слепкова, «Противоречия в экономической платформе оппозиции». „Правда", № 232).

с первого взгляда, и мы обязаны различать его правильную постановку от неправильной. Можно, конечно, спросить: почему необходимы такие тонкости, для чего нам нужно, с одной стороны, ставить вопрос относительно возможности борьбы с капиталистическим миром, с капиталистическими интервенциями, войнами и т. д., а с другой стороны, от этого вопроса отделять вопрос о внутреннем сочетании наших сил, когда в действительной жизни одно и другое марширует вместе и реально одно от другого неотделимо? В ответ на это следует привести ряд очень веских и очень убедительных аргументов. В самом деле, если нам предстоит пережить известную полосу мирного развития, скажем, в течение нескольких лет, то при такой постановке вопроса, которая говорит, что мы не можем построить социализм в нашей стране в силу нашей технико-экономической отсталости, в силу того, что у нас крестьянство слишком велико, мы неизбежно должны двигаться весь этот мирный промежуток времени на оси перерождения. Если ответить отрицательно на вопрос, который положительно решался Лениным, когда он анализировал внутренние силы нашего развития,—то тем самым нужно брать под сомнение все решительно: социалистический характер наших государственных предприятий; социалистический характер нашей диктатуры, социалистический характер динамики нашего экономического развития и социалистический характер динамики нашего государства. Ибо, если мы отрицательно отвечаем на вопрос о возможности построить социализм в виду внутреннего сочетания классовых сил в нашей стране, то развитие производительных сил в нашей стране обязательно будет совпадать с таким его развитием, которое в большей или меньшей степени, дает перевес капиталистическим элементам. Это будет «обеспечивать» такой характер развития, который наверняка будет перемещать центр тяжести в сторону крестьянства против рабочего класса. Это будет сопровождаться обязательно такой перегруппировкой людей в системе нашего государственного аппарата, при которой можно выйти на трибуну и сказать, что сверху мы превращаемся в бюрократию, отрывающуюся от рабочей массы, а нижние этажи нашего государственного аппарата затопляются кулацкими элементами. Т.-е. вся «позиция оппозиции», которая намечается теперь, позиция, которая атакует партию по линии доказательства нашего перерождения, вытекает из того, что товарищи подвергают сомнению те места из Ленина, где он прямо говорит, что у нас есть все необходимое и достаточное для построения социалистического общества.

Из этого же расчленения вопроса вытекает и действительно революционно-марксистская, действительно интернациональная постановка вопроса.

Если люди говорят о международной революции при каждом удобном и неудобном случае, то не всегда это выражает максимум революционности. Может быть такая постановка вопроса о международности революции, которая прямо противоречит революционной точке зрения. Вот, например, у того же Либера есть одно очень ехидное место, которое поясняет, чем отличается пролетарская революция от буржуазной. Перечисляя особые черты пролетарской революции, г. Либер пишет: «Наконец,

еще одна характерная черта социалистической революции—это ее международный характер (подумайте только, «международный характер»! *Н. Б.*). Социалистический строй приходит на смену капитализму. Отличительной чертой капиталистического строя является то, что он создает мировое хозяйство... Поэтому немыслимо представить себе осуществление социализма в одной какой-нибудь части этого хозяйства без того, чтобы все мировое хозяйство не было задето. Социалистическая революция мыслима лишь, как революция международная, и, следовательно, она предполагает известное состояние не только в одной, двух, трех, четырех, пяти странах, в большинстве промышленно-развитых стран, ибо иначе произошло бы неизбежное столкновение между теми странами, которые не подготовлены к социализму и теми, которые уже созрели для этого».

Ясно, какая здесь международность и как она здесь обосновывается. Вот она: «не делай революции, не строй социализма, ибо придешь в столкновение с другими странами». Революция международная здесь представляется, как известный однократный акт; будто бы сразу пролетариаты всех стран выходят на историческую арену и кричат: «Да здравствует революция!» и в два счета социализм подается им на блюде. Практически-политический смысл такого заклинания мировой революции заключается в морали: «не иди вперед, не совершай революции в одной стране, потому что ты все равно не победишь», или, переводя на более современный язык: «куда тебе одному в городе Глупове, на одной улице дерзать построить социализм. Зачем ты стоишь на такой национально-ограниченной точке зрения?» «Начнешь революцию в одной стране, перестанешь быть настоящим интернационалистом»,—поучает нас Либер.

Такой «интернационализм»—оборотная сторона социал-предательства.

Еще раз повторяем. Спор идет о внутренних силах, а не об опасностях, связанных с заграницей. Спор идет, следовательно, о характере нашей революции.

Когда мы говорим о построении социализма в одной стране, мы под этой «одной страной» имеет в виду именно нашу страну. Мы не можем сказать, что в любой стране может быть построен социализм. Если бы, скажем, перед нами была какая-нибудь совершенно отсталая страна, без того минимума материальных предпосылок строительства социализма, которые есть у нас, то мы наших выводов сделать бы не могли. Значит, речь идет относительно нашей страны, со всеми ее характерными особенностями, с ее техникой, экономикой, с ее социально-классовыми соотношениями, с ее пролетариатом, с ее крестьянством, с определенным соотношением между этим пролетариатом и крестьянством. Так нужно ставить вопрос и в такой постановке вопрос о возможности построения социализма в нашей стране—это и есть вопрос о характере нашей революции. Раз наша революция предполагает все же такое соотношение, при котором строительство социализма возможно, раз мы имеем «все необходимое и достаточное» для построения социализма, то, стало быть, в самом процессе этого социалистического строительства нигде нет такого момента, начиная от которого это строительство стало бы невозможным. Если мы имеем вну-

три нашей страны такое сочетание сил, что по отношению к каждому прошлому году идем с перевесом социалистического сектора нашего хозяйства, и обобществленные секторы нашего хозяйства растут быстрее, чем частнокапиталистические, то в каждый будущий год мы выступаем с перевесом сил. Если рассчитывать «в среднем», отвлекаясь от целого ряда возможных зигзагов и всяких случайностей, которые взаимно уравновешиваются, то в общем мы будем иметь восходящую линию развития. Совершенно непонятно, откуда может изнутри страны вылезти такая сила, которая сделает невозможным дальнейшее социалистическое строительство. Но так как реально жизнь протекает не на одной территории Советского Союза, так как пролетарская диктатура не находится на некоем изолированном острове, а занимает одну шестую часть света, находясь в окружении капиталистических пяти шестых, то возникает целый ряд опасностей международного характера. Если поставить вопрос, есть ли абсолютная гарантия против возможных интервенций, то должно сказать, что такой гарантии у нас нет. А так как в реальной жизни все находится во взаимной связи, одно влияет на другое, то, конечно, прав Ленин, когда он говорит, что окончательная победа социализма в одной нашей стране в условиях капиталистического окружения невозможна. Но когда тов. Зиновьев, Каменев, Смигла и др. эту мысль «сводят» к тому, что невозможно дойти до полного социалистического общества из-за нашей технической отсталости, то это будет неправильно и против этого нужно изо всех сил бороться. Против такого толкования нужно бороться именно потому, что иначе нельзя защищать ту линию, которая была намечена у т. Ленина. Всякие смешки насчет социализма «на одной улице», «в Пошехонье», в «Глупове», должны претить настоящему революционеру. Люди думают, что эти гнилые шутки весьма остроумны. А не соображают, что они просто жалки, ибо повторяют остроты Каутского о «социализме в Туркестане», остроты Гильфердинга о «социализме Бухарских мулл» и т. д. Это вздор, будто под этими социал-демократическими шутками скрывается революционный интернационализм. Здесь налицо простое дезертирство с поста в тот момент, когда трудно.

Сейчас на нас нахлынули новые трудности, связанные с нашей технико-экономической отсталостью, связанные с тем, что мы должны выискивать средства для наших капитальных затрат, связанные, наконец, с темпом развития, более медленным, чем тот темп, который был бы возможен при победоносной пролетарской революции в Европе. Конечно, эта победоносная революция радикально изменила бы положение вещей; темп индустриализации нашей страны через определенный промежуток времени чрезвычайно ускорился бы; мы должны были бы иначе реорганизовать наши производительные силы; мы должны были бы по-другому «районировать» и «планировать»; мы получили бы другое соотношение между городом и деревней; мы гораздо быстрее смогли бы вовлекать в орбиту влияния индустрии наше отсталое земледелие. В общем, темп получился бы гораздо более быстрый. Сейчас мы идем гораздо более медленным темпом. Но этот сравнительно (сравнительно с темпом об'единенного социалистического европейского хозяйства) медленный темп не есть отрицание возможности построить социализм в нашей стра-

не. Этот темп выражает лишь относительно огромную трудность нашей строительной работы.

Так нужно решать вопрос относительно возможности построения социализма в одной стране. Для того, чтобы привести этот вопрос в связь с некоторыми еще более общими вопросами, мы позволим себе напомнить вот о чем. Еще в полемике 1923 г. мы говорили: если тов. Троцкий прав, и наша страна без государственной помощи западно-европейского пролетариата не в состоянии будет сохранить пролетарскую диктатуру, из-за столкновений с крестьянством, то это обязывает к очень большим выводам. Ведь, если мы распространим пролетарскую революцию на весь мир, то мы получим, примерно, такое же соотношение между пролетариатом и крестьянством, какое мы имеем в Советском Союзе. Ибо, когда пролетариат возьмет власть в Англии, то ему придется иметь дело с Индией и др. бывшими английскими колониями. Если пролетариат возьмет власть во Франции, ему придется иметь дело с Африкой. Если пролетариат возьмет власть во всем мире, ему придется иметь дело со всеми другими крестьянскими странами. Мировому пролетариату придется решать проблему, как ужиться с мировым крестьянством. А если здесь имеется такое же, примерно, соотношение, как и в Советском Союзе, то, сделав соответствующие выводы из теории неизбежной гибели без помощи извне, volens-nolens придешь к куновской постановке вопроса, которая гласит, что мир «не дозрел» до социалистического переворота. Имеется колоссальное количество крестьян, которые—по Троцкому—«неизбежно» придут в конфликт с пролетариатом. Так как в одном Китае их имеется четыреста миллионов, то «неизбежно» революция обречена на гибель: ведь, «государственной помощи» извне получить будет совершенно неоткуда. Вот куда ведет теория оппозиции. Если таких выводов не делают, то это происходит только потому, что не додумывают вопроса до конца, останавливаются на полдороге: когда говорят об Англии, то видят Лондон, Манчестер и забывают о других частях света, которые в настоящее время привязаны к Англии, с полупрезрением проходят мимо колоссального количества колониальных и полуколониальных народов, и этим проявляют свой рафинированный «европейский» «марксизм».

Таким же образом выясняется, что вопрос относительно характера нашей революции, ее движущих сил и проч. имеет глубочайшее практическое мировое значение.

Итоги всего сказанного могут быть формулированы следующим образом:

Идейными истоками оппозиции являются, несомненно, социал-демократические тенденции. Это, конечно, не следует понимать грубо и упрощенно. Вожди оппозиции, конечно, не меньшевики; но тенденции, которые растут в сторону меньшевизма, у них есть. Они подают «пальчик» меньшевистскому чорту,—это не подлежит решительно никакому сомнению. Из их идейной установки вытекает какая-то неисправимая потребность пророчествовать о нашей гибели. Предрекала эту гибель, как известно, в октябрьские дни группа Каменева—Зиновьева—Шляпникова—составная часть оппозиционного блока. За это их позиция была названа Лениным «крикливым пессимизмом». Предрекали эту гибель весною 1921 года (особенно тов. Троцкий).

Предрекали эту гибель осенью 1923 года (известная декларация «46-ти»). Предрекают эту гибель теперь, выступая сомкнутыми рядами против партии. Все эти «пророчества», которые последовательно терпят крах за крахом, упираются в неверную теорию, которая, по сути дела, есть теория, отрицающая объективно-социалистический характер нашей революции.

В. Костржева.

К роли мелкой буржуазии в революции.

Ошибка польской коммунистической партии в дни переворота Пилсудского вытекала из неправильной оценки роли мелкой буржуазии. Послевоенная эпоха принесла с собою почти во всех капиталистических странах рост активности мелкобуржуазных слоев—явление, которое должно было получить особенно яркое выражение в странах сильной мелкобуржуазной прослойки, как Италия, Франция или Польша, но которое в определенные моменты выступало резко наружу и в странах высшего капиталистического развития, как например, Германия. Поэтому-то ошибки, допущенные в этой области польской партией, отнюдь не лишены и более общего значения.

Точкой отправления ориентации довольно значительной группы внутри польской партии была оценка переворота, совершенного Пилсудским, как «мелкобуржуазного переворота». Эта огульная предпосылка уже прямым путем вела к выводу, согласно которому все мероприятия Пилсудского при всей его непоследовательности были в принципе направлены против имущих классов, из чего, в свою очередь, следовало заключить, что и в дальнейшем Пилсудский будет вынужден в борьбе с капиталистическими классами еще неоднократно апеллировать к массам. На перспективе этих конфликтов партия и должна бы строить свою тактику. Тов. Зиновьев в одном из своих недавних выступлений пошел еще дальше, считая возможным охарактеризовать переворот Пилсудского, как «классический мелкобуржуазный переворот».

Мы думаем, что этого оперирования эпитетом «мелкобуржуазности» и слишком мало, и слишком много для надлежащей исчерпывающей оценки интересующего нас явления. А тем более формула: «классический» мелкобуржуазный переворот! Она предполагала бы существование какого-то исторического прообраза. Между тем, весь исторический опыт показывает, что мелкая буржуазия представляет собой самый шаткий и переменчивый социальный фактор, который на разных ступенях социального развития выступает в иной роли. В «18 Брюмера» Маркс говорит:

«Мелкая буржуазия есть составная часть всех назревающих революций».

Но тактическая трудность сводится именно к тому, чтобы в каждый данный момент правильно оценить удельный вес этой составной части, чтобы ясно видеть те изменения, каким оно подвержено в зависимости от разных моментов борьбы. Ибо мелкая буржуазия предстает

перед нами каждый раз в другом виде: подвижная и изменчивая, как волна, она то приплывает к берегам революции, то бежит от них, и зачастую бывает трудно предвидеть, куда эту волну погонит вихрь истории...

I

Если проследить выступления мелкой буржуазии в длинной веренице десятилетий, то легко убедиться в том, как изменчив был характер этих выступлений в зависимости от ступеней капиталистического развития. В эпоху Великой французской революции (как и в эпоху английской революции XVII столетия) мелкая буржуазия в своих низовых слоях является вместе со слабым еще, преимущественно ремесленным пролетариатом, наиболее радикальным, наиболее революционным фактором,—фактором самой непримиримой борьбы с абсолютной монархией и феодализмом. И в более позднюю эпоху сильный антагонизм мелкой буржуазии по отношению к крупной является еще плодом тех отношений, которые создаются в период раннего капитализма и первоначального накопления. Капитализм развивался и укреплялся прежде всего путем разорения мелких производителей, пожирания ремесла, оттеснения домашних крестьянских промыслов, служивших основою равновесия и независимости крестьянского хозяйства. Жестокая экспроприация широких народных масс, лишавшая их земли и орудий труда—этот пролог истории капитала, писанный кровью и железом и изображенный Марксом в I томе «Капитала»—наложила свое клеймо на отношения между мелкой и крупной буржуазией, как они сложились в первой половине минувшего столетия.

Беспощадные налоги, какими облагались крестьяне, неслыханная задолженность мелкой земельной собственности, убийственная конкуренция капиталистической промышленности с мелким ремеслом,—все это создавало фон, на котором развертывался острый антагонизм между мелкой буржуазией и капиталом. Антагонизм этот находит свое выражение в боях 1848 и следующих годов. Правда, мелкая буржуазия, запуганная требованиями и методами борьбы рабочего класса, предает пролетариат в июньские дни в Париже. И все же она еще выступает к концу этой половины столетия, в общем и целом, как класс, обладающий несомненной революционной инициативой. Пролетариат еще слаб, и в начале революции 48 года, по словам Маркса, он является еще только «придатком к официальной буржуазной демократии».

В последующий исторический период роль рабочего класса уже должна была измениться. Июньские парижские бои открыли величайшую тайну всех последующих революций XIX столетия (Маркс): основным их содержанием должна была стать борьба пролетариата за власть. Но в ожидании нового и скорого революционного кризиса, который был бы отправной точкой для пролетарской революции, Маркс предполагал, что все же и при новой революции первой выступит на сцену борющаяся за власть и за осуществление своей классовой программы мелкая буржуазия, и что только в обстановке той дезорганизации, какая будет вызвана этим бунтом мелкой буржуазии против капиталистических классов, наступит процесс быстрого революционно-социалистического созревания рабочего класса. Завоевание

власти мелкой буржуазией должно было служить прологом к пролетарской революции.

И на этом новом этапе развития, каким он рисовался в воображении Маркса и Энгельса, мелкой буржуазии суждено было выступить в двойной роли: зачинщика, а затем и неизбежного предателя революции. Мелкобуржуазная демократия должна была дать первый импульс революции и впоследствии сделать все, чтобы ее погубить. Эта двойственная роль являлась естественным последствием всей ее роли в хозяйственном механизме капиталистического общества. Класс без будущего, втиснутый между пролетариатом и крупной буржуазией, размалываемый жерновами истории, неизбежно выдвигает как свой идеал приостановку движения этого колеса, торможение исторического процесса. Мелкобуржуазную идеологию и характеризует именно то, что она не выходит за узкие горизонты мелкобуржуазного быта, за пределы утопического идеала приостановки колеса истории, смягчения противоречий, неизбежно порождаемых капиталистическим развитием. Поэтому-то на другой день после победы оно и ставит своей целью не «революционное преобразование мира», а, как выразился Маркс в «Классовой борьбе во Франции», «свое собственное приспособление к условиям буржуазного строя». Завоевав власть, она не употребит ее на то, «чтобы одновременно уничтожить обе враждебные друг другу силы, капиталистов и пролетариат, но пытается смягчить существующие между ними противоречия», всем своим боевым фронтом поворачиваясь против революционного пролетарского авангарда, стремящегося к уничтожению самого источника эксплоатации и угнетения. Революционная, пока она борется за власть, мелкобуржуазная демократия превращается в контрреволюционный фактор с момента завоевания власти. Вчерашний союзник пролетариата, она превращается в его врага, и это неизбежное превращение налагает на нее своеобразное клеймо.

Говоря о мелкой буржуазии, Маркс имеет все время в виду не только городскую мелкую буржуазию всякого рода, но и крестьянскую массу; но эта бесформенная крестьянская масса видна только на втором плане этой картины, и, как наиболее выпуклая фигура в этой теории превращения мелкой буржуазии, красуется прежде всего в качестве руководящей политической силы городская мелкобуржуазная демократия.

Сообразно этому двуликому характеру мелкобуржуазной демократии, как она рисовалась Марксу и Энгельсу в половине минувшего столетия—тактика пролетариата должна обладать чрезвычайной гибкостью и подвижностью. Заключая союз с мелкобуржуазно-революционными силами, рабочий класс должен одновременно подготовлять линию будущего наступления, он должен в решающий момент мгновенно перестроить фронт борьбы в предвидении, что эта перемена фронта произойдет со стороны мелкой буржуазии против него. Ожидая в самом начале 50-х годов возрождения революции, Маркс в знаменитом «Обращении Центрального Комитета к союзу коммунистов» освещает мощным рефлектором своего гения весь этот лежащий перед пролетариатом сложный путь. Напомним здесь вкратце содержание этого несравненного документа пролетарской тактики и стратегии, во-первых, для того, чтобы показать, как уже тогда—целых ¾ столетия назад и спустя полвека после Великой французской революции—Маркс критически оценивал роль мелкой буржуазии в революции, во-вторых, для того, чтобы осознать, **как теперь многое изменилось по сравнению с этой эпохой половины минувшего столетия.**

В 1850 году Маркс еще представляет себе, что на первой стадии развивающейся революции мелкая буржуазия выполнит еще подлинно-революционную миссию, в борьбе за осуществление своей собственной классовой программы, завоевывая власть в непосредственно-вооруженном бою против капиталистических классов. Радикальная мелкобуржуазная демократия, которая в XVII и XVIII столетиях еще представляла собой крайний революционный фланг, в эту более позднюю историческую эпоху уже превращается в активный фактор контрреволюции—с того момента, когда она уже укрепила свою власть, и неизбежно поворачивается против рабочего класса, отныне выступающего на историческую сцену, как великая и самостоятельная сила, борющаяся за непосредственную реализацию своей собственной классовой программы, за реализацию социализма. Это, так сказать, **второй главный этап** в историческом развитии мелкой буржуазии, рассматриваемой под углом зрения ее роли в революции. В этой обстановке Маркс и Энгельс, приблизительно следующим образом формулируют ту гибкую тактику, которая им представляется необходимой для пролетарского авангарда:

1) Революционная рабочая партия должна бороться совместно с мелкобуржуазной демократией в период ее борьбы за власть и повернуться фронтом против нее с момента, когда власть окажется в руках мелкой буржуазии;

2) Ни в одной стадии борьбы пролетариат не может пойти на образование совместно с мелкобуржуазными демократами общей оппозиционной партии,—наоборот, рабочие

> «...должны направлять свою деятельность к тому, чтобы на ряду с официальными демократами восстановить тайную и явную организацию рабочей партии и превратить каждую общину в центральный пункт и ядро рабочих союзов, в которых будут обсуждаться положение и интересы пролетариата независимо от буржуазных влияний».

3) Какие бы то ни было особые об'единения также излишни и в процессе борьбы против общего врага:

> «На случай борьбы против общего врага не нужно никакого особого об'единения. Как только является необходимость прямой борьбы с таким противником, интересы обеих партий на этот момент совпадают, и как до сих пор, так же и на будущее время это на данное мгновение рассчитанное об'единение будет устанавливаться само собой».

4) Рабочий класс должен ожидать измены со стороны своего временного союзника:

> «...в этой борьбе мелкие буржуа в массе будут держаться как можно долее медлительно, нерешительно и пассивно, чтобы затем, когда победа будет решена, захватить ее в свои руки, призвать рабочих к спокойствию и к возвращению к своему труду, предупредить так наз. эксцессы и лишить пролетариат плодов победы».

5) После завоевания власти демократами рабочие должны потребовать для себя гарантий и

«...с первого мгновения победы недоверие должно направляться уже не против побежденной реакционной партии, но против прежних союзников, против партии, которая только в своих интересах стремится использовать общую победу.

6) Однако,

«чтобы быть в состоянии энергично и грозно выступить против этой партии, измена которой начнется с первого же часа победы, рабочие должны быть вооружены и организованы. Вооружение всего пролетариата ружьями, орудиями и боевыми припасами должно быть немедленно произведено..., рабочие должны попытаться самостоятельно организоваться в пролетарскую гвардию и вступить под командование учрежденных рабочими революционных выборных советов... Уничтожение влияния буржуазных демократов на рабочих, немедленная самостоятельная и вооруженная организация рабочих и установление, по возможности, наиболее затруднительных и компрометирующих условий для временного неизбежного господства демократии,—вот главные пункты, которые пролетариат должен иметь в виду во время и после предстоящего восстания».

Одним словом, максимум недоверия по отношению к мелкобуржуазному союзнику, максимум усилий с целью подготовки будущей борьбы с ним, максимум гибкости, требуемой быстрой переменой фронта,—вот указания для революционной рабочей партии в период, когда пролетариат не может еще сразу выдвинуться во главу революционных событий и когда первая скрипка революции находится в руках мелкой буржуазии.

Эта фаза революции уже бесповоротно прошла для стран развитого капитализма.

II

Как известно, предположения Маркса и Энгельса насчет близкого возобновления революции не оправдались. Капитализм, как показала впоследствии история, имел еще в то время перед собою продолжительную эпоху развития и расцвета, в течение которого отношение мелкой буржуазии к крупному капиталу должно было подвергнуться дальнейшему изменению. Невиданный расцвет производительных сил, который сам по себе обозначал целую революцию в мировых отношениях, индустриализация целого ряда новых крупных стран, постепенное возникновение мирового рынка—весь этот громадный процесс, завершенный периодом империалистического развития и более или менее окончательным разделом колониальных материков, открыл перед мелкой буржуазией в известном смысле новые перспективы, призвал к жизни новые мелкобуржуазные слои, явившиеся скорее плодом этого новейшего капиталистического развития, нежели его жертвами. Весь этот процесс привел к необычайной зависимости мелкобуржуазной массы от крупного капитала, приковал эту массу к его колеснице, породил в ней сознание фатальной солидарности ее интересов с интересами капиталистической буржуазии. Прежний острый исторический антагонизм мелкой буржуазии по отношению к крупному капиталу превратился в простое, не особенно грозное, фрондирование. В течение целой длительной эпохи, предшествовавшей мировой войне, мелкая буржуазия была союзником буржуазии против пролетариата. Грубо формулируя, можно бы сказать, что в эту эпоху расцвета капитализма, постепенно подымающегося до его высших империалистических форм, мелкобуржуазная демократическая стихия вступает в новую, третью фазу своего развития, в которой она существует уже только под сенью капиталистической буржуазии и перестает быть самостоятельным фактором революционного развития, революционной борьбы с безусловно господствующим капиталистическим классом.

Несмотря на это, Энгельс высмеивал тех, кто думал, что революция может «явиться в одну прекрасную ночь» без предварительных изменений временно затвердевшей системы классовых отношений. И в этот новейший период зрелого капитализма революция не сведется к единократному непосредственному штурму пролетариата, но будет, как это формулировал Энгельс, «длящимся целые годы процессом развития масс в ускоренном темпе движения». Она не начнется сразу с пятого акта, но откроется с первого, когда «все оппозиционные партии об'единяются против правительства и его ошибок и, таким образом, побеждают, и уже после этого, по очереди, одна за другой компрометируют себя и становятся невозможными... Для того, чтобы революция созрела для нас и мы для нее—необходимо, чтобы все промежуточные партии предварительно пришли к власти и оскандалились,—и только после этого придет очередь за нами» (Письмо к Бернштейну).

Иначе говоря, и в нашу эпоху в первой стадии революции,—думал Энгельс,—власть должна очутиться в руках мелкобуржуазных элементов, и только этот промежуточный этап поможет делу быстрого «завоевания масс для революционного социализма». Но весь вопрос в том, что мелкобуржуазные элементы уже будут иметь совершенно другой облик, нежели тот, который они могли бы иметь в половине минувшего столетия. Мелкобуржуазная демократия выступает здесь на сцену с первого момента в качестве «спасительницы общества от коммунистических рабочих» (Энгельс в написанном им в 1885 г. введении к «Кельнскому процессу коммунистов»). Пролетариат тут с первого момента является безусловно решающим фактором революции, мелкобуржуазные партии с первого ее дня относятся к нему с глубочайшим недоверием и боязнью и на его плечах возносятся к власти, благодаря панике, овладевающей привилегированными классами, которые в этой власти промежуточных элементов видят спасение от непосредственной угрозы социалистического переворота.

Энгельс всячески стремился уберечь социалистические партии того времени от утопических, упрощенных представлений о революционном процессе. В этом отношении особенно интересны его многочисленные письма к Бернштейну, писанные, как и введение к Кельнскому процессу, в начале 80-х годов [1]). Во всех рисуемых в этих письмах схемах промежуточные мелкобуржуаз-

[1]) См. в особенности письма от 2—3 ноября 1882 года, 12 июня 1883 г. и 27 августа 1883 г. в «Архиве Маркса и Энгельса», книга 1-ая.

ные группы помогают еще созданию некоего промежуточного этапа, в условиях которого и происходит ускоренное «завоевание масс для революционного социализма» усилиями авангардной пролетарской партии, но фатальное клеймо контрреволюционной роли с первого же момента и гораздо резче, чем раньше, красуется на мелкобуржуазной демократии. И одновременно с представлением об уменьшающейся самостоятельной политической роли мелкой буржуазии и о доминирующем значении рабочего класса, появляется мысль о руководящей роли пролетариата в отношении масс мелкой буржуазии, особенно деревенской и о революционном союзе с ними, но уже на новых основах, когда роль революционного авангарда становится уделом пролетариата. В письмах Кугельману Маркс говорит о «союзе английских рабочих с ирландской крестьянской беднотой». В «Гражданской войне во Франции» Маркс утверждает, что Коммуна имела все основания обратиться к крестьянам с лозунгом «в нашей победе—ваша надежда»—и показывает, каким образом можно было привлечь крестьян к революции и превратить их в союзников рабочего класса. Та же мысль в позднейшие годы неоднократно встречалась и у Энгельса.

Теперь мы уже можем точно уяснить себе, до какой степени неверно и извращенно ставилась вся проблема мелкой буржуазии старым Интернационалом как в лице Бернштейна, так равно и в лице Каутского.

Бернштейн, констатируя, что мелкая буржуазия перестала быть революционным классом, одновременно, как известно, утверждал, что революция с ее методами насилия устарела и как метод борьбы рабочего класса. Отсюда он заключал, что пролетариату необходимо отбросить старые революционные фразы, только мешающие ему в его практической работе и поставить перед собою совместно с мелкой буржуазией задачу ненасильственного свержения, а реформирования капитализма.

В отличие от Бернштейна, Каутский, как известно, формально не отвергал идею революции, содержанием которой должна была стать массовая экспроприация частных собственников в пользу общественного хозяйства. Но о том, каким образом должен совершиться этот колоссальный переворот, об этом всего менее можно было узнать у Каутского. И в то время, как мысль Маркса и Энгельса упорно возвращается именно к проблеме тактики пролетариата в эпоху революции,—Каутский не менее упорно избегает этой проблемы, фактически же, как доказывают даже такие его труды, как «Путь к власти», он не расстается с надеждой, что дело обойдется без ножа хирурга, без кесарева сечения и что все произойдет мирным путем, когда процесс массовой пролетаризации подвинется настолько вперед, что промежуточные слои уже не будут играть сколько-нибудь выдающейся роли. Исчезновение мелкобуржуазных масс, а не их активное участие в процессе революционной борьбы—вот каутскианская предпосылка завоевания власти пролетариатом. Социалистическая революция улетучивается здесь в какую то неопределенную туманную даль. Бернштейн хоронит ее торжественно и всенародно, Каутский же—мнимый защитник Маркса—погребает ее трусливо и исподтишка в ночном сумраке подобно тому, как это делает контрреволюция с революционными героями.

И крайне интересно и важно констатировать, что при этом идеологическом обескровлении революции решающую роль играет именно извращение марксовых и энгельсовых представлений о роли мелкобуржуазных слоев в период революции. Каутский упрямо доказывает, что ошибочные расчеты Маркса и Энгельса на близость социальной революции имели своим источником преувеличенные представления обоих основоположников научного социализма о той революционной роли, которую еще суждено сыграть мелкой буржуазии. Трудно представить себе более крупное недоразумение.

Уже из всего вышесказанного ясно, что Маркс и Энгельс чужды были каких бы то ни было иллюзий насчет самостоятельной революционной роли мелкой буржуазии в более поздние периоды капиталистического развития. Они нисколько не грешили в этой области оптимизмом. Но в то же время бесспорным фактом является то, что, во-первых, они отвергали упрощенное представление о революции, как о единократном и окончательном штурме пролетариата, идущего в бой в условиях полного классового одиночества; они, во-вторых, думали, что на промежуточных этапах революции партия мелкобуржуазной демократии, хотя и выступая с первого момента в качестве «спасительницы общества от коммунистических рабочих», все же косвенно помогает авангардной пролетарской партии в деле «завоевания масс для революционного социализма»; в-третьих,—и это всего важнее,—они были убеждены, что пролетариат, выступая в роли настоящего представителя и вождя всех угнетенных—но именно только в этом случае—отнюдь не очутится изолированным в борьбе, но, наоборот, увлечет за собою как значительные низовые слои городской мелкой буржуазии, так и в особенности крестьянства, и, наконец, трудящиеся массы угнетенных и эксплоатируемых народностей.

Извращая до основания эти представления Маркса и Энгельса о процессе революции, приписывая им мнимый оптимизм насчет той самостоятельной революционной роли, которую, якобы, еще способна была бы сыграть мелкая буржуазия, Каутский вынимает важнейшие кирпичи из здания марксовой революционной теории, подменяя ее мнимо-революционной теорией полной изоляции пролетариата, которая фактически обозначала собою отсрочку революции ad calendas graecas. И даже Роза Люксембург, первая в рядах старого Интернационала поднявшая знамя восстания против оппортунизма Каутского, не ведет наступления по этой линии. Теорию полной изоляции пролетариата в революционной борьбе разделяло все левое крыло II Интернационала, и учение это и поныне входит, как одна из существеннейших составных частей, в ультра-левую идеологию.

III.

Революционный марксизм во всей своей полноте и неисчерпаемом богатстве возродился только в большевизме. Только в большевистской теории выступили опять на сцену все живые социальные классы, как факторы, формирующие события, а не как безвольные об'екты механического процесса концентрации капитала. Крестьянство, как могучий фактор революции, пролетариат, как гегемон, ведущий за собой другие классы, вся

громадная подвижная система изменчивых классовых взаимоотношений, расслоение мелкой буржуазии на разные группы, их разная роль в разные моменты борьбы, шаткость всей мелкобуржуазной массы на каждой отдельной стадии, конкретный анализ динамических сил, приводящий в движение отдельные классы и слои,—вот неоценимое идеологическое наследие, оставленное нам Лениным.

В опубликованном недавно в V томе «Ленинского Сборника» отрывке, озаглавленном «Этапы, направление и перспективы революции» Ленин в следующих словах характеризует вероятный ход революции (отрывок относится к концу 1905 г.):

«1. Рабочее движение поднимает пролетариат сразу под руководством РСДРП и будит либеральную буржуазию: 1895—1901 гг.

2. Рабочее движение переходит в открытую революционную политическую борьбу и присоединяет политически проснувшиеся слои либеральной и радикальной буржуазии и мелкой буржуазии: 1901—2 и 1905 гг.

3. Рабочее движение разгорается в прямую революцию, при чем либеральная революция уже сплотилась в конституционно-демократическую партию и думает об остановке революции путем соглашения с царизмом, но радикальные элементы буржуазии и мелкой буржуазии склоняются к союзу с пролетариатом для продолжения революции 1905 года.

4. Рабочее движение побеждает в демократической революции при пассивном выжидании либералов и при активной поддержке крестьянства плюс радикальная республиканская интеллигенция и соответствующие слои мелкой буржуазии в городах. Восстание крестьян побеждает, власть помещиков сломана.

«Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

5. Либеральная буржуазия, выжидательная в третьем периоде, пассивная в четвертом, становится прямо контрреволюционной и организуется, чтобы отнять у пролетариата завоевания революции. Присоединяется к ней зажиточное крестьянство».

Шестой этап—это, по мнению Ленина, совместная с мировым пролетариатом борьба за социализм.

Если мы эту картину предполагаемого развития революции сравним с вышеупомянутым обращением Маркса и Энгельса к Союзу Коммунистов, то мы отчетливо увидим различия, отвечающие тем изменениям, которые наступили во взаимоотношениях классов в промежутке времени между появлением одного и другого документа. В схеме, зарисованной Лениным в конце 1905 года, рабочий класс с самого начала выступает в качестве инициатора, организатора, руководителя революции, гегемона, ведущего за собой другие классы, «будящего» и «присоединяющего» их. В качестве главной вспомогательной силы революции выступает крестьянство, слой, по природе своей менее способный к самостоятельным организованным выступлениям, чем городская мелкая буржуазия. В ленинской концепции отпадает совершенно промежуточный подготовительный период революции, когда власть переходит в руки мелкой буржуазии и пролетариат только готовится к наступлению, точно так же, как отпадает другой основной промежуточный этап, который пережила Западная Европа, — этап буржуазной революции, руководимый буржуазией. В этом и состоит секрет ленинского гения, что в революции видел Ленин, в отличие от меньшевиков, не простое повторение схем, которые когда-то были облечены историей в кровь и плоть, но учитывал все то новое, что должна была внести в эту схему новая историческая эпоха. 1917 г. в России, год молниеносно быстрого развития событий, принес с собой вместо чередования во времени явление параллельного переживания разных этапов революции, в былое время отделенных друг от друга годами и даже десятками лет. Буржуазная революция с властью в руках буржуазии, власть мелкой буржуазии, выступающей в буферной роли защитника от напора революционного пролетариата, революционная диктатура рабочих и крестьян, воплощенная в советах, существующих на ряду с временным правительством и выступающих вначале в форме параллельной власти, и, наконец, диктатура пролетариата,—все это переплавилось в колоссальном котле Российской революции в течение одного полугодия, отделившего Октябрь 1917 г. от февраля того же года.

IV.

В Центральной и Западной Европе события пошли другим путем. Именно потому, что пролетарской революции приходится здесь только попутно завершать дело прежних буржуазных революций, что она имеет здесь за собою долголетнюю эпоху революции сверху и реформистских традиций социалистических партий, у нее не хватило того взрывчатого материала, который в России в течение всего нескольких месяцев взорвал и уничтожил все здание буржуазного господства. В Западной и Центральной Европе оправдало себя в самом буквальном смысле гениальное пророчество Энгельса о характере первой фазы революции, когда мелкобуржуазная демократия приходит к власти в качестве «спасительницы общества от коммунистических рабочих». Мелкобуржуазная стихия в Германии, в Австрии, в Польше берет в свои руки власть в 1918 году не вопреки буржуазии, не в прямой вооруженной борьбе с ней, эта власть достается ей прежде всего и больше всего, как плод испуга и паники капиталистических классов и, в некотором смысле, с их благословения и согласия. Мелкобуржуазные партии не вырывают насильно власть из рук буржуазии, но занимают то пустое место, какое образовалось в результате распада старой власти.

История не оправдала другого предсказания Энгельса, которому думалось, что эра правления радикальной мелкой буржуазии окажется весьма недолговечной и, продержавшись не более года—двух, уступит место власти рабочего класса. События прошли иным путем прежде всего потому, что значительная часть пролетариата, воспитанная в реформистских традициях и измученная войной, изменила своей собственной программе, своим историческим целям и перешла на платформу мелкой буржуазии. Это произошло еще и потому, что беспримерный всеобщий хаос в экономических и международно-политических отношениях, чудовищное опустошение и дезорганизация, порожденные мировой войной, равно как гораздо большая, чем раньше, зависимость одних государств от других создали на известное время в некотором роде безвыходное положение, чрезвычайно дезорганизующее рабочие массы и ослабляющее их энергию и пыл. В

этих преходящих условиях длительного характера восторжествовала мелкобуржуазная программа, начались многочисленные попытки реализации всех мелкобуржуазных утопий: народного суверенитета в форме демократического парламентаризма, замены классовой борьбы сотрудничеством «работодателей и рабочих», обдаривания при помощи парламентских резолюций крестьян землей, проектов постепенной социализации, комитетов общности интересов предпринимателей и рабочих и т. д., и т. д.

Мелкая буржуазия пережила период своего апогея, когда традиционная ее программа должна была, казалось бы, превратиться в программу спасения человечества. Два решающих класса современного общества, толкаемые развитием событий на поле смертельной борьбы, не решаясь, ринуться в бой, пытались найти в мелкобуржуазной утопии возможность отсрочки той неизбежной черты, к которой приблизила их история.

Человечество пережило совершенно новый период своей истории, период исторической попытки реализации мелкобуржуазной программы и период полнейшего ее банкротства,—кто этого не понимает, тот никогда не поймет значения и роли мелкобуржуазных движений нашей эпохи.

Всеобщее голосование, социальное законодательство, резолюции о земельной реформе,—все это оказалось, в особенности на фоне разложения капиталистического хозяйства, лишенным какого-либо содержания, поскольку не были сокрушены устои помещичье-капиталистического господства.

Демократия ни в малейшей степени не оправдала надежд широких масс как городского, так равно и сельского населения: в особенности, в период инфляции она принесла с собой молниеносное обнищание, вместо земли давала бумажные обещания, не устранила административного гнета и полицейского террора. В то же время, однако, послевоенный парламентарный строй усложнил, распылил и дезорганизовал весь политический, законодательный и административный государственный механизм. Сеймы и парламенты—эти органы парламентарской демократии—превратились в отражение и фактор хаоса, в символ того тупика, в котором очутился послевоенный капитализм.

Наступление капитала и борьба за стабилизацию капитализма должны были привести к покушению на эти органы, признанные в свое время к роли межклассового буфера, а ныне в атмосфере обостряющихся классовых антагонизмов, свидетельствующие на каждом шагу о бесплодности разрешения конфликтов путем соглашения и уступок. Ликвидация парламентаризма была наиболее необходима и облегчена в странах с перевесом мелкой буржуазии и обостренным крестьянским вопросом, так как именно там господствовали наибольший парламентарский хаос и разочарование в парламентаризме, скомпрометированном своим бессилием перед лицом проблем, разрешить которые могла бы только революция.

Остались только две программы: программа буржуазии, которую защищает вся реакционная пресса — сильная власть, стремящаяся ликвидировать социальные завоевания, удлинение рабочего дня, понижение заработной платы, ликвидация земельной реформы—и с другой стороны, программа революционного рабочего класса—коммунизм.

Это банкротство мелкобуржуазных иллюзий символизируют: Муссолини—в Италии, и в особенности, Пилсудский—бывший представитель мелкобуржуазного направления в социализме. Один из его спутников—Серошевский—так изображает отход «вождя» от мелкобуржуазных мечтаний о свободной демократической Польше в рамках капитализма: «Пилсудский,—говорит он,—верил, что новая Польша может удержаться только как Польша демократическая, справедливая, гуманитарная, современная. Общество не могло этого понять, и Пилсудский уступил» (подчеркнуто нами).

Пилсудский уступил. Он решил, что в Польше можно править только при помощи кнута, как этого хотела буржуазия, отбросил прочь старые утопии, решил реализовать программу буржуазии. Но в атмосфере всеобщего кипения масс нельзя осуществлять программы буржуазии открыто, во имя интересов буржуазии; необходимо было наполнить новым пафосом идею национального единства и фикцию сверхклассового государства. Традиционное представительство капитала и землевладения, ненавистное широким массам, не могло создать этой фикции. Собственные интересы господствующих классов должны были быть осуществлены по доверенности—чужими руками. И так как национал-демократия—партия этих классов—не могла этого понять, орудия Пилсудского должны были вдолбить ей это в голову.

Буржуазия должна порвать с мелкобуржуазными утопиями, воспротивиться требованиям широких масс, предварительно уничтожив орган компромисса с классами, компромисс с которыми невозможен. Не может быть компромисса с крестьянской массой, требующей земли, не может быть компромисса с рабочими, которым буржуазия, выступающая на борьбу за международный рынок, стремится сократить зарплату и удлинить рабочий день. Но чем менее возможным становится для буржуазии проведение сколько-нибудь крупного реформистского обмана, чем более антинародной становится ее политика, тем необходимее для нее тесное единение, по крайней мере, с тонкими верхушечными слоями мелкой буржуазии и рабочего класса. Это единение должно облегчить буржуазии создание фикции сверхклассового государства, оказать противодействие наступлению масс, прикрыть диктатуру буржуазии фиговым листом радикальной фразы.

Группами, призванными играть эту роль, были в Италии фашисты, а в Польше—пилсудчики—организации деклассированной мелкой буржуазии, оторванные от классовых корней, ни с кем не связанные, применяющиеся психологически к роли, которая их ожидала: к роли реализаторов программы другого класса.

Мы не располагаем формулой, которая давала бы определение фашизма, не имеем также образца, который с точностью во всех деталях повторялся бы во всех странах. Однако, фашизм обладает некоторыми специфическими чертами, отличающими его от прежних обычных реакционных форм господства буржуазии и окрашивающими его в яркий цвет современной эпохи. К этим чертам относятся:

1) Использование буржуазией движения низовых деклассированных и разочарованных в демократии мелкобуржуазных масс, которые буржуазия направляет с целью ликвидации неудобных ей форм парламентской демократии, и с целью охвата

бунтующих масс железными тисками разветвленной организации, поддерживающей правительство. 2) Новый апофеоз идеи сверхклассового государства—и как ее выражение—стремление ликвидировать парламенты и классовые представительства—партии, и заменить их единственной сверхклассовой партией, сливающейся с административным аппаратом. 3) Новый пафос «органической работы», использование национального чувства с целью подчинения масс требованиям капиталистической эксплоатации. Новый капиталистический романтизм в эпоху распада капитализма, когда неверие в его прочность охватывает даже буржуазные ряды. 4) Наполеоновские идеи: сильное правительство, большая армия, национальное единство, как база для империалистических выступлений, военных авантюр.

Таков смысл переворота, произведенного Муссолини в Италии и Пилсудским в Польше. Пролетариат был слишком слаб для того, чтобы использовать бунт мелкобуржуазных масс против их собственной программы—использовала его буржуазия: при помощи мелкой буржуазии она разрушила и превратила в фикцию прежний непригодный ей орган межклассового компромисса и создала из организации деклассированной мелкой буржуазии новую подпору, поддерживающую аппарат буржуазной государственной власти.

V.

После всего, что было сказано, вполне ясно вырисовываются все этапы развития, через которые прошла мелкая буржуазия, равно, как и нынешняя последняя фаза ее развития.

В государствах развитого капитализма мелкая буржуазия не может уже теперь, как это было раньше, выступать в качестве самостоятельной силы, обладающей революционной инициативой и могущей хотя бы только в первую фазу революции играть роль авангарда: и это не только потому, что самая молодая сила современного капиталистического общества—пролетариат—оттиснула ее на задний план, но еще и потому, что она уже пережила фазу исторического опыта осуществления своей программы и фазу ее банкротства.

В первый период бури и натиска своей молодости, когда капиталистическое общество только освобождалось от пут феодализма, мелкая буржуазия, как радикальная часть лагеря, борющегося со старым порядком, играла роль акушера, содействующего нарождению нового строя, будущие классовые взаимоотношения которого не выступили еще в резко очерченных формах.

Во втором периоде, когда историческое развитие втиснуло ее между колесами огромного механизма, двигателями которого являются две решающие силы современного общества—буржуазия и пролетариат,—мелкая буржуазия боролась за власть, чтобы завоевать право нормирования жизни на основе потребностей и стремлений своего класса, чтобы иметь возможность реализации своей программы, существом которой являлось торможение махового колеса развития, задержка концентрации капитала, ослабление классовой борьбы.

Вскоре, однако, во второй половине минувшего века, мелкая буржуазия совершенно переходит под команду бурно развивающегося капитализма. Решающие слои мелкой буржуазии находят для себя удобное место в его молниеносно расширяющихся рамках, и мелкая буржуазия становится представительницей того «народа», который, по известному выражению Маркса, придает действительное значение буржуазной конституции, так как от имени народа передает всю власть крупной буржуазии. В парламентах, этих органах компромисса между крупной и мелкой буржуазией, эта последняя поддерживает капитал в течение долгого периода до войны, помогая ему держать в повиновении рабочий класс. Мелкобуржуазная утопия классового компромисса превращается в дополнение к буржуазной программе национального единства точно так же, как мелкобуржуазная программа махрового национализма и антисемитизма превращается в противоядие против идеологии классовой борьбы. В этот период мелкая буржуазия становится самой прочной основой и поддержкой капиталистического господства.

Военный и послевоенный кризис и новые революционные потрясения капиталистического мира в третий раз выводят мелкую буржуазию на историческую арену в качестве самостоятельной политической силы. Но теперь она уже не борется за власть, а разрешает буржуазии, охваченной паникой, передать ей власть. Теперь она не стремится во что бы то ни стало реализовать свою программу, но как бы принуждена это делать. Теперь она делает попытки реализации своих радикально-демократических идеалов без прежнего пафоса, она с самого начала заражена неверием и сомнением. И очень скоро, после нескольких лет попыток она поднимает белый флаг капитуляции, подает сигнал к отступлению в об'ятия капиталистической церкви. Она борется с оружием в руках только затем, чтобы ей разрешено было играть роль могильщика собственной программы, только за то, чтобы для некоторых ее слоев не был прегражден доступ в святую святых капиталистического мира—к аппарату власти, в котором выковываются нерушимые законы господства буржуазии.

Путь в капиталистическую Каноссу некоторой части мелкой буржуазии—вот содержание переворота Муссолини и Пилсудского.

VI.

На этом новом повороте истории появляется, однако, огненная черта, отделяющая нынешнюю эпоху капитуляции мелкой буржуазии от той эпохи, которая последовала после революции XIX в. Тогда бурное развитие капитализма открыло перед мелкой буржуазией и промежуточными слоями новые перспективы. Капитализм выступал уже не только в качестве разорителя ремесла и мелкой земельной собственности, но и в качестве щедрого творца жизни и благосостояния: быстрое развитие промышленности разгружало деревню от избытка рабочих рук, питало спрос на сельскохозяйственные продукты, что в свою очередь заставляло окружать заботой сельское хозяйство. Нарождался многочисленный слой всевозможных посредников, лиц свободных профессий, служащих, которые создавали как бы свиту капиталистической буржуазии, находились в полной от нее зависимости и связывали свои судьбы с ее благоденствием.

Ныне глубокий и все обостряющийся кризис капитализма лишает его возможности найти средства, охраняющие широкие

нищающие массы мелкой буржуазии городской и сельской от разорения, безработицы и постоянной неуверенности существования. Капитализм находит временное для себя спасение, указывая деклассированным слоям мелкой буржуазии новую социальную функцию—защиты буржуазного государства от революционного пролетариата и изголодавшегося по земле крестьянства.

Но само пользование этим лекарством знаменует близкую смерть.

Необходимость непомерного расширения аппарата насилия и угнетения свидетельствует о том, что господствующий строй не может обеспечить широкие массы даже самыми элементарными средствами существования. Такой метод использования и удовлетворения бунтующих и деклассированных элементов тем острее выдвигает вопрос: что дальше? Какой дальнейший исход найдет буржуазия по мере того, как будут расти ряды безработной интеллигенции, разоренной мелкой буржуазии и жаждущих земли крестьян? Какой дальнейший исход, кроме новой военной резни, может найти капитализм, не будучи в состоянии ни разрешить аграрный вопрос, ни вырваться из заколдованного круга, который создается фантастическим развитием производительных сил и невозможностью найти рынок при сужающейся базе потребления?

Временное улучшение кон'юнктуры, благодаря займам и переходящим экспортным возможностям в таких странах, как Польша, Италия, Германия, только на время отодвинуло жгучие вопросы, но никак их не разрешило. Они вернутся с удвоенной силой, приводя ко все более сильному напряжению противоречий между стремлениями масс и программой действия соглашательских вождей и небольшого слоя рабочих и крестьян, подкупаемых буржуазией. Это противоречие четко обнаружилось во время майского переворота в Польше.

Штаб руководителей переворота не хотел сейма, усматривая в нем препятствие к установлению крепкой власти, стоящей на защите капиталистов и помещиков; массы, следующие за Пилсудским, не хотели сейма, так как искали силы, которая бы свергла господство капиталистов и помещиков. В этот раз еще движение масс было использовано для чуждых и враждебных им целей, но при том общем пробуждении умов, вызванном настоящими условиями, майский опыт не пройдет бесследно.

Шаткость, непостоянство, внутренняя гниль всей той новой политической надстройки, которая была создана в Польше при помощи пушек Пилсудского, засвидетельствована хотя бы тем фактом, что мелкобуржуазные вожди, которые когда-то наводняли мир своими утопическими программами,—теперь держат язык за зубами и стоят безгласные перед своими массами, спасаясь за загадочной маской сфинкса. Общественная потребность в пафосе беспрограммности создала в Польше даже особый тип человека, которого так наивно характеризует апологет этого направления—А. Струг: «Пилсудчик,—говорит он,—это тот, кому власть принадлежит по праву, так как он «чувствует Польшу, дышит ею»,—однако, «не имеет никакой социальной программы».

Неимение социальной программы стало для пилсудчика дипломом к власти потому, что он протягивал к ней руку для того, чтобы реализовать программу буржуазии, ненавистную тем массам, которые в пилсудчиках видели своих защитников. Пилсудский—сфинкс, вознесенный к власти при участии широких масс, пилсудчик—немой,—вот символы того раздвоения, которое произошло в лагере мелкой буржуазии. Верхний слой ее ликвидировал свою программу для того, чтобы навязаться буржуазии в роли реализатора ее программы; широкие массы найдут удовлетворение своих желаний и надежд только тогда, когда пойдут под руководством коммунистов. Измена вождей, прикрытая видимостью борьбы с буржуазией, сбила массы с толку. Было бы, однако, величайшей ошибкой думать,—на основе того, что произошло в этом году в Польше, а четыре года назад — в Италии,—что оправдываются предсказания тех, кто предполагал, что революционная роль мелкой буржуазии города и деревни кончена навсегда и что пролетариат будет полностью изолирован в момент решающего боя за свержение буржуазной власти.

Наоборот,—как раз наоборот,—громадность противоречий, нарастающих в настоящий переходный период, созревание нового революционного кризиса, несомненно, всколыхнет до самого дна в момент взрыва все общественные слои так, как всколыхнула их когда-то Великая французская революция, а потом Российская Октябрьская революция. Только на почве такого широкого движения масс как рабочих, так и крестьянских, а отчасти и городской мелкой буржуазии, коммунисты, как выразители их требований и действительных интересов, смогут завоевать власть. Разница по отношению к прежним буржуазным революциям будет состоять не в одиночестве пролетариата, как думал Каутский, а в его передовой роли. Вот тот основной закон, который все коммунисты должны усвоить, и который, как показали майские события, недостаточно прочно засел в головах польских товарищей.

Нельзя не задать себе вопроса: как это стало возможным, что весь круг польских товарищей, которым пришлось руководить событиями в период переворота, забыл о том, что является краеугольным камнем ленинизма, забыл об идее гегемонии пролетариата? Вместо того, чтобы ее претворить в жизнь, выявляя наружу то противоречие, которое существовало между стремлениями масс и программой Пилсудского, вместо того, чтобы использовать период подготовки, а потом начала борьбы с Хиено-Пястом для пропаганды идей самостоятельных революционных организаций и ее реализации,—партия долгое время была пассивна, а потом бросила лозунг поддержки партии Пилсудского.

Это произошло потому, что всякий программный или тактический принцип неизбежно останется мертвой буквой, если его оставляют висеть в пустом пространстве и отрывают от живой действительности данной страны, если партия не ищет ответа на вопрос, какими путями должно итти претворение этого принципа в действительность, если партия не знает истории возникновения и развития этого принципа и науки, вытекающей из фактов его применения в прошлом.

Таким именно было положение в польской компартии. Ряд причин привел к тому, что товарищи привыкли ограничиваться трафаретными формулами, недостаточность которых обнаружилась с полной яркостью, когда партия стала перед лицом трудных и сложных проблем.

В настоящей статье мы поставили себе задачу набросать разные фазы и проявления борьбы и совместных действий рабо-

чего класса и мелкой буржуазии и показать, как изменилась роль классов и социальных групп с изменением их экономической ситуации и удельного веса в обществе.

Однако, это ничуть не исчерпывает вопроса, а только создает фон, дает материал для ответа на вопрос, который со всей остротой встает перед партией, особенно, после майского опыта: как претворить в жизнь идею революционного руководства пролетариата?

Банкротство мелкобуржуазной программы, измена соглашательских вождей во время переворота вовсе не дают уверенности, что новая волна революции сразу сметет с поверхности все половинчатые и колеблющиеся рабочие и крестьянские партии, и что коммунистическая партия станет сразу хозяином положения. И потому вопрос о тактике компартии и о роли классов и партий в процессе развертывания революции, тот вопрос, который постоянно ставили перед пролетариатом Маркс и Энгельс, который составлял предмет спора между большевиками и меньшевиками, а также между Лениным и Троцким—должен стать в центре внимания теоретической мысли Коммунистического Интернационала.

Партия должна осветить этот путь революционного развития и формы осуществления гегемонии пролетариата прожектором диалектической марксистской мысли. Это будет лучшая гарантия от повторения тяжелых ошибок последнего периода.

А. Микоян.

К вопросам хлебной кампании.

(Беглые заметки).

К постановке вопроса.

Сельскохозяйственная продукция занимает превалирующее место во всей продукции нашего народного хозяйства. Урожай и его реализация в нашей стране — тот основной узел хозяйственных и политических вопросов, разрешение которых дает то или иное направление всей хозяйственной и политической жизни страны на более чем годичный период. В проблему урожая и его реализации упираются следующие основные вопросы:

во-первых, вопрос о размерах развертывания всего народного хозяйства;

во-вторых, вопрос о размерах заготовок хлеба, поступающего в распоряжение государства для снабжения основных потребляющих рынков и необходимого для создания продовольственной базы для промышленности и крестьянских районов специальных технических культур (Средняя Азия) и для экспорта за границу;

в-третьих, вопрос о размерах экспорта, который в значительной степени предопределяет возможный импорт промышленного сырья и оборудования для развертывания промышленности и, следовательно, производственную программу всей промышленности и сумму капитальных вложений;

в-четвертых, вопрос об организационных формах экономической смычки рабочего государства с крестьянством в области основной части крестьянской продукции;

в-пятых, политика хлебных цен, т.-е. вопрос о том, по каким ценам будет заготовлен хлеб у крестьян и какие эквивалентные ценности получит крестьянин в обмен на продаваемый им хлеб, а это—существеннейший момент в экономических взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства;

в-шестых, вопрос об уровне хлебных цен, который в связи с уровнем цен на промтовары будет определять не только политическое настроение крестьянства на данный период, но и ценностное соотношение между продукцией промышленности и сельского хозяйства, и тем самым размеры так называемого товарного голода. Уровень хлебных цен определяет и судьбы следующего сельскохозяйственного года, ибо крестьянин при намечении общей площади посева и доли, отводимой каждой с.-х. культуре, будет исходить в большей мере от существующих рыночных цен на данную культуру, чем от указаний Наркомзема;

в-седьмых, вопрос о реальной зарплате рабочего, ибо от уровня заготовительных цен будет зависеть и высота продажных цен хлеба в потребляющих районах;

в-восьмых, вопрос о том, сколько денежных средств государству придется израсходовать на закупки хлеба, что в значительной степени определяет размеры денежной эмиссии и влияет на курс нашей валюты.

Этим длинным списком важнейших вопросов нашей экономики и политики ни в коей мере не исчерпывается обусловленность многих других вопросов нашей жизни урожаем и перспективами его реализации. Отсюда понятно то громадное внимание, которое всегда уделялось партией урожаю и хлебозаготовкам. В прошедшем 1925/26 г. партия больше, чем когда-нибудь, фиксировала свое внимание на этих вопросах. И это потому, что только-что закончившийся год, богатый урожаем, был не менее богат различного рода затруднениями, отразившимися на всей хозяйственной и политической жизни страны. Эти затруднения оказали немалое влияние на ход нашей внутрипартийной жизни. Для партии стало почти законом, что всякий мало-мальски серьезный внутрипартийный кризис вызывается серьезными хозяйственными затруднениями — в прошлом году в непосредственной связи с хлебозаготовками. Появление новой оппозиции не случайно совпало с этими хозяйственными затруднениями в области взаимоотношений рабочего класса с крестьянством, и не случайно то, что в ее идеологии основное место занимает паника перед опасностями, боязнь дальнейших затруднений, приписывание их не нашим ошибкам, а сопротивлению деревни, которое мы не в силах преодолеть без крутой ломки всей нашей политики. Отсюда—раздувание кулацкой опасности, которое по сути дела об'ясняется боязнью деревни. Для подтверждения этой мысли можно привести немало цитат и доказательств. Достаточно, однако, ограничиться наиболее важными документами, какими являются речи оппозиционных лидеров на партийном с'езде, где мы читаем: «Дело идет к использованию нэпа некоторыми слоями крестьянства в направлении сопротивления нашему плану». И далее: «Нас крестьянство (курсив наш) в этом году довольно твердой рукой держало и удержало в деле разворачивания подлинно-социалистических элементов. В этот момент лозунг: «огонь по тем, кто указывает на эту опасность, сосредоточенный огонь по тем, кто указывает на рост этого сопротивления», это—тот лозунг, который вытекает из об'ективной ситуации? Нет! Я утверждаю, что это неправильная ориентировка»... (XIV Всесоюзн. с'езд ВКП(б), стр. 265).

Речь здесь идет не просто о кулацкой опасности, которая есть и которую никто не скрывает, а об опасности, которая грозит нам со стороны деревни, или, по крайней мере, со стороны кулака и середняка, ибо здесь ставится знак равенства между «ростом крестьянского сопротивления» и «ростом кулацкой опасности», т.-е. между крестьянством и кулаком. Такое смешение понятия крестьянства и кулака можно произвести только при панике перед деревней. Отсюда вытекает, что единственный источник всех затруднений, переживаемых нами на путях социалистического строительства,—это об'ективная непреодолимость сопротивления крестьянства, которое, якобы, держит нас в узде и связывает рабочее государство в деле развертывания хозяйства.

Что нэп, предоставив крестьянству возможность свободного распоряжения излишками своей продукции, ставит перед нами ряд затруднений—это верно. Но нельзя забывать наших ошибок в деле хозяйственного руководства, упускать все ошибки, в том числе и собственные, взваливать все на сопротивление крестьянства и смешивать крестьянство с кулачеством. Вместо того, чтобы перед выявившимися новыми явлениями на рынке с.-х. продукции пересмотреть методы руководства, сделать их более гибкими, отвечающими новым особенностям и запросам жизни и этим путем избежать затруднений,—оппозиционеры выступили в роли отчаявшихся людей, которые при виде возникающих затруднений ударяются в панику и начинают требовать коренной ломки всей политики. Партия оспаривала эти выводы оппозиции, которые выходили далеко за пределы вопросов хлебозаготовок и давали совершенно иную, неверную установку нашей партии в крестьянском вопросе.

Партия на XIV с'езде дала решительный отпор этим попыткам пересмотра наших взглядов на крестьянство, доказав теоретическую фальшивость утверждений новой оппозиции с точки зрения ленинизма. Было бы важно еще раз проверить, на основе данных практики уже нового хлебозаготовительного года, нашу политическую линию в этом вопросе и посмотреть, насколько основательны были те опасения, которые выражала оппозиция. Тогда удалось бы установить, что рабочее государство на тех же путях нэпа нашло ключ к правильному руководству делом сбыта крестьянской продукции.

Правда, пока еще рано делать какие-нибудь окончательные выводы, ибо заготовительный год в значительной своей части еще впереди: с начала кампании прошло только 3 с лишним месяца. Однако, основные тенденции, под знаком которых пойдет хлебозаготовительная кампания, выявлены уже в достаточной степени, чтобы не отказаться от некоторых предварительных выводов и соображений.

Крестьянское накопление хлеба и наша политика цен.

Одна из ошибок прошлого года заключалась в том, что мы недостаточно учли то количество хлеба, которое крестьянство оставило себе в качестве запаса. Таким образом, ошибка прошлого года заключалась не в преувеличении размеров валового сбора урожая, а в преувеличении той части продукции, которая должна была поступить на рынок. Планирующие органы, данные которых были положены в основу оперативных планов, рассчитывали, что крестьянство оставит себе в запас из всего валового урожая 100 млн. пуд., тогда как оно, по данным Экспертного Совета, к концу прошлого года фактически оставило себе около 430 млн. пуд. ЦСУ считает, что около 200 млн. пуд. может быть дополнительно отложено крестьянством в этом году. В прошлом году не всему крестьянству СССР удалось оставить себе запасы, благодаря неравномерности урожая. Ряд районов Союза, в частности Центрально-Земледельческий район, не имел таких излишков, чтобы он мог отложить себе достаточные запасы.

В настоящее время мы часто встречаемся с такого рода рассуждениями оппозиции: 500—600 млн. пуд. хлеба крестьянство придерживает и не продает рабочему государству; будь в нашем распоряжении эти 500—600 млн. пуд., мы могли бы уже теперь усилить наше промышленное строительство.

Факт накопления запасов у крестьянства оппозиция использует, как один из аргументов, в пользу той ложной идеи, что крестьянство фактически бойкотирует рабочее государство. Что это совершенно не верно, ясно из того, что еще до существования рабочего государства крестьянство всегда оставляло себе хлебные запасы, размер которых по России достигал в лучшие урожайные годы и в особенности в повторные урожайные годы 500—600 млн. пуд. И это при отсутствии всякого товарного голода. Крестьянские хлебные запасы не есть способ бойкота рабочего государства, протеста против его политики цен и товарного голода. Конечно, низкие промышленные цены на промтовары есть важный стимул к выбрасыванию крестьянством хлеба на рынок. Однако, нужно твердо помнить, что при всех благоприятных для крестьянской продукции явлениях на нашем рынке у крестьянства останется естественное стремление накоплять известные хлебные запасы. Благоприятные рыночные факторы могут лишь сокращать размеры накопления.

Я считаю, что хлебное накопление крестьянства можно разделить на две части, имеющие совершенно различное значение и вытекающие из совершенно различных причин. Одна часть накопления—это страховка от возможности неурожая. Известно, что каждое производственное предприятие, даже регулируемое в плановом порядке (завод, трест), не может нормально работать без некоторого запаса материалов и сырья, которые находятся на предприятиях временно в качестве мертвого капитала, но являются необходимой страховкой против возможных перебоев в снабжении, при чем указанные запасы для каждой отрасли промышленности имеют почти установленную норму. Если это необходимо для отраслей хозяйства, мало подверженных воздействию стихийных бедствий, то тем больше это необходимо для нашего отсталого сельского хозяйства, которое находится в сильнейшей зависимости от стихийных бедствий. Ведь у нас почти установился закон, что через каждые 2—3 года урожай сменяется неурожаем, переходящим зачастую в голод. При этих условиях совершенно естественно, что крестьянин страхует себя от недорода. На этом естественном желании крестьянина строить теорию растущего сопротивления крестьянства рабочему государству, это значит совершенно игнорировать особенные условия развития нашего сельского хозяйства.

Если бы мы предложили крестьянину не оставлять себе никаких запасов, кроме того, что ему необходимо до нового урожая для обсеменения полей, питания и корма скота, то этим самым мы должны были бы, в случае неурожая, взять на себя снабжение крестьянства недостающим количеством хлеба. Но ведь это меняло бы положение только в худшую для нас сторону, ибо мы должны были бы создать страховые хлебные запасы у государства, и значительное количество хлеба должно было бы лежать неподвижным запасом в руках государства.

Я считаю, что эта часть крестьянского накопления хлеба, т.-е. страховые запасы, в качестве гарантии против неурожая,

являются совершенно нормальными в условиях нашей крестьянской экономики. Против такого накопления государство ни в какой мере не должно бороться.

Вторая часть запасов, которая откладывается преимущественно зажиточными крестьянами сверх страховых запасов, вызывается ожиданием более выгодной рыночной кон'юнктуры и продажи хлеба по более высоким ценам.

Если первую часть запасов можно назвать производственной страховкой, то вторая часть представляет собой исключительно спекулятивные запасы. Из принципиально различного назначения этих двух частей хлебных запасов крестьянства должно вытекать и наше различное отношение к ним: наша задача должна сводиться к тому, чтобы отучить крестьянство от попыток удержания хлеба до момента более высоких цен, от его попыток маневрирования в качестве торговца (продавца). Этого можно достигнуть лишь при такой устойчивой политике хлебных цен, которая не дает возможности имущим слоям крестьянства ориентироваться на повышение хлебных цен. Крестьянин к этому маневрированию на рынке привык еще до революции; рынок и при капитализме был подвержен неожиданным стихийным изменениям и скачкам. Но, как это ни странно, за последние годы, т.-е. почти за все годы нэпа, цены с.-х. рынка в нашей стране отличались от цен в буржуазных государствах не своей устойчивостью, как надо было бы ожидать, а, наоборот, большей изменчивостью, резкими скачками то вверх, то вниз. Прошел только год, как мы сохраняем правильное движение цен в течение всего заготовительного периода, не допуская неестественно сильного разрыва между осенними и весенними хлебными ценами. Зажиточные крестьяне уже на деле убеждались в отсутствии выгоды от удержания хлеба. Не получая никакой пользы от своего маневрирования и терпя в своих расчетах неудачу, они постепенно должны будут сократить, а затем, возможно, и совсем прекратить накопление спекулятивных хлебных запасов. Запасы такого характера будут также в этом году, хотя, наверное, в меньшей мере, чем раньше, ибо кулацкие элементы крестьянства в 1925/26 г. жестоко обманулись в своих расчетах. В то время как в 1924/25 году весенние цены значительно превосходили осенние (по ржи на 69 к.—119%, по пшенице на 84 к.—93%, а по овсу на 72 к.—124%), в 1925/26 году мы имеем резко изменившуюся картину. Цены на пшеницу в апреле—июне 1926 г. пали против октября—декабря 1925 г. с 1 р. 21 к. до 1 р. 18 к.; за тот же период цены на ячмень снизились с 62 до 60 к. Правда, цены на рожь и овес возросли, но настолько незначительно (с 80 до 89 к. и с 73 до 83 к.), что удержание их в течение полугодия едва ли могло дать какие-нибудь преимущества. Таким образом, зажиточные крестьяне, имевшие весной значительные запасы, проиграли, тогда как середняцкие и бедняцкие элементы, продавшие свой хлеб, главным образом осенью, несомненно, выиграли.

Что выдержанная политика заготовительных цен отбивает у крестьян охоту держать маневренные запасы, можно показать на примере хлопка.

На хлопок у нас существует монопольная цена, которая почти не меняется. Крестьянин, производитель хлопка, привык к этому и он не имеет никаких оснований ожидать повышения

хлопковых цен. Поэтому мы и не наблюдаем случаев выдерживания хлопка. Наоборот, в течение первых 2—3 месяцев заготовительного сезона средне-азиатское крестьянство почти весь хлопок выбрасывает на рынок. Иначе обстояло дело в довоенное время в России и еще теперь в капиталистических странах, в частности в Америке: игра на повышение цен, выдерживание хлопка в ожидании более высоких цен и проч. были и остаются здесь обычным явлением.

О роли частников в хлебозаготовках.

По данным контрольных пунктов Наркомторга СССР, мы в июле, августе и сентябре этого года имеем резкое сокращение роли частника против тех же месяцев прошлого года (август 1925 г.—17%, август 1926 г.—11%; сентябрь 1925 г.—22,8%, сентябрь 1926 г.—6,4%). Однако, это сокращение роли частника в хлебных перевозках было вызвано отнюдь не нашей умелой конкуренцией с частным заготовителем. Таких успехов мы еще не достигли: накладные расходы хлебозаготовителей у нас еще высоки, гибкость аппарата еще недостаточна и ни в коей мере еще не поддается сравнению с частным капиталом. Сокращение частных заготовок обязано так называемому экономическому регулированию перевозок частного хлеба по ж. д. и водному транспорту, которые в этом году проведены почти во всех имеющих большее или меньшее значение хлебных районах, чего не было в прошлом году в таком масштабе.

Такое сильное сокращение роли частного капитала в хлебозаготовках нельзя, следовательно, отнести за счет нашего регулирования рынка чисто экономическими мерами. Наоборот, мы пока еще добиваемся нормализировать хлебный рынок на месте заготовок и устранять, напр., громадное расхождение между ценами заготовительными в районах производящих и продажными в районах потребляющих. Это расхождение настолько сильно и дает столь большие сверхприбыли на сбыте хлеба в потребляющих районах, что если бы даже госзаготовители уменьшили накладные расходы на 3—5 коп. по сравнению с частником, то и это не сократило бы роста частных заготовок, так как прибыль, получаемая частником при этом расхождении цен между районами, во много раз превышает 3—5 коп. Если бы нам удалось, а мы этого добиваемся и добьемся, чтобы отношения между продажными ценами на хлеб в потребляющих районах и ценами заготовительными в производящих районах были нормальны, то не требовалось бы и таких жестких мер регулирования, о которых мы говорили выше.

Что же мы получили в результате всех наших мероприятий? В области хлебной торговли мы имеем, примерно, то, что тов. Ленин еще в начале нэпа, когда еще ни у кого не было ясного представления, какие конкретные формы примет нэп, назвал «свободой местного товарооборота». Мы сейчас не имеем свободного общесоюзного хлебного рынка, и рамки деятельности частников и государственных, кооперативных внеплановых заготовителей ограничены, главным образом, местным товарооборотом. В то же время создавшаяся практика хлебных заготовок в текущем году напоминает некоторыми чертами незаконченную хлебную монополию, поскольку свободой движения хлебных грузов по всей тер-

ритории СССР пользуются лишь основные хлебозаготовители, работающие по основным планам государства. Эта временная форма регулирования неизбежно изменится, когда мы установим более или менее правильные отношения между ценами потребляющих и производящих рынков.

Варьирование в применении чисто экономических и административных мер регулирования не только не противоречит нэпу, но вполне укладывается в рамки нэпа, ибо нэп не есть данная заранее, не подверженная изменениям экономическая система. Она меняется и будет изменяться в зависимости от нашего роста, от охвата рынка государственными и кооперативными организациями, от отношений между социалистическими элементами и частным капиталом в области товарооборота. Нэп не только не исключает, но предусматривает использование всех командных высот, всех рычагов пролетарской диктатуры. Транспорт есть одна из важных командных высот пролетарского государства, и он не может быть исключен из нашего арсенала воздействия на рынок. Только сплошным недоразумением можно считать то, что в уставе железных дорог имеется пункт, смысл которого сводится к тому, что железные дороги чуть ли не нейтральны в борьбе социалистических элементов с капиталистическими. Этот пункт устава на деле давно уже не применяется,— и устав железных дорог, подчиненных пролетарскому государству, должен включать в себе задачу содействия победе социалистических элементов.

До сих пор мы боролись и впредь будем бороться за увеличение роли государственной и кооперативной торговли в товарообороте страны вообще. Но еще сильнее мы должны бороться с частником за сбыт крестьянской продукции, ибо это имеет большее экономическое и политическое значение, чем даже сбыт промышленной продукции крестьянству. На самом деле, промышленная продукция в огромной своей части находится в руках государства, которое в любой момент в состоянии ослабить роль частника путем направления все возрастающей части промышленных товаров к крестьянству по каналам кооперативной и государственной торговли. Иначе обстоит дело на рынке сел.-хоз. товаров. Здесь частник может теснее связаться с многомиллионным распыленным крестьянством, поставить нам барьер на пути сближения с трудящейся массой крестьянства и создать ряд экономических и политических трудностей. В условиях рынка последних лет частник, продавая крестьянам по ценам более высоким, чем кооперация и государство, в качестве продавца промтоваров фигурирует в глазах крестьянина в самом отрицательном свете, и в этой области деревню куда легче втянуть в русло кооперативной и государственной торговли.

В заготовках хлеба и сырья частник сплошь и рядом платит дороже государственных и кооперативных заготовителей и представляется крестьянину в более положительном свете.

Однако, каким бы темпом мы ни продолжали вытеснение частного капитала, думать о том, что в ближайшие годы мы совершенно вытесним его из области торговли вообще, в частности из хлебной и сырьевой торговли,—значило бы питать небыточные и л л ю з и и, а, стало быть, в р е д н ы е иллюзии. Кооперация еще до сих пор не сумела охватить полностью крестьянское хозяйство, а без этого совершенно неизбежно существование

частного торгового капитала. Другой вопрос о доле участия этого частного капитала, которая все больше и больше ограничивается. Кроме того, у частного капитала есть накопленные средства, игнорировать которые мы не можем, особенно в связи с необходимостью больших средств для индустриализации страны.

На ближайшее время мы должны поставить себе задачу максимального, но постепенного вытеснения частного капитала из торговли вообще и в особенности из хлебной и сырьевой.

Вместе со стремлением уменьшения удельного веса частной торговли в общем товарообороте страны наши усилия должны быть направлены по руслу организованного регулирования того частного торгового капитала, который остается, и неизбежно еще на некоторое время будет оставаться, составной частью нашей экономики.

Здесь не мешало бы сослаться на Ильича, который отмечал пять форм основных хозяйственных типов, из которых складывается экономика нашей страны. Он писал об этом в 1918 г. и повторил в 1921 г. в начале нэпа. На ряду с существованием частного капитала Ильич указывал на формы государственного капитализма, прибавляя, что государственный капитализм в отношении обычного частного капитализма есть шаг вперед, и наша задача заключается в стремлении способствовать переходу формы частного капитала в форму государственного капитализма, как облегчающую, в свою очередь, переход к социалистическому хозяйству. Последующий ход хозяйственного развития СССР оставил несравненно меньше места государственному капитализму, чем Ильич отводил ему при определении хозяйственной структуры нашей страны. Это, главным образом, об'ясняется тем, что одна из форм государственного капитализма—концессии—не получила того развития, которое можно было предполагать (в нашу задачу не входит останавливаться в этой статье на причинах этого).

В нашем хозяйстве крупнейшее значение имеют: 1) социалистический тип хозяйства, 2) товарно-крестьянское хозяйство и 3) частное капиталистическое хозяйство. Натуральная форма крестьянского хозяйства все больше стала сокращаться, превращаясь в товарно-крестьянское хозяйство, а госкапиталистическая форма не получила значительного развития.

Мы должны работать над тем, чтобы частный капитал в области торговли и промышленности приобрел характер государственного капитализма, мы должны направить частный капитал в известные отрасли нашего хозяйства, сообразуясь с интересами нашего социалистического хозяйства. В то же время мы должны найти такие формы ограничения частного капитала, которые обеспечили бы плановое регулирование его со стороны государства.

К работе в этих двух направлениях мы только-что приступили. Делать какие-нибудь окончательные выводы из данных практики было бы рано, ибо прошло лишь несколько месяцев, как эти меры регулирования частного капитала начали применяться. Мы уже пытаемся, вытесняя капитал из громадных областей заготовок сырья и хлеба, направить его на заготовки других, второстепенных частей с.-х. продукции и вытеснить его из области торговли недостаточными товарами, допуская в торговлю доста-

точными товарами, где деятельность частного капитала может протекать при меньшем темпе накопления и не грозит большими опасностями. Мы стали применять следующие методы регулирования частного капитала: поскольку частнику трудно доставать товары обычным путем (а необычный путь вызывает большие накладные расходы для частника и создает ненормальности и перебои в его работе), мы сочли возможным снабжать его недостаточными товарами, обусловливая такой отпуск в организованном порядке ограниченными накидками на отпускные цены, определяемыми органами Наркомторга. Частник, возможно, часть товаров будет продавать на сторону по более повышенным накидкам. В виду этого мы должны уточнить формы регулирования и заставить частника придерживаться установленных цен и порядка.

Данные многих городов, в частности Москвы, показывают, что частники, в результате организованного снабжения, снизили цены на мануфактуру. Другой пример—попытки заключения конвенций между частниками и госорганизациями в Москве имел место в области продажи дров. Раньше частник продавал куб дров дороже госорганизаций на 24 руб., теперь же частные цены превышают государственные только на 1—2 руб. Я должен еще раз оговориться, что это еще первая попытка, не дающая оснований к окончательным выводам, но достаточно важная, чтобы обратить на нее внимание. На ошибках этих опытов придется учиться и продолжать работу по вовлечению частных торговцев в орбиту государственного регулирования.

В области хлебных заготовок мы также проводим ряд опытов по регулированию частника. Это регулирование пока носит пестрый характер, имея в различных районах различные формы. По мере накопления опыта устанавливаются более однообразные формы, поскольку неудачи и ошибки одних мест используются как данные для других мест: в частности на Украине, Сев. Кавказе и в ряде других районов РСФСР частные мельники после проведения экономического регулирования пошли на наши условия, и уже с многими из них заключены договора. Так, существуют типовые договора на заготовку хлеба у крестьян по ценам конвенционным, государственным и на сдачу этого хлеба Госбанку или другим государственным органам по ценам биржевым (или даже ниже) на месте заготовок. Это одна из форм покупки хлеба у частника. Другая форма, когда частник заготовляет по нашей цене, но реализация его хлеба производится Госбанком на началах комиссионных. В этих двух методах есть некоторая разница. В первом случае частник, с одной стороны, лишается возможности получения сверхприбылей, разницы между ценами заготовительных районов и потребляющих. Но с другой, он получает возможность более быстрого оборота своих средств, поскольку продает на месте Госбанку и получает наличными деньгами и может продолжать заготовки. Во втором же случае частник получает сверхприбыль, но зато мы вовлекаем его средства в товарооборот без дезорганизующего влияния на цены заготовительных и потребительских рынков; частный заготовитель возвращает свои деньги лишь после реализации хлеба на рынке. Когда мы устраним «ножницы» между ценами потребительских и заготовительных районов, тогда эта вторая форма станет для нас более выгодной, чем первая форма. Ибо при этом

будет возможность сократить государственные средства, вкладываемые в хлебозаготовки путем привлечения частных средств. Если эти опыты приведут к положительным результатам и на практике примут широкие размеры, то частный капитал перестанет быть фактором, не поддающимся нашему регулированию и не будет больше так дезорганизовывать рынки, путать всю нашу работу. Но и при этом условии мы должны будем итти не на увеличение роли частного капитала в хлеботорговле, а на дальнейшее постепенное сокращение. Ибо такое регулирование частника при хлебозаготовках возможно при преобладающем значении государственной и кооперативной торговли хлебом. Мне кажется, что эта форма регулирования частного капитала вообще, и в области хлебозаготовок в частности, будет теми каналами, которые будут толкать обычный частный капитал на рельсы госкапитализма.

Товарный голод и новый опыт в хлебозаготовительной практике.

Конечно, на ходе хлебозаготовок будет сильно отражаться недостаток промтоваров, который лишает крестьянство стимула выбрасывать все свои излишки на рынок. Размер этого товарного голода, конечно, имеет громадное значение для судеб хлебозаготовок. Госплан в своих контрольных цифрах исчислил размеры товарного голода страны в текущем хозяйственном году на 120 млн. р. больше, чем это было в прошлом году. По исчислениям Госплана, эта цифра выражалась в прошлом году в 380 млн. руб., а в нынешнем она увеличилась до 500. Мне кажется, что Госплан преувеличивает размеры товарного голода. Во-первых, потому, что он взял процент увеличения производственной программы всей промышленности и, в частности, текстильной промышленности, на 2—3% меньше, чем это намечено ВСНХ и утверждено СТО. Во-вторых, Госплан не учел сильного увеличения размеров из'ятия средств у населения, в частности, крестьянского, по каналам налоговым, как прямым, так и косвенным, которое произойдет в 1926—27 г.

Кроме того, хлебные цены держатся на уровне более низком, чем это предполагал Госплан, а это обстоятельство, конечно, также отразится на размерах товарного голода, ибо более низкие цены сокращают платежеспособность крестьянства, этим самым сокращая размеры товарного дефицита.

Если оставить в стороне подробные цифровые расчеты, страдающие большими неточностями, и исходить из общих показателей состояния рынка, то окажется, что товарный голод в 1926—27 г. вряд ли будет более острым, чем в прошлом году. Наоборот, не исключена возможность, что при некоторых условиях он будет несколько смягчен.

Однако, товарный голод и в прошлогоднем размере является чрезвычайно серьезным препятствием в деле нашего хозяйствования, в особенности в деле хлебозаготовок.

Наша задача найти новые формы и способы получения денежных средств от крестьянства. Одна из этих форм, которую мы имеем в виду применить—это получение авансов от крестьянства путем предварительной подписки на покупку недостаточных с.-х. орудий, машин, шпагата и пр. При этом должно быть соблюдено условие предоставления всех преимуществ кооперированному крестьянству. Здесь нужно избежать прошлогодней ошибки, когда значительная доля тракторов попала путем подписки в руки зажиточных слоев. Этот способ имеет громадное практическое значение.

Другой формой такого применения, в качестве опыта, выдвинуты «покупка хлеба на цену» и так называемый «кооперативный сбыт хлеба». Покупка «хлеба на цену» сводится к тому, что крестьянин, предположим, в августе, сентябре и октябре сдает хлеб кооперативу или госхлебозаготовителю и получает некоторый аванс, не больше 50% стоимости хлеба с тем, чтобы окончательный расчет с ним производился через 2—3 месяца, именно в тот день, который крестьянин оговаривает при сдаче хлеба. Расчет производится по ценам, существующим на договоренный день у государственных и кооперативных заготовителей. Эта форма дает возможность покупки у крестьян хлеба в кредит на 3—4 месяца. При такой системе у крестьянина создается возможность выгадать на повышении цены, если бы оно действительно имело место, и притом без всяких расходов по хранению у себя хлеба от возможной его порчи долгоносиком, отсырения и проч. При продаже «хлеба на цену», крестьяне от всего этого избавляются и оставляют за собой возможность пользоваться рыночной кон'юнктурой, тем более, что крестьянин уверен, что если даже весенние цены не будут выше осенних, то вряд ли они будут ниже.

Если бы мы шли с перспективой на повышение хлебных цен весной, то покупка на цену нам была бы невыгодна с двух точек зрения: во-первых, потому, что мы переплачивали бы крестьянину и, во-вторых, в социальном отношении, поскольку на такую продажу хлеба пойдут, естественно, середняк или кулак и давать ему заработать против бедняка и маломощного середняка было бы политической ошибкой. Если же мы идем с перспективой твердоустойчивых цен на протяжении всего года или очень незначительного изменения, то это для нас выгодно. Кроме того, сама покупка на цену дает возможность сохранить устойчивые цены на хлеб весной, ибо чем больше наличного хлеба у государства, тем больше у него возможности регулирования цен.

Как видно, эта мера, имея свои положительные стороны, таит в себе ряд опасностей. Однако, она настолько важна и практически интересна, что было бы лучше проверить ее в качестве опыта, чем, боясь трудностей, воздерживаться от «покупки хлеба на цену». Многие могут считать это нереальным, однако, есть факты в ряде наиболее культурных районов (Украина, Сев. Кавказ, Поволжье), когда крестьяне идут на «продажу хлеба на цену». По 20 сентября на Украине этим путем заготовлено уже 500 тыс. пуд. хлеба: в нашем же плане намечена «покупка хлеба на цену», примерно, на 5 милл. руб. в качестве опыта. Если опыт этот удастся, то было бы чрезвычайно важно эту практику укрепить и в будущем расширить. Это дает, с одной стороны, укрепление доверия крестьянства к государству и кооперации и, с другой стороны, дает государству возможность маневрирования: изымая хлеб, когда в его распоряжении нет достаточных промтоварных ресурсов, оно переносит расчеты с крестьянином на более благоприятное время. Осенью происходят все хлебные и сырьевые заготовки, требующие больших средств и дополнительных эмиссий, а при этом порядке мы могли бы уменьшить раз-

меры дополнительных эмиссий. Методы покупки хлеба у крестьян без уплаты наличными, практикуются не только у нас. В Канаде, например, этот способ широко применяется, но имеет несколько иные формы.

Кроме этого метода закупки у крестьян на цену, мы применяем практику так называемого «сбыта хлеба», когда крестьянину уплачивается неполная цена, а иногда даже ничего не уплачивается, с тем, что расчет производится после продажи хлеба на рынке, исходя из вырученной суммы минус накладные расходы и установленная норма прибыли кооперативной организации. Эта вторая форма может принять более широкий характер, но она менее выгодна, чем первая, ибо в первом случае кредит предоставляется на более долгий срок—2—3—4 месяца, а во втором случае кооперация получает кредит хлебом всего лишь на две недели или на месяц в виду быстрого оборота хлеба на местном рынке.

Обо всем этом мы можем говорить, как об опытах, заслуживающих нашего внимания и интереса, но полную оценку им можно будет дать только на основе более длительного опыта.

Арт. Кактынь.

Политика цен.

В первые годы нэпа, когда только еще образовывался рынок, возник довольно ожесточенный спор на тему о том, возможно ли и целесообразно ли государственное регулирование цен. Спор этот особенно заострился к концу 1922 г., когда промышленность, «разбазарившая» перед тем остатки своей продукции в обмен на дорогой по случаю неурожая хлеб, стала понемногу взвинчивать свои цены, стремясь этим возместить потери, когда она в то же время испытывала жестокий сырьевой голод и, истратив старые запасы, не обеспеченная оборотными средствами, с трудом приобретала необходимое ей количество сырья. Если в отношении хлеба, который в этом году шел в большей своей массе еще по продналогу, вопрос цены не играл решающей роли, то в отношении сырья и некоторых других сельскохозяйственных продуктов при недостаточной их продукции возникли известные затруднения в отношении цены на эти товары. Вместе с тем высокие цены на промтовары стали затруднять их сбыт в деревне и обмен их на сырье, хлеб и др. продукты последней. Когда еще в мае 1922 года создавалась комиссия СТО по внутренней торговле, а в октябре того же года задачи и права этой комиссии расширялись вплоть до установления списков товаров, повышение цен по которым при выпуске с фабрик и заводов выше устанавливаемых предельных цен не допускается, ряд товарищей (главным образом тт. Пятаков, В. Смирнов и др.) высказывали принципиальные сомнения насчет возможности и допустимости государственного регулирования цен. Они указывали, что в неорганизованной своей части рынок все равно это регулирование цен не признает, цена будет устанавливаться, особенно в рознице, в зависимости от соотношений спроса и предложения, а в конечном счете—от производственных отношений, складывающихся в нашем хозяйстве; что же касается организованной части народного хозяйства (государственная промышленность, транспорт, кооперация), то здесь регулирование цен и не нужно, кроме разве расчетов между отдельными крупными хозяйственными организациями; что же касается отношений между организованной и неорганизованной частями хозяйства, то при выходе товаров из промышленности не следует ограничивать ту долю прибыли, какую при данном соотношении между спросом и предложением может получить промышленность.

В этом вопросе отразилась целая теория, целая линия—линия противопоставления промышленности сельскому хозяйству, линия борьбы между ними, линия, знаменующая отказ от внесения организующего, планово-регулирующего начала в мелкое неорганизованное еще хозяйство. Это была политика реванша для промышленности за те потери, которые она понесла в предыдущий голодный год, когда она за бесценок отдавала последние свои запасы в деревню (приказ т. Пятакова по ВСНХ о погоне за прибылями). Идеология эта приводила с полной неизбежностью к «ножницам»:

последние в то время усиленно росли, достигнув через год своего наивысшего раствора.

Уже тогда эта точка зрения получила решительный отпор со стороны тов. Ленина, противопоставлявшего ей линию на смычку с деревней, линию на кооперирование деревни, втягивание ее таким образом в сферу воздействия со стороны социалистической системы хозяйства. Ясно, что при этом подходе требовалось устанавливать такие отношения между городом и деревней, которые приводили бы не к борьбе между ними, а создавали бы известное равновесие, обеспечивающее крепкий между ними союз. Эта точка зрения в отношении регулирования цен и тогда уже в перспективе приобретала исключительное значение, ибо, поскольку вырастал внутренний рынок, поскольку рыночная система, по мере развертывания нэпа, охватывала все элементы народного хозяйства,—а иначе это и быть не могло, ибо нельзя было по-ларински сочетать систему товарооборота с системой централизованного снабжения и распределения эпохи «военного коммунизма»—поскольку реализация создаваемой в промышленности и в сельском хозяйстве «прибавочной ценности» происходила на рынке,—постольку вместе с тем усиливалось значение цены, как экономической категории, отражавшей производственные отношения и, в известной мере, влиявшей, в свою очередь, на их дальнейшее развитие. Этот важнейший фактор регулирования всего народного хозяйства не мог быть нами отдаваем во власть рыночной стихии: владея крупнейшими промышленными предприятиями, а также всеми видами транспорта, кредитной системой и крупной оптовой торговлей, уже тогда сосредоточивавшейся в первых синдикатах, в основном же проводившейся трестами, мы получили такую мощную силу воздействия на рынок, что, в дополнение к об'ективным законам ценности и отношений спроса и предложения, определяющим автоматически уровни цен, мы могли добавить еще третий существенный фактор планового порядка—регулирование цен, как сознательное, заранее рассчитанное, производимое основными экономическими рычагами, находящимися в наших руках, воздействие на производство и обращение на рынке той продукции, которую давало обобществленное хозяйство, или столь же сознательное и рассчитанное регулирование спроса обобществленного сектора на продукцию сектора необобществленного. Тов. Ленин, не без основания, определял тогда отказ от регулирования цен, как чистейшее ребячество, совершенно не совместимое с нашими очередными задачами.

Следует констатировать, что за истекшие с тех пор четыре года идея регулирования цен настолько укрепилась, что вряд ли сейчас найдутся серьезные ее противники. Чрезвычайно значительный рост за последнее время государственной промышленности, усиление ее удельного веса во всей экономической жизни страны, развертывание внутреннего рынка и усиление роли в нем государственно-кооперативного сектора, благодаря особенно мощному росту за последние годы кооперации, оттеснение частного капитала на второй план,—все это усилило предпосылки для возможности регулирования товарооборота и цен. В то же время такие затруднения, как затруднения доставленные нам «ножницами» 1923—24 г., или затруднения в связи с высокими хлебными ценами 1924—25 г., наконец, товарный голод и происходящий от него ажиотаж в отношении голодных товаров,—настойчиво требовали применения активной политики цен, которая помогла бы нам изживать эти затруднения. Никто не станет отрицать, что это регулирование в соответствующие моменты вносило значительное оздоровление в рыночные отношения и через них в отношения производственные и социальные.

Но если принцип планирования и регулирования цен, а, следовательно, и товарооборота, наконец, признан и усвоен, то далеко еще нет единства насчет самого содержания нашей политики цен. Вплоть до последнего времени существуют попытки придать этому регулированию цен такое направление, которое искусственно и чрезмерно усиливало бы позиции промышленности за счет сельского хозяйства ценой задержки естественного роста этого последнего, попытки проводить политику цен, которая вместо смычки города с деревней обостряла бы противоречия между ними, заменяла бы социалистическую плановую систему хозяйства анархической борьбой на рынке основных элементов этого хозяйства. К такому противопоставлению города деревне с несомненностью приводят обе «установки» нашей оппозиции, как установка «сверх'индустриалистов», так и установка аграрщистов. Первая группа оппозиционеров совершенно открыто выдвигает задачу дополнительного извлечения средств из деревни путем повышения отпускных цен на промышленную продукцию (эта группа, конечно, говорит не «из деревни», а «с рынка», выдвигая в то же время предложение вернуть рабочим потери от повышения цен в виде повышения зарплаты). Конечно, не может быть сомнений, что в основной своей части это повышение отпускной цены по голодным товарам перенесется на сельского потребителя, ибо, как уже сказано, рабочему эта потеря должна быть возмещена. Что же касается новой буржуазии и частного торговца, то в отношении достаточных товаров, по которым это повышение шло бы за их счет, они, как это обычно делается, сократят свое участие в реализации этих товаров, тем более энергично накидывая на попадающиеся в их руки голодные товары, добывая их всеми путями и средствами, ибо по голодным товарам, при явном превышении спроса над предложением, есть полная возможность накидку на отпускные цены перевести даже в двойном, тройном размере на потребителя, каковым в отношении этих товаров, во всяком случае не меньше, чем наполовину, является деревня.

Аграристы прямого тезиса, подобного сверх'индустриалистам, не выставляют, но если расшифровать их политику ослабления монополии внешней торговли, политику, которая пытается изжить товарный голод за счет притока недостающих товаров извне и, отдавая на заклание нашу промышленность, довольствоваться аграрным характером нашей страны и ее хозяйства, то станет ясно, что эта позиция представляет, в сущности, обратную линию,—линию усиления сельского хозяйства за счет промышленности, как путем снижения в целях конкуренции с иностранными промтоварами цен на промтовары ниже себестоимости, так и путем соответствующего повышения сельскохозяйственных цен, благодаря широкому свободному экспорту излишков сырья и сельскохозяйственных продуктов за границу. И при этой позиции мы опять-таки имеем в рыночной сфере противопоставление и борьбу города и деревни, имеем, в конечном счете, отказ от планового регулирования, имеем свободу движения цен, тем

более, что снятие монополии подчинило бы наш рынок, в значительной мере, иностранному торговому, промышленному и финансовому капиталу.

Ни та, ни другая позиция для партии и советской власти не приемлема. Подобные уклоны являются не чем иным, как выражением паники, отчаяния, неверия в возможность социалистического строительства в нашей стране, являются отрицанием тех успехов в области обобществления и индустриализации хозяйства, какие мы уже имеем и какие, по мере дальнейшего развития индустриализации и коллективизации хозяйства, могут и должны дать все более значительное преобладание в нем социалистических элементов. Партия, вопреки этим паникерским уклонам, выдвигает задачу дальнейшего планового охвата рынка и соподчинения частного торговца государственной торговле и кооперации, владеющим $^9/_{10}$ опта. Сосредоточивая в каналах гос-торговли и кооперации возрастающие массы промышленных товаров, твердо удерживая в своих руках регулятор внешней торговли, мы должны усиливать планово-регулирующее воздействие на ценообразование и движение цен, чтобы таким путем устанавливать необходимые соотношения и темпы роста промышленности и сельского хозяйства.

В настоящих условиях наша политика цен должна исходить из следующих предпосылок. Во-первых,—из факта товарного голода. Товарный голод все еще сохраняет свою силу, хотя и число товаров, на которые он распространяется, постепенно суживается, и при правильной политике заработной платы и планомерной реализации урожая растягивается во времени спрос на товары, и тем самым смягчается несоответствие между спросом и предложением. Не следует забывать и того, что, хотя и размеры товарной массы, недостающей для полного снабжения города и деревни по некоторым подсчетам растут, недостаток этот относительно легче воспринимается, поскольку общий уровень потребления из года в год растет весьма заметно (за последний год проц. на 10 по городу и деревне). Наконец, прочная валюта при соответствующей эмиссионной политике, при строгом регулировании внешне-торгового баланса и валютных расчетов, содействует обращению известных количеств накопляемых деревней ценностей в прямое денежное накопление, в займы и т. д. Тем не менее товарный голод остается немаловажным фактом, так как основные предметы потребления деревни, а отчасти и города—текстиль, кожа, металл и строительные материалы, все еще им охвачены.

Во-вторых, следует исходить из факта некоторого нового раздвижения «ножниц» между городом и деревней, особенно, если брать не формальные «ножницы» по оптовым и розничным индексам, а брать эквиваленты между ценами на хлеб и основные промтовары, а еще лучше, если сопоставлять заготовительные цены на основные продукты сельского хозяйства с ценами уездных городов и деревни на промтовары. Раздвижение «ножниц» получилось этим летом и осенью в результате значительного падения хлебных цен, при росте, вплоть до мая—июня, промышленных цен, которые в дальнейшем стабилизировались с тенденцией к снижению.

В-третьих, следует исходить из факта оптово-розничных «ножниц». В среднем по всем товарам они несколько за последний

год сокращаются, но по промтоварам торговые накидки все еще удерживаются на высоком уровне, что вызывает чрезмерное отложение средств в сфере обращения, усиливает частное накопление и усиливает раствор «ножниц» между городом и деревней.

Наконец, в-четвертых, необходимо исходить из факта продолжающегося вплоть до осени этого года раздвижения уровней мировых цен и цен нашего Союза, при чем общий уровень наших цен продолжал расти, тогда как уровни цен Соединенных Штатов, Англии, Германии и других стран постепенно, из месяца в месяц и из года в год, снижались. Это является, между прочим, основной причиной затруднений в области экспорта, низкой его рентабельности, недостаточной стимуляции его развития. Такое расхождение цен приводит нас в итоге к значительному отрыву от мирового хозяйства, что весьма трудно совместить с нашими задачами индустриализации, по крайней мере, на первое время, когда мы чрезвычайно нуждаемся в тех технических средствах, какие нам может дать иностранный рынок. Нечего добавлять, что слабый экспорт вызывает пассивность внешне-торгового баланса, вместе с тем осложняет наши валютные расчеты, заставляет нас вывозить за границу золото. Это в свою очередь создает затруднения также и в отношении внутреннего денежного рынка, несмотря на твердую кредитную политику и максимальное ограничение эмиссии, что в общем за последние месяцы значительно упрочило наш рубль и подняло его покупательную способность.

Уже перечня этих предпосылок достаточно для того, чтобы сделать вывод о том, какой должна быть наша политика цен. Ясно, что достигнуть сжатия «ножниц» между городом и деревней, а также и сокращения той доли прибыли, которая остается в сфере обращения, наконец, достигнуть усиления экспорта и вместе с тем импорта, можно лишь при линии на систематическое, настойчивое снижение уровня розничных цен. Только при этом условии мы получаем возможность дальнейшего снижения заготовительных сельскохозяйственных цен—в противном случае, мы подходим к пределу того их снижения, за которым (пределом) хлебные и особенно сырьевые цены становятся для крестьянства разорительными—только при этом условии мы можем реально сократить торговую накидку и вместе с тем большее количество средств оставить для производства. Наконец, только при общем курсе на постепенное снижение общих уровней цен, как розничных, так и оптовых, и, особенно, по экспортным товарам, мы можем добиться рентабельности экспорта и вместе с тем его усиления.

Таков основной вывод из наличных предпосылок. Однако, следует сделать ряд существенных оговорок, уточняющих нашу основную политику цен. В отношении сельскохозяйственных товаров, в особенности в отношении группы экспортных товаров, по которым процент накидки пока не является особенно высоким, нам не следует гнаться за слишком быстрым снижением этой накидки, ибо это может вызвать также и усиление внутреннего потребления этих товаров. Стремясь всячески к снижению розничных цен на основные продукты потребления—хлеб, мясо, растительное масло, соль, сахар, ситец, посуду и некоторые другие массовые товары, мы не должны слишком снижать уровень цен на такие предметы потребления, как сливочное масло, та-

баки, особенно табаки высоких сортов, пушнина и т. п. Соответствующей системой железнодорожных тарифов мы должны сосредоточивать эти наиболее ценные экспортные товары преимущественно в портах, ограничивая сравнительно высокой ценой внутреннее их потребление. Однако, для полной ясности подчеркнем, что такая политика цен отнюдь не требует усиления торговой накидки по этим товарам: лучше надбавку отдавать в виде добавочного тарифа для внутренних рынков транспорту, снижая чисто торговые накладные расходы.

Что касается в отдельности сырья, то, в виду несоответствия между сырьевыми и хлебными ценами, во всяком случае вплоть до этой осени не следует гнаться, как это сплошь и рядом любят делать наши торговые органы, когда на них сверху давят по части снижения продажных цен, за чрезмерным снижением заготовительных цен на сырье. Такая политика цен—это подпиливание того сука, на котором сам сидишь. Не секрет, что промышленность наша в большинстве отраслей легкой индустрии не может даже полностью себя нагрузить, вследствие острого недостатка сырья; и вместе с тем не секрет, что благодаря чрезмерному снижению заготовительных сырьевых цен, при растущих промышленных ценах, замедлился темп развития технических культур и скотоводства. Снижая относительно высокие хлебные цены и всячески снижая уровень розничных промышленных цен, мы должны сырьевые цены в общем и целом сохранять на прежнем уровне, что будет означать относительный их рост, как по сравнению с ценами хлебными, так и промышленными, и вместе с тем создание новых стимулов для развития соответствующих отраслей сельского хозяйства.

В отношении промышленных товаров приходится выделить в особую категорию недостаточные товары, по которым политика цен никоим образом не должна приводить к повышению отпускной цены, ибо такое повышение целиком или в главной своей части перенеслось бы на розницу, сокращая в то же время спрос на достаточные промтовары, ибо соответствующая часть покупательной способности города и деревни поглощалась бы добавочной накидкой на голодные промтовары. В то же время нельзя требовать снижения отпускной цены по этим товарам, ибо это явилось бы лишь переброской известной доли средств из промышленности в торговлю, не давая прямого эффекта в виде снижения розничных цен. Исходя поэтому из стабильности отпускных цен, следует повести линию на сосредоточение основной массы до 80—90% голодных промтоваров в каналах государственной торговли, и главным образом, в каналах кооперации, действуя методами планового завоза и генеральных договоров между кооперацией и синдикатами. Подобное сосредоточение в обобществленном секторе торговли голодных товаров сократит, с одной стороны, операции с ними частника и вместе с тем его долю прибыли от этих товаров, главное же,—позволит нам установить социальный принцип распределения этих товаров, продвигая их, в первую очередь, к потребителю—рабочему и крестьянину, особенно в главные промышленные и производящие сельскохозяйственные районы. Политика эта в значительной степени оправдала себя в прошлом году и лишь недосмотр за всякого рода кредитными органами, торгами, акционерными обществами и той же кооперацией создал возможность частнику овладеть всякими обходными путями чуть ли не 40% мануфактуры

и значительными количествами других голодных товаров. Запрещение банкам производить торговые операции этими товарами, решительный нажим по всей линии на кооперацию, усиление ее доли в получении этих товаров и соответственное сокращение доли торгов и акционерных обществ, строгое регулирование доли, отпускаемой частнику, со все более и более усиленным нажимом на него в смысле соблюдения им обязательной накидки,—все это должно значительно изменить положение к лучшему. При такой политике распределения недостающих товаров, мы имеем возможность, вопреки соотношениям спроса и предложения, добиваться снижения розничных цен и сокращать долю торговой накидки, сжимая в то же время «ножницы» между городом и деревней, раствор которых идет, главным образом, по линии этих товаров.

Что же касается достаточных товаров, то в этой области главный удар должен быть сделан по той же торговой накидке, путем ее пересмотра в сторону сокращения, особенно по линии организационных, погрузочных, складских и т. п. расходов. Однако, необходимо отметить, что по ряду этих товаров розничные цены уже и теперь являются не чрезмерными и даже при расчете на хлебные эквиваленты относительно приемлемы по соли и сахару, по керосину же стоят даже ниже довоенных эквивалентов.

Задача индустриализации диктует нам повелительным образом сокращение торговой накидки и вместе с тем некоторое оседание средств в сфере обращения. Достаточно для представления о том, какую долю средств поглощает торговля, отметить, на основе контрольных цифр Госплана, что вся торговая накидка, составляющая в среднем по промышленным и сельскохозяйственным товарам 29%, дает сумму 4,7 миллиардов рублей в истекшем хозяйственном году и 5,0 млр. рублей предположительно в будущем хозяйственном году. Из этой последней суммы следует вычесть около 1.100 млн. руб. акциза и около 1.000 млн. руб. на оплату грузовых транспортных тарифов. Остается, таким образом, около 2.900 млн. рублей чистой торговой накидки. Несомненно, что при обороте в предстоящем году ценностей по ценам производителя в размере 17,5 млр. руб., такая доля торговых расходов, почти в два раза превышающая довоенные нормы, является совершенно непосильной для нашего хозяйства. Несомненно, из этих 2,9 млр. от 300 до 500 млн. можно забрать путем сокращения торговой накидки без всякого ущерба для торгового аппарата и товаропроводящей сети. Достаточно отметить, что одни выборные органы кооперативной системы всех видов стоят нам в год около 90 млн. руб. Несомненны также чрезмерно превышенные организационные расходы по излишне раздутым штатам торгового аппарата, ряд звеньев которого можно без ущерба упразднить. Высоки также погрузочно-разгрузочные и складские расходы благодаря низкой производительности труда в этой области и т. д. Нужно всячески нажать по всем этим линиям, чтобы высвободить часть средств, которые могли бы быть использованы для повышения тарифов (но без малейшего повышения цен) на пополнение дефицитного транспортного бюджета, в главной же своей части, конечно, на нужды индустриализации. Задача оздоровления товаропроводящего аппарата и сети становится, в силу указанных причин, решающей, ударной задачей на предстоящий год,—задачей, требующей си-

стематической кампании по сокращению накладных торговых расходов.

Другим основным условием для индустриализации страны является производственный импорт, главным образом, в виде оборудования, отчасти и в виде сырья и полуфабрикатов. Импорт этот буквально режется ограниченным до-нельзя экспортом, при достижении в отношении внешнего товарооборота всего лишь 40% от довоенного. Главным препятствием для развития экспорта являются отмеченные выше соотношения между мировыми и нашими ценами, а также и рост внутреннего потребления, сокращающий экспортные излишки. Отсюда вывод: во-первых, снижение заготовительных хлебных цен для достижения рентабельности экспорта, также снижение заготовительных цен по некоторым другим видам сельскохозяйственной продукции, где это возможно без ущерба для развития соответствующих отраслей производства. Во-вторых, снижение непомерных накладных расходов, особенно на заграничных рынках; в-третьих, применение экспортных премий и других поощрительных мер в виде специальных экспортных тарифов и т. д. Вот те меры, какими мы должны добиться максимального усиления экспорта. Попытка разрешить вопрос изменением валютных паритетов должна быть решительно осуждена, ибо это, в сущности, свелось бы к ослаблению монополии внешней торговли. Валютный паритет сам по себе не вызывает никаких особых затруднений для страны в целом, ибо то, что от паритета теряет экспортер, выигрывает импортер. Нужно лишь справедливо распределять убытки и прибыли от тех и других операций, что вполне нам доступно, так как 97% всего внешнего товарооборота находится в руках государственно-кооперативного аппарата. Лишь при твердом валютном паритете и прочном его обеспечении валютными резервами, которые мы должны накопить в этом году, а также усилении покупательной способности червонца на внутреннем рынке, мы можем добиться повышения кредитов за границей и в то же время большей рентабельности экспорта. Все эти мероприятия должны дать нам максимальные выгоды в смысле усиления темпа индустриализации и вместе с тем в смысле изживания товарного голода. Ввоз из за границы сырья, нехватающего для нашей легкой индустрии, позволит нам нагрузить ее настолько, что даже при нынешнем состоянии техники товарный голод, несомненно, будет смягчен.

Такова основная линия нашей политики цен в настоящих условиях. Попытки оппозиции изменить эту политику осуждены на явный неуспех и непопулярность в широких массах. Ни рабочий, ни крестьянин не поверит, что при повышении отпускных цен не повысится цена розничная, и что от общего повышения цен улучшится прочность денежной системы и вместе с тем улучшатся взаимоотношения между городом и деревней и сократятся излишние торговые накидки. Не по линии наименьшего сопротивления нужно нам итти, а, напротив, по линии энергичнейшей борьбы за оздоровление торговли, энергичнейшей борьбы за снижение розничных цен, сжатия «ножниц», форсирования экспорта. Только этим путем мы разрешим наши современные затруднения и в то же время достигнем максимального усиления социалистических элементов в хозяйстве, максимального ускорения темпа индустриализации.

А. Айхенвальд.

„Против Каутского и Ленина" или вместе с Каутским против Ленина?

(*Об идеологическом существе германских ультра-левых*).

Орган прародителей современных немецких ультра-левых—«Коммунистише Арбейтерцейтунг» (листок полумертвой «Коммунистической рабочей партии Германии»—КАРД)—несколько месяцев назад писал, что наиболее дальновидные из левых товарищей КПГ уже понимают, что «борьба против Каутского и Ленина есть не больше, не меньше, как борьба за революционизирование ориентирующихся на реформизм рабочих масс, есть не что иное, как борьба за необходимую для победоносного совершения социальной революции политическую подготовку пролетариата». Прошло немного времени, и ряды «борцов против Каутского и Ленина», ряды «пролетарских антибольшевиков»—как рекомендуют себя авторы этой же статьи—пополнились ценным приобретением. Иван Кац, этот блудный сын ганноверского муниципалитета, сначала сменивший скромную должность заведующего библиотекой городского совета на полную треволнений работу коммунистического депутата рейхстага, а потом, после неприятностей с неоценившим его способности и заслуги ЦК ГКП, вновь постучавшийся в двери «господина обер-бургомистра Ганновера»—исключенный из ГКП ренегат Иван Кац полностью и целиком перешел на позиции махрового, неприкрытого «ультралевого» меньшевизма, кичащегося своей «ортодоксальной» контрреволюционностью и одновременно пытающегося выдавать себя за единственно неподдельно пролетарское направление. Профессор Корш и учитель гимназии Шварц—теперь, кстати сказать, разодравшиеся друг с другом и вполне правильно квалифицирующие один другого как «интеллигент» и «мелкий буржуа», немного спустя после Каца были тоже исключены из КПГ и немедленно скатились в общую ультра-левую лужу. Отличие Корша от Каца, по сути дела, только в том, что Кац с бульварной откровенностью прямо нападает на Ленина и ленинизм, прямо говорит, что ленинизм есть крестьянское учение, враждебное пролетариату, а Корш свои нападки прикрывает лицемерными ссылками на «учение Маркса, Люксембург и Ленина» и во всем винит «ликвидаторов Коминтерна» Сталина и Бухарина. Подголосками этих окончательно самоопределившихся господ выступают вне партии Рут Фишер и Маслов, а внутри партии—Урбанс и Вебер. И вся эта цепь ультра-левых крикунов становится в позу истинно-пролетарских революционеров, борющихся против реформизма и оппортунизма

во всех оттенках, начиная с Каутского и кончая [illegible] начиная с германской социал-демократии и кончая [illegible] рованным Коминтерном», руководимым ВКП с ее «к[illegible] королем Сталиным» (Кац). [illegible]

Если попытаться вскрыть, какое же идеологическ[illegible] жание скрывается за политиканской трескотней этой мног[illegible] но по сути дела, единомыслящей брагии, то, прежде все[illegible] ткнешься на отсутствие сколько-нибудь серьезного изучени[illegible] тов, сколько-нибудь основательного обоснования выдвигаем[illegible] ложений, лозунгов, обвинений и пр. Идейное убожество, [illegible] лительная импотентность, неумение сказать хоть что-нибу[illegible] вое, оригинальное, интересное—вот отличительная черта уль[illegible] левой идеологии. За неимением собственных мыслей ультра-левые поверхностно и нудно изглагают старые, поношенные социал-демократические или полусиндикалистские теории и жадно подхватывают об'едки с меньшевистского стола или из оппозиционной кухни, смешивая все это в «эклектическую похлебку», щедро посыпанную солью дешевой «левизны». При этом они думают, что они сказали последнее слово революционной полигики. Но они, конечно, ошибаются: оппоргунизм, даже подмалеванный в ярко красные тона, останется оппортунизмом. Меньшевистского шила в гнилом ультра-левом мешке не утаишь!

Возьмем центральную линию различия между оппортунизмом и революционным марксизмом (большевизмом) и посмотрим, где окажется ультра-левая идеология. Будет ли она в основном и решающем вопросе по ту сторону водораздела, в сфер[illegible] господства социал-демократической идеологии, или ее можно будет признать хотя бы в основном революционной пролетарской идеологией.

В замечательном наброске, касающемся кооперации,—в наброске, опубликованном в «Правде» от 3-го июля с. г., Ленин дал точное и глубокое определение двух направлений в рабочем движении. «Рабочий класс при существовании капитализма проявлял две тенденции в своей политической и экономической деятельности. С одной стороны, это была тенденция удобно и сносно устроиться при капитализме, что было осуществимо лишь для небольшой верхней прослойки пролетариата. С другой стороны—это была тенденция *стать во главе всех трудящихся масс для революционного ниспровержения господства капитала вообще*».

Или гегемония (руководство) пролетариата трудящимися массами в революции, или тенденция «устроиться при капитализме»,—так ставил Ильич вопрос о выборе путей рабочего движения.

На XI с'езде партии, в 1922 г., Ленин подчеркивает эту же мысль специально в применении к строительству социалистического хозяйства. «В народной массе мы все капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого *коммунистическая партия не будет вести пролетариат, а пролетариат не будет вести за собой масс, и вся машина развалится*» [1]. И в другом месте той же речи: «Если мы капитализм побьем и *смычку с крестьянской экономикой создадим*, тогда будем абсолютно непобедимой силой. И тогда *строи[illegible]ство социализма не будет делом капли в мо[illegible]ре, на[illegible]зывающейся коммунистической партией, [illegible] трудящейся массы*»... [1]).

[illegible]з все эти места красной нитью проходит мысль, соста[illegible] основную суть пролетарской революционной политики. [illegible] класс может выполнить свою историческую революцион[illegible]миссию, только став во главе всех трудящихся масс. Наобо[illegible] отказ от революции и ограничение борьбы рабочих целью «[illegible]но и сносно устроиться при капитализме» прямым путем в[illegible] к замыканию пролетариата в рамки цеховой ограничен[illegible] ведет к отказу от борьбы за руководство крестьянством. [illegible]казу от соединения пролетарской борьбы за социализм с борьбой миллионов угнетенных трудящихся (в первую голову крестьян) за свое освобождение. «Чисто пролетарская» тактика в таком ее понимании есть трэд-юнионистская, антиреволиционная, соглашательская, лжепролетарская тактика. Подлинно-революционная тактика состоит в том, что пролетариат — даже ценой уступок, даже путем маневров, лавирования, компромиссов—завоевывает и обеспечивает руководство движением всех других слоев трудящихся «для революционного ниспровержения господства капитала вообще».

Конечно, меньшевистские теоретики всех оттенков издавна отрицали эту ленинскую постановку вопроса. Для них политика союза с трудящейся массой мелкокрестьянского типа в борьбе за революцию и стремление «*ужиться*» с ней и «перевоспитывать» ее постепенной работой в период пролетарской диктатуры были явным, очевидным, вопиющим доказательством мелкобуржуазности и даже «антиреволюционности» большевизма. Чтобы не забираться в слишком седую древность, приведем пример актуальных и свежих меньшевистских постановок вопроса.

Пауль Леви в своей статье по поводу июльского пленума ЦК и ЦКК («Лейпцигер Фольксцейтунг» от 30/VII—26 г.) писал следующее: «Основной мыслью того, что теперь большевики называют ленинизмом..., является тот тезис, что советское государство в силу своей особой организации представляет амальгаму между крестьянином и рабочим и их интересами (автору угодно говорить «амальгама», тогда как у ленинцев речь идет о союзе с крестьянством *при руководстве* пролетариата и т. д.; в цитате, однако, наиболее характерно не это вульгарное «истолкование» ленинизма, а следующие строки. *А. А.*). Мы были того воззрения, что *особые* интересы рабочих в конечном счете, социализм, *стоят в противоречии* к существованию крестьянской собственности, что идентичность между интересами крестьян и рабочих только видимая и что дальнейшее развитие русской революции будет *обострять это противоречие* и оформлять его фактически. *Идею солидарности интересов* мы считали *коалиционной идеей* только в несколько другой форме»,—наставительно замечает «несоглашатель», «противник» коалиций, «чисто пролетарский» «революционер» Леви. Для него, для этого «непримиримого пролетарского борца» оппортунизмом представляется не только коалиция с крупной буржуазией. Нет, он храбро и последовательно идет дальше, он не согласен с «гениальным оппортунизмом Ленина», он против коа-

---

[1]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 55, курсив наш.

[1]) Там же, стр. 40—41, курсив наш.

лиции также и с крестьянством. Разве он не «левей» Ленина? Кто после этого смеет назвать его предателем?

Леви продолжает философствовать дальше—и при этом не может не поцеловать своими жирными ренегатскими губами нашу оппозицию. «Для нас же в Западной Европе, которые видят вещи издалека, одно ясно: наша позиция есть позиция оппозиции. Часть старой гвардии большевиков и, повидимому, рабочие в России возвращаются от всех коалиционных сумятиц к основным мыслям марксизма...

В России опять начинается самостоятельное противокапиталистическое классово-боевое рабочее движение». По Леви оно сводится к «защите социализма против наступающего крестьянства» (курсив всюду наш).

Постановка вопроса совершенно ясна. Социалистический пролетариат в своей борьбе не может иметь ничего общего с собственническим крестьянством. Не в том дело, что между рабочими и крестьянами есть противоречия, которые временами могут приводить и приводят к обострениям. Это признает и ленинизм. Леви говорит другое: противоречия между рабочими и крестьянами непримиримы, развитие революции будет все более и более «обострять» эти противоречия. Крестьянин неизбежно будет против социализма. Подлинно социалистическое классовое рабочее движение мыслимо только как «самостоятельное», т.-е. обособленное от крестьянства и даже враждебное ему движение («защита социализма против крестьянства»).

Читателю, знакомому с нашей партийной литературой, «что-то чудится родное» (если и не родное, то во всяком случае хорошо знакомое) в этой «песне» социал-демократического «ямщика».

Ведь рассуждения Леви вплотную приближаются к известным заявлениям Троцкого о том, что российский пролетариат, перейдя границы буржуазно-демократической революции, неизбежно «придет во враждебное столкновение не только со всеми группировками буржуазии, которые поддерживали его на первых порах его революционной борьбы, но и с широкими массами крестьянства, при содействии которых он пришел к власти». И там, и тут интересы социалистической диктатуры пролетариата представляются прямо и непримиримо противоречащими интересам широких крестьянских масс. И там, и тут строительство социализма в хозяйственном союзе с крестьянством самым очевидным образом исключается. Ведь крестьянин—мелкий собственник, ведь крестьянин—не пролетарий, как же можно, сохраняя чистоту пролетарских риз «уживаться» с ним без классовой борьбы, «поглощения», эксплоатации и других страшных вещей, с таким вкусом описанных т. Преображенским в его «Новой Экономике».

Не нужно большого напряжения мысли и памяти, чтобы вспомнить, что и Медведев не слишком далеко ушел от такой же постановки вопроса. Ведь и для него разговоры о смычке равносильны отказу от пролетарской политики, ведь и для него середняк-«деревенщина» почти-что классовый враг, об интересах которого не должна заботиться подлинно-классовая пролетарская политика. Можно было бы привести еще целую вереницу примеров, говорящих об одном и том же. Все меньшевистские, неленинские, оппортунистические теории своей общей основой имеют отказ от политического, а также и хозяйственного руководства широкими трудящимися массами, признание невозможности для пролетарского авангарда «связаться, сблизиться до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой трудящихся, в первую голову пролетарской, но также и непролетарской трудящейся массой» [1]) (курсив Ленина). Одни из них из этой общей предпосылки делают откровенные трэд-юнионистские выводы; другие, с одной стороны, боятся прямо отказаться от социалистической перспективы, а с другой стороны, не решаются поставить вопрос о революционной гегемонии пролетариата. Поэтому они ограничиваются жалким бормотаньем о том, что пролетариат пока еще—меньшинство в населении, что поэтому он еще не может брать власти, а должен еще обождать, не торопиться, не волноваться, ограничивать свою борьбу рамками капитализма; наконец, трети, не понимая подлинных путей революции, не имея твердой революционной основы, бросаются в политический авантюризм, пытаются строить теории социалистической революции, проводимой одним только сознательным пролетариатом без поддержки всех трудящихся масс, колеблются между путчизмом и пессимизмом, между радужной восторженностью и мрачным отчаянием, подменяют реальный анализ обстановки истеричными воплями или псевдореволюционной однообразной декламацией,—словом, пытаются левой фразой прикрыть свой первородный оппортунистический грех, свой антиреволюционный исходный пункт, свое непонимание центрального положения стратегии и тактики пролетарской революции. Они кажутся страшно левыми, они кажутся, как небо от земли, далекими от трэд-юнионизма и социал-демократизма, но на самом деле основа у всех у них общая, на самом деле оппортунизм един в трех лицах, и его ультра-левое лицо ничем не лучше, чем два других. Нет никакой трудности документально, с фактами и цитатами доказать, что ультра-левая идеология совершенно не понимает необходимости руководства пролетариатом над всей трудящейся массой, считает союз с крестьянством мелкобуржуазной затеей и всю свою «р-р-революционность» строит на цеховой, узкой, замкнутой основе. Вот, например, лозунг, выставляемый Коршем в циркулярном письме своим сторонникам: «не двусмысленное требование рабоче-крестьянского правительства», а «единовластие революционного рабочего класса». В другом документе (в резолюции имперского фракционного совещания группы Корша еще в апреле с. г.) Корш еще яростнее нападает на лозунг рабоче-крестьянского правительства, называет его «компрометирующим», заявляет, что он «в настоящий период уже не годится» и требует «противопоставить» «чистобуржуазным и буржуазно-реформистским правительственным комбинациям» исключительно рабочее, вполне революционное правительство.

Очевидно, это вытекает из того, что «даже лучшее рабоче-крестьянское правительство, какое до сих пор существовало, русское, в конце концов оканчивается не диктатурой пролетариата, а напротив того, диктатурой против пролетариата (Караул! Плагиат у меньшевиков без ссылки на источник! *А. А.*), диктатурой кулаков» (из циркулярного письма).

«Коммунистише Арбейтерцейтунг» в уже цитированной статье еще яснее формулирует «ультра-левую» точку зрения: «С раз-

[1]) Собр. соч. т. XVII, стр. 118.

витием нэпа все более и более ясным становится классовое противоречие между обладающими лишь рабочей силой пролетариями и владеющей землей крестьянской массой СССР».

В другом номере той же газетки (№ 60) написано, что в СССР «нищета и безработица пролетариата есть источник... из которого крестьяне создают свою прибавочную стоимость и свое обогащение». «Лозунг—ленинское единство—равносилен подчинению пролетариата крестьянству, равносилен отказу от самостоятельной классовой политики пролетариата». Как видит читатель, тут ультра-левые почти слово в слово повторяют Леви. «Программа есть только у ленинизма,—пишет «Коммунистише Арбейтерцейтунг», говоря о борьбе между оппозицией и ЦК ВКП и справедливо противопоставляя оппозицию ненавистному ленинизму,—это программа враждебного пролетариату класса, программа крестьянства и капитализма».

Будучи глубоко убеждены, что трудящиеся мелкокрестьянского типа являются «классовыми врагами» пролетариата и наивно считая, что такая точка зрения подлинно левая, впервые ими «открытая», ультра-левые, с позволенья сказать, «идеологи» применяют это положение ко всем политическим вопросам, как Советского Союза, так и Германии.

Так, например, конгресс трудящихся представляется им предприятием, наглядно доказывающим то, что германская коммунистическая партия идет «семимильными шагами к мелкобуржуазной партии»[1]). «Решительные левые» мечут громы и молнии и называют в своей «резолюции о положении в К. И.» конгресс трудящихся «пресловутым» и «бесклассовым».

Однако, $^{9}/_{10}$ своего совсем не благосклонного внимания ультра-левые уделяют не Германии, а Советскому Союзу, этому гнезду «сталинской банды», «ликвидаторов Коминтерна», «окулачившихся коммунистов», «нэповского большевизма», «бухаринских красных профессоров» и прочих ужасов современного рабочего движения.

Тут разоблачениям ультра-левых нет конца, и тут они наиболее рельефно выявляют оппортунистическое ядро своей идеологии. Прежде всего они единым махом об'единяют крестьянство с капиталистами в один враждебный пролетариату лагерь. Так, в одной из своих резолюций Корш пишет: «Результаты XIV партс'езда РКП послужили началом основной перестройки русской экономики и политики в сторону опоры на имущих капиталистически хозяйничающих середняков, которых трудно отличить от кулаков». В другой резолюции—уже по поводу «положения в Коминтерне» в связи с июльским пленумом ЦК и ЦКК—«решительные левые» (коршевцы) пишут, что «новая демократия советского государства» ослабляет влияние пролетариата и компартии и усиливает «собственнические классы (крестьян и частных капиталистов)»—совсем в духе т. Преображенского, буквально ставя за одни скобки все «частно-собственнические элементы» Советского Союза. В этом пункте Урбанс ни на шаг не отстает от Корша: «Настоящая тактика в России,—говорил он в июле с. г. на конференции партийных работников Берлина,—ведет к экономическому усилению середняка за счет пролетариата... Речь идет о том, чтобы в деревне поднять классовую борьбу бедных крестьян против середняков и кулаков». Наконец, «меморандум веддингской оппозиции и группа Урбанса» по русскому вопросу поносит «большинство ЦК» за то, что оно будто бы облегчило доступ в советы «мелкобуржуазным и контрреволюционным элементам»—очевидно не сомневаясь, что мелкобуржуазные трудящиеся массы ничем не отличаются от заядлых контрреволюционеров.

[1]) Так называется одна обличительная статья против КПГ в № 15/16 «Коммунистише Политик» Корша.

Таким образом, ультра-левые Мальбруки зачисляют середняка в капиталисты и с барабанным боем и трубными звуками открывают целый поход на середняка, бросая ВКП тяжелейшие обвинения за непролетарскую тенденцию сохранить и укрепить прочный союз с этим презренным мелким буржуа. Все внутреннее взаимоотношение социалистического и крестьянского хозяйства в СССР представляется воинственным ультра-левым в виде «борьбы с имеющейся налицо мелкобуржуазной анархией на товарном рынке», борьбы, которая «облегчается» благодаря «занятию важнейших постов в государстве и центральных хозяйственных учреждениях».

О каком-либо хозяйственном союзе и руководстве по отношению к массе мелкобуржуазных товаропроизводителей ультралевые авторы «Меморандума» и не подозревают. Вернее, они подозревают о нем и считают его доказательством того, что «нэп, явившийся с самого начала уступкой мелкобуржуазным крестьянским массам, должен был повести к дальнейшим уступкам».

В качестве обоснования своего утверждения, что Коминтерн переживает ликвидаторский кризис, ультра-левые ссылаются на то обстоятельство, что стала возможной теория, расценивающая нэп, как «прямую и единственно верную дорогу к победе социализма над всеми несоциалистическими хозяйственными формами».

Подобное положение кажется им чудовищной попыткой «ликвидировать коммунизм», против которой должны восстать все «левые элементы Коминтерна».

И вот сами ультра-левые, воображая себя подлинными и единственными последовательно-революционными пролетарскими борцами, бросаются в бой против гидры мелкобуржуазного перерождения, против «сталинизма», против «окулачивания», против крестьянства, за пролетариат, за «самостоятельную», «особую», «чисто пролетарскую» политику.

Прежде всего их гневные взоры обращаются в сторону СССР. С разной степенью резкости ультра-левые всех сортов и оттенков заявляют, что в Советском Союзе происходит «окулачивание» государства, «окрестьянивание» партии, капитализация хозяйства.

«За пять лет существования нэпа сильно возросло значение частного капитала и сила вновь возникающей городской и в особенности сельской буржуазии».

Так пишут авторы «Меморандума по русскому вопросу», умалчивая о том, что по относительному значению роль частного капитала понизилась и продолжает понижаться, благодаря наступлению социалистических элементов советского хозяйства. Признавая улучшение положения рабочего класса, «Меморандум» вместе с тем утверждает, «что внешнее улучшение положения рабочего класса отстает по сравнению с улучшением жизненных условий новой буржуазии». И вот. в этой обстановке роста нового

капитализма «большинство ВКП считает, однако, правильной политику предоставления уступок богатым крестьянам (расширение избирательных прав, облегчение налогов для богатых крестьян (вот уж действительно пальцем в небо. *А. А.*), отказ от притеснения «крестьянских союзов» (?), которые, повидимому, являются исходным пунктом контрреволюционных классовых партий и пр.)».

Вставший на путь кулацкого вырождения ЦК ВКП замышляет ликвидацию Коминтерна:

«Ликвидаторские тенденции, все более усиливающиеся среди всех партий Коминтерна, не находят противодействия в большинстве ВКП, напротив, действия и теория большинства ВКП даже усиливают ликвидаторские тенденции Коминтерна».

Если меморандум Урбанса и Вебера не решается поставить все точки над i и четко формулировать свои обвинения, то Коршу и Кацу стесняться не приходится. То, что у Урбанса—Вебера в уме, то у Корша—Каца на языке.

III Интернационал «пошел стезей банкротства» «благодаря экономической основе, на которой он построен» — так вещает кацевская «Коммунистише Арбейтерцейтунг». «Этой экономической основой является Россия с ее 120-милл. крестьянством и 6-милл. пролетариатом». III Интернационал «ныне служит выражением мелкобуржуазной страны, сдавшей в архив пролетарскую революцию и приступившей к «строительству» на основе капиталистического товарного производства и индивидуального крестьянского хозяйства».

Напрасно русские коммунисты пытаются выдать возрождение капитализма в России за строительство социализма—обличают «решительные левые» ЦК ВКП.

«Социализм и коммунизм в России больше не развиваются, напротив, там теперь восстанавливается только капиталистическое хозяйство в форме государственного капитализма и вновь возникающего частного капитализма».

И отсюда коршевцы делают свой последний заключительный вывод, выставляют свой важнейший боевой лозунг. Предоставим слово Гивану, неудачно отстаивавшему на ячейке берлинского предприятия «Консум» «сверхреволюционную» точку зрения «последовательных» и «решительных» левых. «Весь порядок государства и общества в России находится уже в настоящее время под ясным знаком реакции, и пролетарская диктатура совершенно открыто сокращается... В виду этого ячейка «Консума» об'являет свою солидарность с политически и экономически лишенными прав массами пролетариата и призывает к самой острой классовой борьбе в городе и деревне, чтобы таким образом подготовить вторую революцию для свержения власти кулаков и нэповской буржуазии и восстановить действительную диктатуру пролетариата».

Круг закончен. Сказано все, что ультра-левые хотят и могут сказать. Цель ясна, программа формулирована. Остается только собрать все живые силы под знамя «второй революции» и ринуться в решительный бой с реакционной, кулацкой, нэповской советской властью.

Но, ультра-левые господа, собирая свои силы, не забудьте захватить с собою тех, кто в течение нескольких лет повторяет то, что теперь вы написали на своем знамени. Ваши теории, как

две капли воды, похожи на теории международного меньшевизма. Ваши призывы ко «второй революции» звучат так же, как призывы Каутского к контрреволюции. Ваши обвинения взяты из социал-предательской прессы, ваше оружие взято из социал-демократического арсенала. Ибо чем, например, отличаются следующие слова русского меньшевика Шварца из его статьи в немецком соглашательском «Форвертсе» от того, что пишете и говорите вы? [1]). «Нынешняя Россия,—писал Шварц,—в своем подавляющем большинстве есть страна мелкобуржуазная, строящая свое хозяйство, разоренное войной, и в особенности гражданской войной, преимущественно на частнохозяйственной основе». «ВКП постепенно независимо от своей воли становится орудием этого развития и в идеологическом и даже в общественном отношении переживает процесс обуржуазивания».

Ведь эту цитату можно перепутать с тем, что пишет «Коммунистише Арбейтерцейтунг»! Ведь вы вошли в ряды международного меньшевизма, ведь вы теперь один из его отрядов!

И в этом нет ничего удивительного. Кто исходит из общих исходных пунктов, приходит к общим выводам. Вместе с международным меньшевизмом ультра-левые видят в стремлении пролетариата стать во главе всех трудящихся тенденцию в сторону мелкобуржуазного перерождения. Вместе с международным меньшевизмом, они требуют от пролетариата обособления от широких трудящихся масс. Исходя из общего непонимания необходимости, возможности и обязательности для пролетариата СССР опираться на широкие крестьянские массы, соединить строительство социализма с их хозяйственной работой, и меньшевики и ультра-левые приходят к общим выводам, общему обвинению ВКП в крестьянском перерождении. Те, кто считают правильными утверждениями, что пролетариат может отстаивать свои классовые интересы только обособленно от остальной трудящейся массы, только против крестьянства, только в одиночку, только по цеховому,—тем, конечно, неизбежно будет казаться, что пролетариат Советского Союза подчинился крестьянству и что ВКП является партией, делающей крестьянское дело. Но ведь эти утверждения есть оппортунистические утверждения, и поэтому основанные на них обвинения есть обычная меньшевистская клевета. И как бы ни драпировалась подобная идеология в псевдо-левые одежды, пролетариат сметет ее со своей дороги вместе со всеми другими разновидностями меньшевизма.

---

[1]) «Форвертс» от 14 августа с. г.

Альфред Трэн.

Точная информация о Лилле[1]).

Тов. Бернар поместил в № 14 «Большевика» по случаю Лилльского с'езда длинную статью о рабочем движении и о французской коммунистической партии.

Я должен исправить ошибку г. Бернара не в целях полемики с ним, но потому, что русская партия и Коминтерн имеют прабо на точную информацию.

Применение принципов большевизма к точному ознакомлению с реальностью необходимо для хорошего руководства рабочим движением.

Северный район.

Бернар об'ясняет влияние, которым социал-демократия пользуется на рабочих Севера, тем фактом, что в их представлении марксистско-гедистская традиция связана с социалистической партией. Это об'яснение недостаточно.

Слишком слабое распространение нашего коммунистического влияния в Северном районе об'ясняется ошибкой, совершенной в 1920—21 гг. нашей партией, которой тогда руководил оппортунист Фроссар, находившийся в закулисной связи с анархо-синдикалистом Бернаром.

Фроссар способствовал расколу обще-национального профсоюзного движения. Затем он содействовал осуществлению при самых худших условиях раскола в низах в Северном районе. В могущественных синдикатах этого района, которые насчитывали тысячи членов и в которых мы спустя несколько месяцев завоевали бы большинство, революционные синдикалисты провели раскол и образовали тощие синдикаты.

Политика Фроссара толкнула в ряды социалистической партии прекрасные пролетарские элементы, которые были близки нам. Получилось впечатление, что виновниками раскола являются коммунисты.

Социалистические лидеры, начинавшие уже терять почву под ногами, оперлись на старые синдикаты, отданные нами им без боя, а также и на муниципалитеты больших городов и на находившиеся в их руках кооперативы. Даже в настоящее время рабочий, состоящий членом социалистической партии и имеющий тяготение к нам, может расстаться со своей старой пар-

---

[1]) Настоящая статья т. Трэна является дискуссионной. В дискуссионном же порядке была помещена и статья т. Бернара «Пути большевизации КПФ» в № 14 «Большевика»; ее дискуссионный характер по недосмотру не был отмечен редакцией. *Ред.*

тией, с которой он связан целой сетью всяких учреждений, лишь после жестокой длительной борьбы.

Лилльская демонстрация, об'единившая под нашими знаменами 10.000 рабочих, большей частью социалистов, не дает нам права строить воздушные замки.

Лишь путем настойчивой и продолжительной работы, а не посредством волшебной палочки, нам удастся, даже в нынешней благоприятной ситуации, уменьшить влияние социал-демократии на Севере.

Состав, влияние и развитие партии.

Со времени Турского с'езда влияние партии на массы увеличилось, в то время как число членов партии уменьшилось.

Эти два процесса не развивались по правильной кривой.

В разных случаях влияние партии временно падало, что нарушало правильность в общем восходящей кривой. Так, например, было во время Парижского с'езда до IV всемирного конгресса, когда мы находились на волоске от раскола, и в такое же положение мы попали в результате 11 мая 1924 г., когда иллюзии, вызванные левым блоком, продолжали развиваться в массах до тех пор, пока предательство лидеров не стало слишком заметным.

В различных случаях число членов партии сразу увеличивалось, что нарушало правильность кривой, имеющей характер нисходящий. Это произошло, например, после IV всемирного конгресса, во время оккупации Рура и после V всемирного конгресса, когда наша партия устранила Суварина, вызывавшего к себе справедливое недоверие в профсоюзном движении.

Законы развития партии не отличаются таким единообразием, как это думает Бернар. На ряду со сходными чертами, весьма общего характера, между развитием французской партии и развитием германской партии имеется глубокое различие.

Германская партия в своем развитии прошла через несколько крупных революционных движений и окрепла в борьбе против реформизма внутри политических и профсоюзных массовых организаций.

Германская партия развивалась в атмосфере единого профсоюзного движения.

Германская партия родилась из слияния спартаковского союза и левого крыла независимых в атмосфере раскола социал-демократической партии.

Французская партия развивалась в стране, которая после войны испытала лишь одно глубокое потрясение — всеобщую стачку мая 1920 года. Она должна была вести борьбу против реформизма и против анархо-синдикализма в недрах политических и профсоюзных организаций, имевших небольшое число членов и оказывавших довольно слабое влияние на широкие пролетарские массы и на мелкое крестьянство.

Французская партия развивалась в обстановке профсоюзного раскола. С другой стороны, французская партия вышла из рядов старой социалистической партии, сохранившей до Тура свое органическое единство. Затем она ассимилировала разные группы, вышедшие из анархо-синдикалистских рядов.

Я лишь вскользь касаюсь этого вопроса. Но того, что я сказал, уже достаточно, чтобы показать, что на развитие французской партии нужно смотреть через международные очки, а не через германские.

Бернар об'ясняет переход французской партии от левого социализма к настоящему коммунизму тем фактом, что 73% состава французской партии—это новые члены, вступившие после января 1925 года. Таким образом, лишь 27% наших членов имеют полуторагодичный партийный стаж, 10%, а может быть и меньше, имеют трехлетний стаж, и из тех, которые основали партию в Туре, осталась лишь кучка.

Большую часть членов нашей партии составляют рабочие, которые лишь временно находятся в ней. Наша партия функционирует в качестве фильтра, и она не сумела до сих пор удержать в своих рядах всех тех из своих членов, которых стоило удержать. Это вызывает тревогу среди лучших наших партийных работников.

И Бернар приветствует в качестве счастливого явления все то, что беспокоит нас всех, всех тех, на ком лежит ответственность за французское движение. По мнению Бернара, именно эта масса временных членов привила партии ее коммунистическую чистоту.

Я же говорю следующее: со времени Турского с'езда множество мелкобуржуазных интеллигентов, поступивших в партию в период под'ема революционной волны в Европе, оставило нас. Об этих мы нисколько не жалеем. Наоборот.

Но со времени Турского с'езда наши ошибки, наша нерешительность, которые были, быть может, неизбежны, удалили из наших рядов, из нашей организации множество хороших пролетариев, которые теперь продолжают нам сочувствовать и которые должны снова занять своё место в нашей партии.

Когда по возвращении из СССР меня пригласили в одну ячейку Парижского района, я нашел, что из 26 членов ее 20 находятся в партии менее 6 месяцев. Они называли меня «господин», потому что видели меня впервые. Никакие рассуждения Бернара не заставят кого-либо поверить, что этим 20 членам принадлежит заслуга перехода партии от левого социализма к коммунизму.

Это 20 прекрасных рабочих, которые могут многому нас научить, но которых и мы можем многому научить.

Они пришли к нам—одни, как беспартийные, другие в качестве социалистов, проникшихся отвращением к своим вождям. Они приходят в наши ряды, руководимые классовым инстинктом, но лишенные солидной теоретической основы. Это по большей части квалифицированные рабочие. Они получают относительно высокую заработную плату и имеют больше возможности, чем другие, оказывать сопротивление хозяевам. Они пренебрежительно относятся к повседневным требованиям масс и с нетерпением стремятся к революционному преобразованию всего строя.

Будучи новообращенными, они имеют склонность примыкать к крайне левым.

В значительной степени именно давлением этих элементов, из которых многие вступают в профсоюзы лишь после того, как они уже в течение нескольких месяцев пробыли в партии, об'ясняются наши ошибки, совершенные нами в период, предшествовавший нашей конференции 2-го декабря 1925 г.

Эти элементы станут прекрасными коммунистами, если партия сумеет их воспитать.

Не прилив этих элементов, но увеличивающийся опыт более старых кадров, вовлеченных в борьбу против оппортунизма и в недавнюю кампанию против марокканской войны, против фашизма и против усилившегося наступления капиталистов, вызвал прогресс нашей партии.

Массы и движение.

Бернар, анализируя нерешительность, проявленную массами в борьбе против усилившегося наступления капитализма, совершает ошибки, которые нужно резко подчеркнуть, ибо они представляют собой совершенно ложную оценку положения во Франции.

Неверно, будто хозяева согласились в недавнем прошлом на увеличение заработной платы по той причине, что это повышение обойдется им менее дорого, чем стачка.

Локауты Рено и Сигроэна, ограничимся лишь наиболее характерными примерами, направленные против десятков тысяч рабочих парижского района, служат ярким опровержением утверждения Бернара, совершенно не признающего воинственного духа боевого верхнего слоя французских предпринимателей.

Неверно, будто социалистическая партия в глазах масс считается потерпевшей полное банкротство. Социалистическая партия собирает вокруг себя в настоящий момент главную часть мелкобуржуазных масс, до сих пор следовавших за радикальной партией. Фашизм, с одной стороны, и компартия—с другой, собирают остальную часть.

Социалистическая партия превратилась в буржуазную партию, поскольку речь идет о ее политике. Но, неверно, будто социалистическая партия окончательно превратилась даже по своему составу в мелкобуржуазную партию.

Социалистическая партия сохраняет крепкую пролетарскую основу в большинстве крупных промышленных районов за исключением парижского района. Назовем, например: Север, Па-де-Калэ, Эльзас, департамент Верхней Вьенны и Лионский район.

Течения внутри партии.

Развитие финансового и политического кризиса во Франции привело в движение мелкобуржуазные массы раньше, чем пролетарские массы. Вначале мелкобуржуазные массы, хуже организованные для оказания сопротивления, пострадали более непосредственно и более сильно от первых ударов кризиса. Огромная активность этих масс вместе с относительной пассивностью пролетариата во время этого первого периода толкала партию в сторону оппортунизма. Это было одной из причин усиления правого течения. Это не было важнейшей причиной, ибо, пока это явление совершалось, партия получила уже прочную пролетарскую базу. Это никоим образом не об'ясняет главного факта, который Бернар обходит молчанием.

Наиболее опасная атака правой исходила не от оппортунистских элементов мелкобуржуазного происхождения, но от во-

рождения наступательного движения в синдикатах, анархо-синдикализма, загримированного коммунистическим синдикализмом. Наибольшая опасность, идущая справа, называется не Суварин—Лорио, а Монатт—Росмер.

Послевоенная Франция, переживающая медленную, благоприятствующую экспорту инфляцию, подвергается процессу индустриализации, привлекающему на заводы новые слои крестьянства.

Эти новые слои вносят в рабочее движение свою собственную идеологию, враждебно относящуюся к централизму, который необходим в борьбе против капитала.

Они питают ненависть к войне, и в их глазах высоко стоит престиж русской революции. Требования английского и американского финансового капитала, требующего у Франции уплаты долгов, вызывает в этих слоях усиление националистического движения, обвиняющего также и Москву в том, что она оказывает слишком сильное давление на рабочее движение в других странах. Это неопределенное и иногда противоречивое настроение новых крестьянских слоев, привлеченных на заводы индустриализацией, послужило основой для оживления деятельности течения Монатт—Росмер в синдикатах.

Следует прибавить, что если наши левые ошибки и не создали правого течения, то они во всяком случае содействовали его развитию, отбрасывая в его об'ятия тех рабочих, которые вполне справедливо были недовольны, но которые ошибались, ища выхода в правом направлении.

Бернар обходит молчанием все эти наиболее значительные причины развития правого направления в партии в течение прошлого года.

Когда Бернар отождествляет течение Морен—Юмбердо с правой, он делает ошибку. Это центристское течение имеет двойственный характер. С одной стороны, оно послужило для замаскирования правой, появившейся в своем настоящем виде в результате кампании, предпринятой против нее 2 декабря. С другой стороны, центристское течение отвело в сторону все недовольство, которое еще оставалось среди прекрасных пролетарских элементов, начавших замечать истинный антикоммунистический характер правых.

Бернар представляет дело так, как будто правое течение совершенно разбито во Франции.

В действительности же, победа над правой в партии не столь блестяща, как та, которая была одержана на Лилльском с'езде, и это потому, что Лилль не был подготовлен широкой дискуссией, а также и потому, что резолюция с'езда, недостаточно раз'ясненная партийной массе, не встретила в партии большого отклика. Правая благоразумно молчит. Но ее кадры продолжают существовать и выжидают лишь случая для наступления.

Тот факт, что партия на Лилльском с'езде и после него не ставила и не разрешала целого ряда жизненных вопросов, может в соединении с общим положением в Коммунистическом Интернационале дать возможность правой в известные моменты найти трамплин. Следует быть настороже.

Недостатки с'езда.

Бернар упрекает с'езд французской партии в том, что он лишь вскользь рассматривал вопрос о положении во Франции и что он отдал слишком много времени критике прошлого, рассмотрению внутренней ситуации партии и изучению международного положения.

Этот упрек необоснован. С'езд продолжался неделю. Два дня были посвящены рассмотрению прошлого и внутреннего положения партии. В течение полутора дней обсуждались международные вопросы, и три дня были посвящены французским вопросам.

В противоположность тому, что утверждает Бернар, положение во Франции и задачи партии были предметом широкой дискуссии на пленарном заседании, и директивы с'езда были выработаны в форме точных резолюций комиссиями, доложившими их в последний день. Падение кабинета Бриана, образование нового кабинета Бриана—Кайо, понижение курса франка, фашистская деятельность,—все эти вопросы были рассмотрены в докладе Семара, в докладеКата и в последовавшей за этими докладами дискуссии.

Верно то, чего Бернар не говорит, а именно, что при рассмотрении внутреннего положения во Франции партия забыла рассмотреть вопросы, наиболее непосредственно касающиеся ее развития.

На с'езд оказало сильное влияние быстрое понижение курса франка, и он не сумел извлечь из изучения внутреннего и международного положения урока о глубоких причинах развития инфляционного кризиса в направлении к стабилизационному кризису, для которого крупный капитал начал уже класть экономический и политический фундамент.

Конгресс не затронул даже вопроса о том, какой политики должна придерживаться наша партия в связи с внутренним кризисом социалистической партии, идущей к расколу путем откола от нее ее правого крыла, которое опирается на часть реформистской Всеобщей Конфедерации Труда. Подобный раскол позволил бы центру и левой образовать независимую партию, которая путем искусной политики сумела бы на австрийский манер подольститься к революционным чувствам масс и задержала бы приближение последних к коммунизму. Это—проблема, которая не может быть разрешена одной лишь тактикой единого фронта, и которая требует, чтобы наша партия не оставалась индифферентной и пассивной во время процесса раскола социалистической партии.

В нашей партии, как и в Интернационале, по профсоюзному вопросу ведут тайную борьбу между собой различные течения: консерватизм в организационном вопросе, стремящийся под видом агитации за профсоюзное единство продлить раскол до бесконечности; ликвидаторство, готовое заплатить за возвращение к синдикальному единству отказом от нашего права критики и от нашего права организоваться в виде фракции в профсоюзном движении; искренняя борьба, посредством агитации и организации об'единительного левого крыла во Всеобщей Конфедерации Труда с целью осуществления профсоюзного единства таким путем, который не означал бы ликвидации коммунистического дви-

жения. С'езд не выяснил этого положения и в результате борьбы за профсоюзное единство.

С'езд ошибочно подошел к вопросу о едином фронте и о временных соглашениях с мелкобуржуазными организациями. Дискуссия заблудилась в сложной казуистике, в поисках за таким катехизисом, который предвидел бы всевозможные случаи и диктовал бы, какого поведения следует придерживаться в каждом отдельном случае. Партия — каждый из ее комитетов, каждый из ее членов—нуждается не в катехизисе, а в компасе, который дал бы ей возможность ориентироваться во всевозможных положениях. Антикапиталистический единый фронт, образованный пролетариатом и его постоянными или временными сотрудниками! Коммунистическая партия, руководящая пролетариатом и направляющая выступление против капитала, благодаря справедливости своей политики и своей инициативе!

Глубоко проникшись содержанием этих директив, партия должна смело приступить к работе, контролировать самое себя через посредство своих обычных органов и посредством постоянной самокритики использовать опыт каждой ошибки и каждого успеха.

Таковы были действительные недостатки с'езда, которых партия не исправила еще после Лилля и о которых Бернар ничего не говорит. Большинство этих вопросов рассматривалось на расширенном пленуме нашего ЦК 2 февраля 1926 г.

На этом заседании эти вопросы, поставленные во французской комиссии некоторыми членами, были отложены для обсуждения их на чисто академическом заседании, состоявшемся после голосования пленума. На этом заседании ограничились лишь кратким обменом мнений. Никакой директивы не выработали.

Вполне понятно, что глухой кризис, переживаемый руководством Интернационала, ответственность за который падает на оппозицию, повлиял неблагоприятно на работу последнего расширенного пленума Исполкома Коминтерна.

Но партия с тех пор оставила изучение этих проблем, решение которых носит наиболее срочный характер. Состояние беспокойства в партии также не было полностью рассеяно в Лилле. В прежних конфликтах по вопросам, ныне уже разрешенным как партией в целом, так и Интернационалом, образовались группы, которые слишком долго оставались в кристаллизованном состоянии. В период, когда это не было необходимо, внутри партии продолжала господствовать дисциплина в большей степени, чем это необходимо,—дисциплина в узких группах и инстинктивное взаимное недоверие, не покоящееся ни на каком серьезном политическом основании. Между тем появились новые проблемы внутреннего и международного характера. И внутри этих групп проявились разногласия, имевшие свое историческое обоснование, но потерявшие всякий смысл на практике. Но узкая дисциплина групп, из которых каждая имела свою зону влияния в партии и в рабочем движении, послужила препятствием для устройства свободной коммунистической дискуссии внутри партии.

Болезненное состояние нашей партии явилось результатом конфликта, возникшего из необходимости, с одной стороны, широкого обсуждения новых проблем и невозможности, с другой стороны, обсуждать их в слишком широких кадрах старых групп, наложивших на своих членов жесткую дисциплину и создавших

таким образом препятствие для развития партии. Лилльский конгресс, продолжая дело 2 декабря, ослабил эту групповую дисциплину и таким образом сделал возможным рассмотрение имеющих жизненное значение для партии вопросов и выработку ясной и точной политики. Этой политики с'езд и партия еще не выработали. Лилльский с'езд, и в этом была его слабость, был скорее компромиссом между группами и лицами, об'единившимися в борьбе против правой, чем действительным об'единением, проведенным сверху донизу, партийных сил на основе ясной, точной положительной политики, полностью соответствующей интересам пролетариата.

Развитие партии.

Бернар различает три этапа в развитии партии: первый, характеризуемый господством лидеров социалистической левой (Фроссар и Жорж Пиош); второй—характеризуемый господством элементов, представляющих мелкобуржуазный революционный радикализм (Трэн, Сюзанна Жиро), и третий—лишь начинающийся, характеризуемый господством молодых рабочих вождей.

Что касается второго и третьего этапа, то события разворачивались в эти периоды вовсе не так, как это изображает Бернар. Второй этап характеризовался расколом в старой левой между мелкобуржуазными элементами (Суварин и Лорио) и элементами, регрессировавшими в сторону анархо-синдикализма (Монатт и Росмер), с одной стороны, и, с другой стороны, коммунистическими элементами, связанными с рабочими массами.

Несколько месяцев спустя после V конгресса, очистившаяся таким образом левая начинает незаметно разлагаться на три группы. Группа, имевшая наибольшее влияние (Трэн, Сюзанна Жиро, Семар, Торрэз, Крэмэ, Марран), выражала настроение рабочих слоев, отличавшихся левыми тенденциями и образовывавших основу партии. Она испытывала на себе влияние неустойчивого равновесия, созданного в Интернационале германской партией, отданной в руки левых — Рут Фишер и Маслова, и влияние тогдашнего делегата Интернационала, предложившего принять целую серию лозунгов, подвергавшихся с тех пор критике, которую руководители Интернационала долгое время обходили молчанием.

Группа Монмуссо, бывшая группа «la Vie Ouvrière», связанная с беспартийными профсоюзными массами, глухо противилась этой политике, но не сумела выдвинуть ясной политической программы и часто ложно формулировала взаимоотношения между партиями и профсоюзами.

Союз коммунистической молодежи с Дорио во главе отражал настроение молодых рабочих, эксплоатируемых в качестве чернорабочих на заводе. Эти последние уделяли большое внимание наиболее скромным повседневным требованиям, но иногда сужали свой горизонт, отличались отсутствием перспектив и обнаруживали тенденцию к пренебрежительному отношению к революционным целям.

Когда ситуация, порожденная ошибками левых, стала явно невозможной, произошла перегруппировка после того, как не удались сделанные мною вместе с новым делегатом Исполкома Коминтерна попытки уговорить первую группу взять на себя

инициативу в проведении радикального изменения в вопросах, касавшихся единого фронта, профсоюзной политики и внутреннего режима партии. Ожесточенное сопротивление со стороны Сюзанны Жиро вызвало неудачу этой попытки.

На конференции 2 декабря Сюзанна Жиро, выступившая в Политбюро против той тактики, которая должна была стать тактикой всей партии, как против оппортунистического уклона, должна была согласиться на компромисс.

Она признала наличность мелких ошибок в прошлой тактике единого фронта, но она искала необходимые улучшения, главным образом, в лучшем техническом функционировании партии.

Трэн и Дорио, поддерживаемые Монмуссо, думали наоборот, что необходимым условием правильного внутреннего функционирования партии является возврат к правильной политике в отношении беспартийных масс, реформистских и профсоюзных масс,— политике, которая отказалась бы от того, чтобы разрывать каждого активного работника на части, заставляя его, с одной стороны, признавать необходимость массовых выступлений, а с другой стороны, считаться с требованиями партии, ставившей предварительным условием единого фронта принятие массами всей партийной программы.

Семар, Крэмэ и Торрэз колебались между этими двумя группами, а затем присоединились к истинной политике 2 декабря.

Вместо того, чтобы констатировать возникновение этой новой здоровой ситуации и содействовать ее укреплению путем изучения и выяснения наиболее срочных проблем, на которых партия останавливалась во время заседания расширенного пленума Центрального Комитета 2 февраля, расширенный Исполком поставил вопрос о том, кому нужно отрубить голову. Одни требовали головы Сюзанны Жиро, другие из соображений о симметрии требовали головы Трэна. Группа Семар, Крэмэ, Торрэз и группа Дорио—Монмуссо вели меж собой борьбу на этой хрупкой почве, а затем приняли компромисс с оговоркой, что головы будут отсекаться французской партией, а не Москвой. Гильотины, даже если они симметричны, не могут заменить политики.

Политика 2 декабря была одобрена Исполкомом, но Трэн, один из инициаторов 2 декабря, остался в Москве, в то время как Сюзанна Жиро, выступавшая против 2 декабря, имела возможность защищать свою точку зрения в период подготовки конгресса. Расхождение между политическими резолюциями расширенного пленума Исполкома и одобренными им организационными мероприятиями не благоприятствовали возникновению ясной политической дискуссии внутри французской партии.

Я не хочу бросить камнем в расширенный пленум Исполкома. Исполком Коминтерна, переживая скрытый кризис, был, несомненно, вынужден в целях спасения главной политической линии принять компромисс в вопросе о лицах.

Если организационные решения, касающиеся меня, могли помочь устранить препятствия, то я их охотно принимаю, но чего я никак не могу принять—это те басни, которые рассказывает Бернар и которые ложно информируют русскую партию и Интернационал.

Неверно, будто я был инициатором той пресловутой подвижной скалы лозунгов, которая свела с ума партию. Эти лозунги, предложенные делегатом Исполкома Коминтерна, были мною приняты так же, как и всем Политбюро. Мы часто выступали против них в согласии с Дорио, как, например, в случае с знаменитым революционным трибуналом. Когда я выступал в защиту этих лозунгов в нашей печати, то это было сделано по поручению Политбюро.

Неверно, будто бы я претендовал на применение ленинистской мысли о гибкой тактике, рекомендуя опровергать шаг за шагом статьи «Тан» и «Либерте». Я, напротив, в различных случаях боролся со стремлением полемизировать с газетами, читаемыми лишь узкими капиталистическими кругами. Я, напротив, рекомендовал опровергать аргументы, появляющиеся в тех газетах, которые оказывают влияние на наиболее близкие партии массы.

Во многих случаях я оставался один, расходясь со всем составом Политбюро и Центрального Комитета.

Впервые это случилось во время с'езда в Клиши, где я восставал против ложных методов работы с бюро конфедерации.

Во второй раз это произошло по поводу марокканской войны. Я никогда не выдвигал лозунга о немедленном превращении марокканской войны в гражданскую войну. Это—легенда, против которой я протестовал с трибуны на последнем расширенном пленуме Исполкома и которую никто не осмелился повторить с трибуны Лилльского с'езда. Я говорил, что в нашей агитации против марокканской войны мы должны доказывать возможность расширения марокканской войны и превращения ее в войну между империалистскими державами и что в случае такой войны мы должны указать на необходимость превращения империалистической войны в гражданскую войну для осуществления социализма и не должны скрывать истинного лица партии.

В третий раз я выступил против безоговорочного отказа во всех случаях от наших голосов в пользу социалистов во втором туре кантональных выборов. Как всеобщее правило с возможностью исключений, я рекомендовал условный отказ в пользу тех социалистов, которые выскажутся за немедленный мир. Этот факт, взятый вместе с предыдущим, показывает, что я понимал, правда, не совсем ясно, разницу между лозунгом единого фронта и революционной партийной пропагандой. Я считаю, кроме того, что в этих двух случаях т. Сюзанна Жиро, закоренелая левая, совершила оппортунистические ошибки.

В четвертый раз это случилось, когда я отказался поехать на конференцию Северного района, для того, чтобы покрыть политику механизации, проводившуюся там Кадо, районным делегатом Политбюро.

В пятый раз это было, когда я восставал в течение трех заседаний, посвященных этому вопросу по моей просьбе, против абстрактного и бюрократического понимания организационной работы, которое, будучи применено тов. Соважем, вызвало возмущение в рядах коммунистической фракции с'езда Унитарной Конфедерации Труда.

В шестой раз (перечисление не идет в хронологическом порядке) это произошло, когда я защищал свою статью, появившуюся в мае 1925 года в «Cahiers du Bolchevisme». В этой статье я восставал против перспективы бесконечной инфляции. Анализируя национальные и международные факторы этой проблемы, я пришел к выводу, что инфляция совершается по ступеням, что

она не пойдет ни так далеко, ни таким быстрым темпом, как в Германии, что стабилизация валюты наступит раньше, чем там, и что кризис дойдет во Франции до высшего пункта после валютной стабилизации, а не до нее, как это было в Германии.

Я выступил против лозунга о заработной плате в золотом исчислении, от которого Унитарная Конфедерация Труда вынуждена была отказаться после того, как она его выдвинула.

Я констатирую, что в этом вопросе события оправдали мои предположения и что моя точка зрения на будущее стала ныне точкой зрения Коминтерна.

Бернар упрекает меня в том, что я молчал на Лилльском конгрессе об ошибках прошлого. Это неверно. В моих выступлениях я признал свои ошибки, но я восстал против всяких попыток возложить на одного человека ответственность за ошибки, совершонные всеми вместе.

Бернар пишет, что я вел борьбу вместе с Дорио за власть. Когда человек глубоко убежден, что его дорога правильная, он ведет борьбу за власть, считая ее средством для осуществления торжества политики, которую он считает наилучшей для пролетариата.

Одно из двух: либо написанное Бернаром означает именно это—и тогда бесполезно было выражать столь банальную мысль, либо же Бернар ловко обвиняет меня в том, что я вел борьбу за власть как за самодовлеющую цель. Если Бернар это думает, пусть он это скажет. Незачем говорить намеками. Что же означают также следующие слова Бернара: «По мере того, как Трэн удаляется от руководящих постов в партии, он становится выразителем новых течений, возникающих в мелкобуржуазном лагере»?

Вся эта манера вести дискуссию при помощи двусмысленных формул, которые могут вызвать позорящее коммуниста толкование, может привести лишь к раздорам и не может заменить об'ективного рассмотрения вопроса.

Я констатирую, что Бернар пользовался неточной информацией, пытаясь доказать, что я являюсь представителем мелкобуржуазного революционного радикализма, оппортунизма худшего вида и колебаний между преувеличенными революционными иллюзиями и преувеличенным пессимизмом.

Его теория развития партии является выражением совершенно демагогического увриеризма. Вместо того, чтобы пытаться улучшить руководство партией, которое, не будучи неприкосновенным нуждается в известной преемственности, Бернар говорит о необходимости замены нынешних руководителей лучшими рабочими элементами. Если Бернар знает людей более подходящих, чем нынешние руководители, то пусть он нам сообщит их имена. Если же он таких не знает, то зачем же смущать партию фантомами?

Европа и Америка.

Бернар выступает против моего тезиса по вопросу Европа—Америка. Он это делает с тем большей легкостью, что он извращает этот тезис так, как ему это угодно.

Следует, однако, когда ведут спор по вопросу, имеющему такое значение, приводить соответствующие цитаты.

Опубликование моих двух выступлений в Лилле послужило бы наверное лучшим опровержением тех ошибочных утверждений, которые высказывались в нашей коммунистической печати и повторялись нашими телеграфными агентствами.

Бернар изображает дело так, будто я сказал, что противоречие интересов между Европой и Америкой уже в настоящее время сильнее, чем противоречия интересов между империализмом отдельных стран внутри Европы.

На самом же деле я просто сказал, что противоречия интересов между Европой и Америкой имеют тенденцию стать более сильными, чем другие противоречия между империализмом отдельных стран. Я прибавил, что эта тенденция может реализоваться лишь в том случае, если развитие в направлении к европейской революции пойдет медленным темпом.

Я констатировал, что противоречие Европа—Америка имеет очень сильную об'ективную базу не только в вопросе о долгах, но также и в вопросе об экономической конференции и о сопротивлении Европы контролю Соединенных Штатов.

Я констатировал, что как в рядах крупной европейской буржуазии, так и в рядах американской отдают себе ясный отчет в быстром росте солидарности европейского капитализма.

Бернар может пренебрегать буржуазной печатью, но речь Черчилля, политика Лушера или Эдмонда Сгиннеса, заявление Бора, даже переданное в печати, имеют большое значение, когда речь идет об оценке разных течений в рядах крупной буржуазии.

Бернар констатирует наличность этих течений, благоприятствующих созданию европейско-капиталистического фронта против Америки, лишь в рядах мелкой буржуазии. Я констатирую их наличность также и в рядах крупной буржуазии. Я утверждаю даже, что течения эти народились именно в рядах крупной буржуазии раньше, чем они увлекли за собой мелкую буржуазию.

И неужели констатировать наличность этих течений равносильно тому, чтобы заставить Интернационал тащиться в хвосте мелкой буржуазии?

И разве потому, что скопища националистов напали в Париже на американских туристов, я должен отказаться от об'ективного анализа международного положения?

Почему же Бернар обходит молчанием тот факт, что я высказался в Лилле за борьбу против всякой европейской капиталистической коалиции и против всякой попытки оказать поддержку Лиге Наций в ее борьбе с американским империализмом? Следует бороться, сказал я, как с американским империализмом, так и с коалицией европейских империалистических держав.

Истолковывать Геную без всяких ограничений, как шаг в направлении к европейской коалиции, это означало бы включать и СССР в эту коалицию, так как СССР участвовал в Генуэзской конференции.

Почему же Бернар замалчивает то, что я сказал против Женевы и заставляет меня говорить о Генуе, о которой я в Лилле не сказал ни одного слова?

Зачем создавать это недоразумение? А также, зачем изображать все это в карикатурном виде? Где это я сказал: кто не согласен с моим тезисом, тот против ленинизма? Я сказал следующее:

«Если верно, что Европа, несмотря на ее внутренние капиталистические противоречия, не идет к созданию коалиции против Соединенных Штатов, то это означает, что Америка еще не настолько могущественна, чтобы быть в состоянии постоянно диктовать законы раз'единенной Европе, посадить ее на паек, выдавать ей по своему усмотрению сырье, и предоставлять ей по своему усмотрению рынки сбыта. В таком случае прав был Троцкий, писавший два года назад об этом вопросе, в таком случае тезисы по международному вопросу, принятые нашим с'ездом в Клиши, неправильны, в таком случае мы идем к сверх'империализму, в таком случае мы подвергаем ревизии один из важнейших вопросов ленинизма. Те, которые думают так, должны это сказать. Мы будем бороться с ними, но полная ясность по этому вопросу необходима. Троцкий пытается, правда, теперь избежать необходимости сделать вывод об эволюции в сторону сверх'империализма.

Но так как он отрицает возможность создания некоей европейской капиталистической коалиции, которая позволила бы Европе померяться силами с Соединенными Штатами, то он вынужден сказать, что единственный путь, идя по которому, Европа может избегнуть американской гегемонии, является близкая революция в Европе. Отсюда всего лишь один шаг до того, чтобы сделать вывод, что капиталистическая стабилизация в настоящее время закончилась.

Таким образом, Троцкий вынужден для того, чтобы избежать вывода в духе сверх'империализма, исключить возможность перспективы более медленного развития.

Его теория не позволяет ему в действительности толковать такую перспективу иначе, как в оппортунистическом смысле, в смысле возможности сверх'империализма, допускающего капиталистическое умиротворение мира».

Бернар заявляет, что с'езд выступил против моего тезиса. Это неверно. Многие члены Политбюро выступали против него с трибуны, не выдвигая взамен ничего определенного. Неверно, что представители крупных районов выступали против моего тезиса. Мишель Марти и Кост, очень осторожно, впрочем, подошедшие к этому вопросу, все-таки не представляют все крупные районы Франции.

Из разговоров, которые я имел в Лилле с делегатами, и из многочисленных полученных мною писем у меня создалось впечатление, что если бы с'езду было предложено высказаться, то он отклонил бы это предложение и вполне справедливо потребовал бы времени для ознакомления с этим вопросом.

Если с'езд восстал против моего тезиса и если мои оппоненты абсолютно уверены в своей правоте, то как же Бернар об'ясняет тот факт, что никто не предложил в Лилле резолюцию в этом смысле.

Я исправил в настоящей статье целый ряд фактических ошибок и привел несколько соображений о положении дел во Франции, которые я считаю справедливыми. Если я совершил ошибку, конечно, против моей воли, то я прошу, чтобы раньше, чем пытаться разбить меня такой погромной атакой, пусть попытаются убедить меня путем серьезной дискуссии.

Когда Ленин вел борьбу с худшими противниками пролетариата, то он вел ее всегда на почве точной информации. Настоящей и прочной победы нельзя одержать посредством методов политического импрессионизма.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

«КОММУНИСТИЧЕСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ». №№ 1, 2, 3 и 4 (59, 60, 61 и 62). Орган Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Выходит еженедельно Ц. 30 к.

Основанный при прямом участии и под непосредственным руководством т. Ленина, журнал «Коммунистический Интернационал» выходил нерегулярно в виде сборника статей, являвшихся важнейшим пособием для пионеров III Интернационала в разных частях света. По мере роста сил Коминтерна и формирования отдельных секций его потребность в регулярно выходящем журнале становилась все более сильной. «К. И.» стал выходить ежемесячно, а теперь и еженедельно (в один и тот же день в Москве и в Берлине). Переход на еженедельное издание «К. И.» ни в коем случае нельзя считать случайным явлением.

Мы переживаем особую полосу в истории загнивания капитализма,—полосу, которая характеризуется процессом быстрой дифференциации сил и выкристаллизовывания мощного левого крыла в рядах казавшихся окостеневшими, реформистских организаций и перегруппировки сил в лагере капитала, делающего самые энергичные усилия для восстановления своего положения.

Редакция журнала с полным основанием говорит во вступительной статье в № 1: «Относительная стабилизация капитализма—да, но воистину не застой, не мервый штиль в процессе мировой истории. Наоборот, нынешний этап характеризуется особым накоплением энергии в развитии движущих сил. Огромные политические антагонизмы, которые развиваются на основе экономических противоречий империализма, хотя, перекрещиваясь, отчасти нейтрализуют друг друга, в то же время непрерывно подрывают и разлагают устои капиталистической стабилизации. Все напрягаются противоречия между стоящими друг против друга силами. То в одной стране, то в другой на политической поверхности происходят быстрые, нервозные изменения ситуации, отражающие мощные процессы брожения, которые назревают в глубинах».

Для того, чтобы видеть, какие мощные процессы развития и накопления революционных сил происходят в мировом рабочем движении, вовсе не требуется вооруженного глаза.

Борьба английского пролетариата в 1926 г. остается, несмотря на великую измену вождей, важнейшим историческим явлением. И это безусловно необходимо подчеркнуть, об этом важно помнить. В передовой № 3 «К. И.» говорится: «Как бы ни тяжело было разочарование, вызванное у людей малодушных ее (всеобщей забастовки) поражением,—остается неоспоримым факт, что английская всеобщая стачка была одним из самых крупных событий после Октябрьской революции».

Каков бы ни был исход беспримерной стачки горняков, одно уже ясно—застоя нет в рабочем движении, мертвая точка далеко позади нас. Борьба английских горняков огромным прожектором освещает все поле сражения и те передвижения, которые происходят в лагерях борющихся сил.

Буржуазия не предается фаталистической вере в свое несокрушимое могущество; она изыскивает и применяет на деле «новейшие» способы эксплоатации рабочего класса, имеющие одну цель—стабилизовать капитализм.

Но все эти современные методы «рационализации» (в Германии) или прямой атаки, неслыханной жестокости (в Англии) ведут лишь к одному— к крайнему обострению классовых противоречий и неслыханному революционизированию рабочих масс в этих именно «стабилизируемых» странах.

Редакция журнала с особой силой подчеркивает важность и глубину этих тенденций. Иллюстрации этих тенденций мы находим в статьях каждой книжки журнала. В особо яркой форме формулированы основные тенденции развития в современном рабочем движении в передовых статьях, из которых приведем отдельные цитаты:

«Прежнее соотношение сил внутри мирового рабочего движения, как оно (это соотношение) сложилось в итоге послевоенного раскола,— говорится в передовой «К. И.» № 3,—ныне радикально меняется. Как внутри с.-д., так и внутри Амстердама все более и более оформляются низовые рабочие течения в пользу сближения и сотрудничества с коммунистами на основе классовой борьбы».

Несмотря на то, что временное поражение всеобщей забастовки английских горняков и трудности социалистического строительства в СССР создают почву для упадочных настроений, растет тяга западно-европейского пролетариата к первому в истории государству диктатуры пролетариата и продолжается процесс собирания левых сил. Вот как характеризуется расположение сил внутри рабочего класса: «На одной стороне—значительная часть тех рабочих масс, которые до сих пор стояли вне нашего воздействия и находились под влиянием с.-д. Эта часть пролетариата, представляющая его основные кадры, двигается справа налево. На другой стороне—в наших собственных рядах—мы имеем крыло, которое проделывает обратный путь—слева направо, к соц.-демократии, хотя и пускает в оборот левую фразеологию» (№ 2).

Особое наглядное отражение этого процесса поляризации сил в мировом рабочем движении мы видели недавно на с'езде английских трэдюнионов в Борнемуте. Тт. Педж Арнот и Мерфи, анализируя результаты этого с'езда (в № 2), констатируют, с одной стороны, поправение таких вождей, как Персель, которые до сих пор прикрывались левой фразой, но, с другой стороны, появление настоящего нового левого крыла. На с'езде в Борнемуте левая оппозиция выступала против Кука, который качнулся вправо, в сторону Генсовета. Еще несколько месяцев тому назад Кук считался «самым левым», а за это лето произошли серьезнейшие события. Блестящий пример пролетарской солидарности, проявленной рабочими СССР во время борьбы горняков, способствовал укреплению симпатий английских рабочих к СССР; значительный прирост членов английской компартии является выражением того же процесса революционизирования масс; на с'езде в Борнемуте больше миллиона голосов оказалось много левее Кука.

Перед лицом этих новых факторов особенно опасны, конечно, всякие ошибки и колебания вправо нашей английской компартии. Тт. Мерфи и Арнот указывают на необходимость как можно скорее ликвидировать эти ошибки.

Колебания вправо в рядах коммунистических партий опасны в особенности теперь, когда капиталисты концентрируют свое наступление против пролетариата, когда с.-д., всячески стараясь затушевать классовые противоречия, делает шаги к установлению коалиции с буржуазией и когда на ряду с общей подготовкой империалистических держав к новым войнам все яснее вырисовывается угроза образования «Священного союза» буржуазии против СССР.

«Рационализация» и картелирование промышленности—вот современный лозунг буржуазии. Смысл его вскрыт т. Спектатором в интересной статье в № 1 «К. И.». Буржуазия стремится «к ускорению оборота капитала и к увеличению интенсивности труда», к образованию монополистических образований в международном масштабе. Рационализация производится на почве организационной реконструкции хозяйства, а не технической, и потому ляжет тяжелым бременем на плечи рабочего класса. Говоря о значении картелирования, т. Спектатор пишет:

«Капитализм и в довоенную эпоху знал и картели и даже международные об'единения предпринимателей; но все же их не было налицо в таких размерах, как теперь, когда они охватывают почти все производство страны... И в данном случае количество переходит в качество. Капитализм изменил свою структуру: он стал монополистическим par excellence, он начинает становиться таким и в международном масштабе. И совершенно естественно, что последствия монополистического капитализма, которые были указаны Лениным,—беспощадная эксплоатация рабочих и крестьянских масс,—проявляются теперь в удесятеренном виде. Повышение цен, под лозунгом которого совершаются теперешняя и рационализация и картелирование, означает еще дальнейшее ухудшение положения рабочих и крестьянских масс».

Отсюда, конечно, вытекает необходимость дальнейшего сплачивания пролетарских сил и образования крепкого единого пролетарского фронта, который мог бы отразить об'единенный натиск капитала.

Буржуазия, организуя международные об'единения, как это правильно подчеркивает т. Спектатор, заключает между собой мир, имея в виду новые хищнические планы, направленные в первую очередь против Советского Союза, а также против Китая (статья Спектатора в № 2 «Гражд. мир» в Дрездене и «братство народов» в Женеве»). Передовая в № 2 «К. И.» «Подготовка империалистической войны» делает обзор всех приготовлений империалистов за последний период и отмечает:

«Английские пираты ведут прямую войну против китайского народа и подготовляют с невероятной быстротой войну против СССР»... «Творцы Версаля, жрецы Локарно, душители углекопов, расстрельщики индусского народа, поработители человечества грозят новой войной. Они готовят ее систематически и планомерно. Так же систематически, планомерно должен готовить свои силы международный пролетариат».

В какой обстановке проходит эта сложная подготовка войны и как в высшей степени важно фиксировать внимание мирового пролетариата на этой опасности, показывают статьи т. Катаямы в № 1: «К положению в Китае» и ст. тов. Мицкевича-Капсукаса: «Окружение СССР и литовско-польский конфликт» в № 3 «К. И.».

В предвидении серьезных и крупных конфликтов с пролетариатом буржуазия стремится заключить союз с вождями реформистов и подготовить почву для политической коалиции.

«Германия,—говорит т. Спектатор в статье «Гражданский мир» в № 2,—стоит перед эпохой чрезвычайно тяжелых конфликтов, и этим об'ясняется выступление представителя крупных промышленников в Зильверберге и заигрывание их с с.-д. Но миллионы безработных, тяжелая судьба, ждущая еще многих и многих тысяч рабочих, является причиной того, что в рабочих массах оживает снова дух революционной борьбы и в первую очередь, крепнет воля и стремление к закреплению пролетарского единого фронта».

В этом отношении большую роль призвана сыграть кампания за созыв конгресса трудящихся в Германии, которая (кампания), как это показывает в своей статье т. Шляффер (№ 3), явится новым этапом на пути к собиранию сил германского пролетариата в борьбе с буржуазией, к закреплению успехов, достигнутых компартией во время кампании против возмещения монархической династии, и расширит базу единого фронта в профсоюзах и фабзавкомах.

Соц.-демократия пытается затушевать подлинное соотношение сил в Германии, но предварительные результаты народной переписи 1925 г., как то доказывает т. Варга в № 3 в статье «Пролетаризованная Германия», подтверждают, что «пролетариат составляет значительное большинство среди трудового населения Германии» и процесс пролетаризации за последние два десятилетия сильно шагнул вперед. Это обстоятельство имеет безусловное значение для установления тактики и стратегии нашей партии в период до захвата власти и в период диктатуры.

Наступление капитала на пролетариат становится все более активным, развертывается быстрым темпом и делает тактику единого фронта наиболее актуальной. Тов. Эрколи в статье «Наступление капитала и некоторые основные задачи профсоюзов» (№ 2) пишет: «Тактика единого фронта имеет, таким образом, значение не только разоблачительного маневра: она имеет также положительное значение в том смысле, что стремится противопоставить об'единенным силам капитала мощную силу рабочих и таким образом противодействовать попыткам стабилизации капитала».

Указывая на некоторые успехи этой тактики (комитеты действия в Англии, комитеты пролетарского единства во Франции и агитационные комитеты в Италии), т. Эрколи подчеркивает необходимость поставить в центре внимания вопрос о фабзавкоме—как исходном пункте борьбы за классовую организацию. «Борьба за профсоюзное единство пролетариата должна стать доминирующей нотой нашей повседневной политико-профессиональной борьбы», приходит к заключению тов. Эрколи.

И эта борьба за единство должна вестись со всей энергией, несмотря на возможные ошибки и огромные затруднения. Тяга рабочих к единому фронту неодолима, вопреки сопротивлению реформистских вождей и несмотря на отдельные промахи наших товарищей. В этом отношении поучителен опыт болгарских товарищей. Выяснению уроков этого опыта посвящена статья т. Димитрова в № 2 «Борьба за профсоюзное единство в Болгарии».

Сдвиги в рабочих массах, особенно в тех слоях, которые идут еще за с.-д., делают особенно важным и необходимым тщательное изучение соц.-дем. и эволюции как масс, быстро двигающихся влево, так и вождей, с одной стороны, сбрасывающих революционный плащ, а с другой стороны, пытающихся путем сочинения новых программ удержать свои позиции в рабочих массах. В процессе поляризации сил в рабочем классе быстро перемалываются и теряют свое значение центристские элементы. Тов. Штрассер в статье «Центристский документ» (№ 3) показывает, как «блудливый сын» II Интернационала Роберт Гримм подготовил свое возвращение в него, как этот герой «центризма», кокетничавший столь долгое время с революционными массами, скатился к обыкновенным реформистам, мечтающим о министерском портфеле.

Реформисты, особенно наиболее умные из них, продолжают цепляться за марксистские формулировки и не прочь пококетничать даже с большевистскими лозунгами. Австрийские соц.-дем. больше всего отличились своим искусством приготовления программы, которая, не удовлетворяя ни одному революционному требованию пролетариата, создает впечатление радикальности. Борьба с ханжеством, лицемерием, фальсификаторством австрийских «марксистов» в «самой сильной» партии II Интернационала является одной из серьезнейших задач в нашей борьбе с реформистами. Блестящая статья т. Бухарина в № 1 «Новая программа австрийской с.-д.» дает основательную критику господ австро-марксистов, «лавирующих и маневрирующих» против пролетариата, и выскрывает весь «эклектизм, реформизм и оппортунизм» их «марксизма». Тов. Бухарин констатируя полное отсутствие элементов классовой идеи пролетариата в этой новой «похлебке» австрийских с.-д., указывает, что «кокетство большевистскими фразами есть не проявление любви к революции, а проявление антиреволюционного коварства».

Здоровый пролетарский инстинкт, дающий возможность пролетарским массам выбраться на верный путь классовой борьбы, конечно, чужд тем героям упадочных настроений, которые за последние годы уходили из рядов Коммунистического Интернационала.

Передовая № 3 «К. И.» пишет: «Вся история Коммунистического Интернационала полна разительными примерами отхода от коммунистического движения разочаровавшихся «рыцарей на час». Но эти люди не уходили просто: они пытались давать обоснование своему отходу «левой критикой». Так было с Фроссаром, Транмелем, Хеглундом, так повторяется с германскими Коршами и т. д.

Тщательное изучение природы этих «левых» приобретает особое значение в данный момент, когда дезорганизаторская работа «левой» оппозиции германской партии принимает такие большие размеры и когда борьба за массовые компартии требует от нас самого большого напряжения.

Только преодолев саботаж сектантских групп внутри некоторых компартий, при неутомимой, полной энтузиазма борьбе за массовые компартии, можно будет «дать решительный отпор упадочным настроениям, драпирующимся в тогу «левого» недовольства».

Выразители этого «левого» недовольства, нытики и маловеры, беспринципные критики и крикливые дезорганизаторы особенно активны в Германии, где они с наибольшим остервенением стараются внести смуту в умы рабочих и взорвать компартию. Тов. Яблонский дает в № 2 полный анализ платформы ренегата Корша, который сумел превзойти самых закоренелых предателей и под видом борьбы с якобы «разлагающейся коммунистической мировой партией» фактически скатился к меньшевикам и другим врагам Советской Страны. Подобную же эволюцию этих «рыцарей на час» мы видим и на примере Транмеля в Норвегии, о чем имеется в № 2 статья т. Фиорда «Саморазоблачение Транмеля».

Поворотный пункт, который мы переживаем сейчас в истории рабочего движения, сопровождается целым рядом новых идеологических шатаний в рядах мелкой буржуазии, козыряющих в данный момент «ультралевыми» фразами.

Тов. Яблонский в статье «Как мелкий буржуа делал революцию» (№ 2), подвергая резкой критике платформу группы Корша, пишет: «Теперь, когда революционный пролетариат снова решительно и энергично собирает свои силы, чтобы единым фронтом дать отпор наступлению буржуазии, идеологическая физиономия мелкого буржуа искажается отвратительными гримасами, отражение которых мы находим в непревзойденной ренегатской платформе Корша».

Критика платформы Корша, равно как и тщательный разбор меморандума ультра-левых ГКП, сделанный в серии статей т. Клары

Цеткин (№№ 3 и 4), особенно интересны для нас, так как рассуждения и доводы германских оппозиционеров фактически являются логическим развитием и воспроизведением в неприкрашенных формах многих основных положений «оппозиционного блока» в ВКП.

Тов. Клара Цеткин, разбирая меморандум ультра-левых ГКП, приходит к заключению: «Из «важных документов» явствует лишь одно: налаженность связи между ультра-левыми и оппозиционной фракцией в ВКП(б). Эти документы носят, несомненно, фабричную марку: «изготовлены в Москве».

Каждому члену партии необходимо внимательно изучить как платформу Корша, так и меморандум ультра-левых, так как в этих документах лучше всего видна демагогическая беспринципность, идейная скудость, истерическая крикливость нашей оппозиции и братающейся с ней германской ультра-левой.

Полное непонимание оппозицией основных тенденций развития нашего хозяйства и значения поворотного пункта нашего строительства находит свою оценку в статье т. Стэна («Ленинизм или троцкизм» в № 2). Очень интересно вскрывает фракционную беспринципность и беспочвенное паникерство как германских ультра-левых, так и нашей оппозиции, т. Айхенвальд в статье «Тенденции и итоги хозяйственного развития Советского Союза».

Необходимо обратить внимание на прекрасную передовую статью № 4 «Дьявольская машина». Статья начинается словами упрека по адресу компартий капиталистических стран: «Как плохо вы еще боретесь с бесчеловечным террором наших заклятых врагов!» Белый террор, возведенный в систему классового господства контрреволюционной буржуазии почти во всех странах, безусловно требует более энергичной и более развернутой борьбы в международном масштабе. Эта борьба имеет теперь первостепенное значение как в одолении нашего основного врага—буржуазии, так и разоблачении с.-д., старательно затушевывающих гнусные деяния палачей и являющихся их прямыми пособниками.

В рецензируемых номерах журнала мы находим целый ряд статей, характеризующих положение отдельных партий. Из них отметим статью Дж. Мерфи о предстоящем восьмом конгрессе английской компартии (в № 4), в которой автор подробно останавливается на правых ошибках партии, затем статью т. Жана Шавароша «Стабилизация франка и экономические перспективы Франции» (№ 4) и статью т. Тан-Пин-Шана (в № 4), представляющую опыт анализа социальных взаимоотношений в Китае и в частности в Гуандуне. Еще заслуживает упоминания статья т. Лозовского в № 3, посвященная 25-летию профессионального движения.

Следует отметить наличие в каждом номере журнала интересно составленного и поучительного отдела критики и обзора книг по международной политике и рабочему движению.

Нет возможности исчерпать всего материала этих номеров еженедельника. Содержание его разнообразно, многосторонне; читается с захватывающим интересом, так как все статьи затрагивают самые жгучие и важные проблемы мирового коммунистического движения, проблемы близкие как ВКП, так и заграничным секциям К. И.

Редакция журнала права, когда пишет в № 1 «К. И.»: «Интернационализация важных актуальных вопросов рабочего движения отдельных стран со времени великой Октябрьской революции с каждым годом идет беспрерывно вперед. Стачка английских горнорабочих в этом году есть нечто совершенно иное, чем стачки былых времен: она является событием мировым. Очередные вопросы китайского рабочего движения затрагивают теперь жизненные интересы во всей Европе. И борьба ЦК ВКП(б) против мелкобуржуазных уклонов, представленных новой оппозицией, непосредственно вызывает в рядах рабочего движения других стран живейший отклик и активное выявление позиций за или против, как если бы речь шла о самых острых вопросах рабочего движения собственной страны».

Как в борьбе за массовые компартии за границей, так и в строительстве социализма в нашей стране,— в этих неразрывно сообщающихся сосудах единой борьбы за мировую революцию—существование боевого руководящего органа—К. И., способствующего вооружению пролетариата ленинизмом и готовящего кадры для борьбы за диктатуру пролетариата, является делом первостепенной необходимости и важности.

Первые четыре номера дают полное основание надеяться, что «Коммунистический Интернационал» будет пользоваться вниманием широких партийных кругов.

Д. Ихок.
